

MEDIANN

grimdark & dark fantasy magazine

СЕРГЕЙ ТАРАСОВ • ДМИТРИЙ КОСТЮКЕВИЧ | РОМАН ПРИДОРОГИН
ВЛАДИМИР РОМАХИН • АЛЕКСЕЙ ЖАРКОВ • GERMAN ШЕНДЕРОВ • ЕГОР ЕМЕЛЬЯНОВ
ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ • КИРИЛЛ ТОКАРЕВ • АЛЕКСАНДР ДЕДОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Медианн

Сергей Тарасов

Даже воины нуждаются в любви.....4

Летопись темных миров

Владимир Ромахин

Дневник песка.....42

Евгений Абрамович

Тихие воды.....56

Александр Дедов

Прикасаясь к гибели.....86

Егор Емельянов

Последняя Стража.....127

Дмитрий Костюкевич | Роман Придорогин

Полные реки.....156

Герман Шендеров

Великая блудница.....191

Кирилл Токарев

Надежда на невозможное.....223

Алексей Жарков

В шаге от веры.....259

Mediann, №2, июль 2019. Альманах гримдарка и темного фэнтези, 18+

Главный редактор: Александр Дедов

Дизайн: Emily Artist

Иллюстрации: Денис Хайдаров, Илья Орехов, Emily Artist

Верстка: Александр Дедов

МЕДИАНН

Сергей Тарасов

Даже воины нуждаются в любви

1. Солдат

Келли спрятался за скалой, пока исчадия ада рвали на куски трех легионеров буквально в десятке метров от него. Он сидел с подветренной стороны,

поэтому чудовища не могли учуять присутствия еще одного живого человека. Спина затекла от напряжения и неудобной позы; он вздрагивал от каждого рыка и поскуливания монстров, бессловесно молясь про себя святому Патрику и целуя медальон на груди. Впереди, в разверстой пасти долины Тоттенланде, вспыхивали огни походного лагеря вражеской армии. Оттуда доносился непрерывный вой и исполненные ужаса вопли пленных офицеров. Били военные барабаны: враг праздновал победу.

Слева, у подножия высокого лесистого холма с чахлыми деревьями, полыхал бывший аванпост. Капитан Льюис Арктур доблестно держал оборону, ничего не скажешь. Безумец! Половина легиона «Кровавый Шемрок» полегла на этом рубеже, завалив брустверы изуродованными телами. А толку? Расшатанное залпами железное жерло пушки сейчас безучастно смотрело на миллион беснующихся в ледяной долине тварей, поедающих заживо его, Тиббота Келли, сослуживцев. Где обещанная артподдержка? Где провизия, машины и боеприпасы? Где свежие рекруты? Проклятые римские военачальнички просто бросили их, практически безоружных, чтобы заткнуть слабое место на бесконечной границе Медианна и Хадеса. Никто не мог предугадать, что именно здесь будут стянуты основные силы Тоттенланде. Вдалеке, километрах в двух, напоминанием о горьком поражении виднелась брешь в сторожевой стене. Там остатки легиона, запертые в отдельных караульных башнях, еще пытались сражаться с бесчисленными полчищами нечисти. Ветер доносил треск винтовочных выстрелов и стрекотание одинокого пулемета.

Декан Тиббот Келли служил в девятой «безумной» центурии легиона «Кровавый Шемрок»; под началом самого отчаянного центуриона — Льюиса Аркура — он был готов нырнуть в Ад и принести голову самого Дьявола! Но сейчас, когда командир мертв, Келли охватил страх. В детстве, еще в ТОМ мире, мама не раз говорила ему, что имя его значит «храбрый, смелый человек». В легионе его научили, что бояться смерти — нормально. Костявая уже заставляла его врасплох, не на поле боя, а в пабе — трусливым ударом в спину. Тогда Келли не заметил, как в пылу горячего спора английский матрос достал из рукава тонкий стилет, стоило только отвернуться. Было очень больно; по сию пору, спустя шесть лет после

попадания в Медианн, он снова и снова чувствовал холодное лезвие между ребер, стоило только испугаться. В тот день Келли не верил, что может умереть; он поклялся себе, что выживет. А потом он попал сюда. В трижды проклятый Медианн. И вот сейчас опять умирать? Ну уж нет!

Келли стиснул крепче цевье винтовки. Если хоть одна из тварей почует его, он живым не дастся. Не в традициях семьи Келли пасовать перед трудностями. Настоящий ирландец всегда готов драться!

Но все обошлось. Чудовища ушли, оставив от легионеров три кровавые горки костей и требухи. Проходя мимо, Келли презрительно сплюнул на останки. Труссы! Они сдались и сложили оружие, положившись на милость победителей.

Декан карабкался вверх по склону холма, оглядываясь на каждый шорох. Первоначальное возбуждение схлынуло; Келли чувствовал, как мокрая штанина липнет к ноге, как остывает взмокшее тело под теплой паркой. Ощупывая ногу, он вспомнил, как его задело при перестрелке. Надо обработать рану. Завтра. Если сумеет спастись.

* * *

С промерзшей земли поднималась едкая и вязкая мгла. На границе с Тоттенланде всегда сумрачно и холодно, однако сейчас путь освещало зарево горящих тут и там костров неприятеля. Отовсюду доносилась пьяная ругань. Празднующие победу дикари выставили мало дозоров, так что пока одинокому беглецу удавалось оставаться незамеченным. Он шел, спотыкаясь от усталости, изредка залегая у вывороченных с корнем деревьев. Но вскоре, к его облегчению, цепь костров поредела, а потом и вовсе исчезла. Стало куда спокойнее: в мутном воздухе летали сухие листья, а ветер принес аромат надежды

Однако нога беспокоила все больше и больше. Келли едва волок за собой израненную конечность. Пуля прошла мясо, не задев кость. Рана, по всей видимости, загноилась без должной обработки. «Гангрена, — била набатом страшная мысль в

глубине сознания. — Только бы не она...» Это будет настоящим издевательством — суметь выбраться из такой задницы, но умереть от сраной, мать ее, гангрены!

Предстоящий путь пугал. Можно вернуться в тыл, но Келли помнил, как в гарнизоне относятся к возвратившимся с поля боя. Запросто могут записать в дезертиры и казнить решением военного трибунала. Делов-то: веревку на шею, быстро зачитать приговор и дернуть рычаг люка. Но могли случиться вещи и похуже! Например, нарваться на патруль одного из княжеств Хадеса. А еще, если идти по пути к Великой Свалке, которая заканчивается как раз в этих краях, можно попасться на глаза любой из десятков обитающих здесь банд: работорговцев, перекупщиков, мародеров и даже каннибалов. Ребята из центурии рассказывали разные гадости о границе Истинного Медианна и Хадеса.

Выбор невелик. Но для начала нужно что-то сделать с ногой. Достать лекарств, попытаться остановить заражение и отлежаться хотя бы дня три. Сейчас это казалось настоящей фантастикой. А что дальше... Какая разница? Главное выжить!

Келли задрал голову. Там, в мутной сумеречной дымке, вырисовывались башни, козырьки и крыши Маркианополя. *Город над головой...* Келли сейчас отдал бы все что угодно за возможность одним глазком глянуть на обыкновенное земное небо. Ему до сих пор, даже спустя шесть лет, иногда казалось, что вся эта чертовщина с загробной жизнью — плод его воспаленной фантазии, последняя вспышка активности умирающего мозга, создающего для разума целые вселенные... Впрочем, не время размышлять о высоких материях. Подышать во второй раз он уж точно не собирался.

Впереди изгибалась бурная река с изукрашенной бензиновыми разводами поверхностью воды. Декан направился вверх по течению, время от времени останавливаясь, чтобы растереть ноющую ногу. Он отстегнул из винтовочной обоймы патрон, расковырял кончиком ножа и сыпанул пороху по обе стороны сквозной раны. Растер ладонью. Едва не теряя сознание, Келли шипел сквозь зубы от накачивающих спазмов. Больно так, будто бы под кожей сидит мелкий гадкий «томми» и медленно, с британским садизмом, вкручивает в мясо затупленное острие штыка.

Начало мутить. Легионер потерял счет времени и брел по

берегу, часто отдыхая и с каждым разом прилагая все больше усилий, чтобы подняться, перекинуть через плечо свой чиненный-перечиненный «Винчестер» и идти дальше. После третьего приступа тошноты он решил перекусить, хотя есть совсем и не хотелось. Вещмешок остался там, на поле боя, но в кармане у Келли со вчерашнего дня валялся сверток с двумя куриными сандвичами. А еще имелась упаковка табака, да вот засада — ни спичек, ни бумаги нет, все растерял во время той дьявольской перестрелки.

Ему то ли приснилось, то ли привиделось наяву, как он уткнулся лбом в каменную стену, увитую плющом, и побрел вдоль нее. Стена невысокая — почти изгородь, сложена явно не в прошлом году; камни покрыты зеленым влажный мох. Вновь сгустившийся туман не дал разглядеть, куда ведет изгородь, и Келли так и шел в беспамятстве, пока не наткнулся на проржавевшие ворота, за которыми начиналась заросшая бурьяном дорога.

Тут он и пришел в себя. Похлопал ладонями по заросшим рыжей щетиной щекам, чтобы взбодриться, и взял оружие наизготовку. Если есть изгородь — найдется и дом, верно? А в доме могут быть хозяева...

Дорога проходила через небольшой сквер с одичавшей растительностью, посередине возвышалась облупившаяся статуя мужчины с раскрытой книгой в руках. За гипсовым изваянием Келли увидел фасад здания, наполовину утонувший в белесом тумане. Храм. Нет, монастырь. На фронте красовался знак какого-то неизвестного божества; постройка кирпичная и довольно большая — на несколько флигелей, один из которых уже обвалился от времени. Двери нет: темный дверной проем зарос холодолюбивыми сорняками.

Не веря своим глазам, легионер перекрестился по старой привычке и еще раз поцеловал медальон с изображением Святого Патрика. Вот же ж пруха! Монастырь давным-давно покинут и, должно быть, разграблен, но внутри могут найтись хотя бы спички. Черт его знает, что за сумасшедшие возвели тут монастырь. Может, когда-то давно фронт боевых действий пролегал дальше вглубь территории Хадеса. Но, как бы то ни было, некто там, на небесах, услышал мольбы бедняги Тиббота.

Келли осторожно входил внутрь; за спиной послышалось шуршание. Он резко обернулся и направил винтовку на кусты,

разглядывая их через прицел. Никого. Неужто показалось?

— Эй! Есть кто? — выкрикнул он и удивился тому, как охрип и изменился его голос за прошедшие сутки.

Тишина. Аккуратно пятясь назад, легионер спрятался в мрачном и гулком фойе, не спуская глаз с кустарника. Пусто. Значит, фантазия разыгралась. Но солдат привык полагаться на свое чутье, и сейчас что-то внутри говорило ему: здесь не все так просто. Это не зверь. За ним следят. Уж чужой-то взгляд он научился чують спиной за все годы, проведенные в окопах.

Нужно быть настороже. Но первым делом поискать хоть какие-то лекарства и спички, огниво на худой конец! Стараясь не перемещать вес на больную ногу, Келли поднялся на второй этаж. Разруха. Пыльные кабинеты и кельи с деревянными панелями на стенах. Мебель изломана в щепки либо раскисла от сырости. В одном из помещений попался черный круг сажи на полу: здесь совсем недавно кто-то становился лагерем.

На втором этаже не нашлось ничего интересного. Зверски захотелось спать: кошмар и переживания последних суток навалились на плечи тяжелой наковальней. Найдя кровать с поржавевшей панцирной сеткой, мужчина бросил на нее мундир, забаррикадировал дверь тяжелым, но рассыпающимся в труху секретером, и провалился в сон, сжав ладони на деревянном ложе винтовки. Келли клятвенно пообещал себе, что проснется при первом же постороннем шорохе. «Просто вздремну немного» — прошептал легионер.

Ночью у него началась лихорадка.

* * *

Ему приснилась женщина. Нет, не женщина. Женщиной он мог бы назвать свою мать. Это чудесное создание можно наречь разве что ангелом. Волосы будто из кипящего золота: недлинные, стрижка каре, сияют подобно миниатюрному солнцу. Кожа бархатная, молочно-белого оттенка. Он никогда не встречал настолько приятных на ощупь представительниц прекрасного пола.

Да, он дотрагивался до нее. Точнее — это она его трогала.

Везде, причем в таких местах, что обычно нескромный ирландец покраснел бы от стыда. Но ведь это сон. Поэтому казались нормальными и естественными ее лишённые и намёка на пошлость прикосновения; ее жаркий шепот на ухо, обещающий величайшее блаженство во вселенной; ее сверкающие изумрудом божественные глаза. И губы: мягкие, нежнее самого нежного шелка. Горячий язык, проникающий в его рот, исследующий изгибы неба, каждый зуб, малейший миллиметр его языка. И тяжелая грудь, которой она скользила по животу легионера, в то время как он выгибался, постанывая от наслаждения. Еще никогда ему не было так хорошо. Как жаль, что это всего лишь сон.

А когда все закончилось и ангел ушел, соблазнительно поводя белыми полукругами зада, Тиббот отвернулся к стене и провалился в чернильную бездну забытья.

* * *

Он проснулся как-то резко, словно ныряльщик, вырвавшийся на поверхность воды после глубокого нырка. Со свистом втянул воздух в легкие. Он жив... Он жив! Жив! Или это еще одно перерождение? Очередной Медианн?

Келли оглянулся. Нет, он все там же. Комната осталась прежней, но отсутствовало несколько важных деталей: секретер у стены, его одежда и распроклятая, мать ее так, винтовка!

Он сбросил одеяло (которым его кто-то заботливо укрыл, вдобавок подложив под спину матрас). Нога зажала, на месте пулевого ранения остался маленький розовый рубец.

— Э-эй! Кто здесь?

На пороге комнаты появилась Она. Келли сразу узнал ее. И тотчас понял, что «секс с богиней» ему не причудился. Только на сей раз прекрасная незнакомка была одета в мешковатую униформу, а поражающие воображение волосы завязаны пучком на затылке. Ярко-зеленые глаза мерцали на бледном, как мрамор, идеальном лице. Она улыбалась, и от ее улыбки Келли захотелось пасть ниц и целовать подошвы ее армейских сапог.

— Проснулся, воин?

— Кто вы? Где я?

Из-за спины красавицы вышли еще двое: мужчина, угрюмый и крепко сбитый, несомненно, выдавший разное дерьмо старый вояка, и женщина, весьма симпатичная, однако ее красота меркла на фоне златовласой богини. Вояка с нарочитой небрежностью держал руку у пистолетной кобуры.

— Вы все там же, — мелодично проворковала девушка, и от ее голоса заныло в груди.

— А вы кто? Где мое оружие?

— Тебе его вернут, парень, — пробасил охранник, — нам чужой хлам без надобности.

— Меня зовут Альтаир, — представилась «богиня», — это Лили, а это Карл. Мы мародеры. А вот вы кто такой?

— Я легионер. Тиббот Келли. Декан девятой центурии. Вернее был им когда-то...

Он вдруг осознал, что стоит перед ними в чем мать родила, и стыдливо подхватил одеяло, обернув вокруг пояса. Карл хмыкнул, пробормотав что-то по-немецки, а женщина по имени Лили усмехнулась:

— Альтаир, ты там чего-то не разглядела позавчера?

— Даже не знаю... Надеюсь, господин легионер не будет против, если я еще как-нибудь взгляну. — Альтаир сверкнула глазками. — Тиббот, если вы пообещаете вести себя адекватно, вам принесут ружье и одежду.

— Обещаю.

— Лили, распорядись там, будь добра. И принеси куриного бульона, пускай наш гость немного отойдет после болезни.

— После болезни?

— У вас была сильнейшая лихорадка. И гангрена на ноге. Не найди мы вас вовремя — вы уже были бы мертвы.

— Не впервой, — пробормотал Келли и сел на край кровати. — Сколько времени я был в отключке?

— Почти три дня.

— Три дня?

— Да, а что вас удивляет?

— Вы сказали про гангрену... Я был серьезно ранен. Такое не проходит за три дня. Рубцу будто бы пара недель. Чудеса да и только!

— Декан, — ласково сказала девушка и взъерошила рыжие вихры, подойдя ближе, — я не человек.

— Новости! На ублюдка-полукровку из Хадеса вы точно не похожи. Вы ведь не из Хадеса?

— Нет. Я родом из Дорая.

— Дорай? — он ничего не мог понять. — И как же вы попали в эту задницу? Вы не похожи ни на одного из магов, что мне доводилось встречать, но своим выздоровлением я уж точно обязан колдовству. Вашему. Кто же вы такая?

Альтаир промолчала. За нее ответил Карл:

— В ней течет ангельская кровь, парень. Она почти ангел. И она лечит людей любовью.

* * *

— С Карлом мы познакомились не так давно. Он пришлец, как и вы, Келли; умер на другой большой войне. Кажется, ее называют «Вторая Мировая». Почти год назад в него всадили несколько пуль, но я успела его вылечить.

— То есть все это мне не привиделось? Мы с вами действительно...

— Да, мы занимались любовью, пока вы лежали в бреду. И спасла тем самым от смерти. Я проделывала этот трюк со всеми из нашего отряда.

Они вышли во внутренний двор монастыря. Несколько человек сидели и чистили оружие: выдавшие виды «болтовки», тронутые ржавчиной «Винчестеры», несколько добротных пулеметов. Келли увидел даже один дефицитный автомат. С Келли все здоровались и вообще обращались в целом дружелюбно; эти люди казались ему симпатичными, но кодекс legionера, с годами въевшийся в подкорку, велел держаться с мародерами настороже. Как говаривала его матушка, *a change is as good as a rest*.

Из дворика через длинную анфиладу они попали в большое помещение, должно быть, бывшее ранее обеденным залом у монахов. Они встали в конце небольшой очереди, где высокий чернокожий мужчина в грязном поварском колпаке

разливал по мискам суп. Девушка не переставая говорила.

По словам Альтаир их отряд, живущий в основном за счет добычи и перепродажи всякого хлама с Великой Свалки, расквартирован в монастыре уже пятый месяц, однако пару недель назад им пришлось сняться, чтобы выполнить заказ — сопроводить «караван» работорговцев, идущий от границ Хадеса в Истинный Медианн. Купцы и контрабандисты бегут из Тоттенланде, который в последнее время из обыкновенного кошмара превратился в настоящий ад. Объединенные княжества и кланы Предпреисподней ведут наступление по всем фронтам, и для умелых и в меру жадных наемников всегда найдется работенка.

— Спасибо, — все, что смог выдать из себя Келли.

— За секс или за жизнь?

— За то и другое.

— Принимаю вашу благодарность и делаю встречное предложение. Вступите в наш отряд?

Сердце в груди Тиббота затрепетало и забилося о ребра, угрожая разорваться от восторга. Он слотнул вязкую слюну, наблюдая, как Альтаир садится за обеденный стол и дует на ложку горячего супа, успевая разговаривать с ним. Рядом уселся Карл и буркнул легионеру на ухо:

— Соглашайся, парень. Один не выживешь. Это лучше, чем *bitten und flehen*.

— Да, Келли, соглашайтесь. У нет армейской муштры. Отношения — свободные. Добыча — по частям. Правила — строгие. Прошу только не ранить себя специально, чтобы заслужить ночь со мной. Я дарю любовь всем своим людям. Знаете, Келли, даже воины нуждаются в любви.

— Я... Знаете, я... — он не мог вымолвить ни слова.

— Не говорите ничего пока что. Я дам вам время подумать. У нас есть одна традиция: всем новым рекрутам я прежде всего рассказываю свою историю, а уж потом они принимают окончательное решение. Готовы слушать мою болтовню пару часов?

Келли кивнул. Альтаир улыбнулась, окончательно покорила его сердце, и начала свой рассказ.

2. Препарадиз

В тридевятиом царстве, в тридевятиом государстве жила-была девочка с золотыми волосами. Она была очень красивой, настолько красивой, что с самого детства мужчины смотрели на нее с вожделением, а женщины с завистью. Она жила в клетке, как яркая тропическая птица, и мечтала однажды вырваться на свободу.

У девочки была мать. Прежде чем попасть в Дорай, она умерла от пневмонии в другом мире, о котором часто рассказывала дочери. Она и дочку назвала в честь звезды на земном небосклоне: Альтаир. В детстве мама постоянно твердила девочке, что она самая красивая; и это было правдой. Называла ее необычной, и это тоже оказалось чистойшей правдой. Потому что Альтаир родилась, подобно Иисусу, от непорочного зачатия.

У мамы на животе имелся шрам — кривой и лилового цвета. Неумелая акушерка делала кесарево сечение. Мама девочки была девственницей.

Может, сказался тот факт, что при появлении в Медианне матушка сразу попала в женский монастырь. В Дорае любят религии всех сортов. Быть может, все дело в эфире — девочка не единственный ангел-полукровка. Так или иначе, спустя девять месяцев родилась девочка с золотыми волосами.

Когда девочке исполнилось тринадцать, мать отправила ее в пригород Амадиса, на годовые курсы обучения швейному делу. Там располагалась целая мануфактура и женское общежитие. В первую же ночь девочку изнасиловали. До сих пор она не может простить матери того опрометчивого поступка.

Насильника звали Абдул. Огромный мусульманин со шрамом через все лицо: он отслужил пять лет на границе между Средним миром и Дораем, чтобы получить гражданство. В мануфактуре он занимал должность начальника. С тех пор он стал насиловать девочку каждый день, а позже — приводить своих друзей и продавать ее им. Девочка стоила дорого. Нет сомнений, что симпатичная мордашка сыграла свою роль, но главным оказалось другое: после первого же коитуса Абдул

заметил, что у него пропала мучавшая его второй месяц зубная боль, исчез дурной запах изо рта, улучшилось пищеварение. Сначала он, естественно, списал все на случайность. Но уже после третьего акта насилия Абдулл, к своему изумлению, увидел, как уродливый шрам на лице начал рассасываться. Чтобы проверить возникшую теорию, он подложил девочку под двух знакомых с болячками. Все исцелились.

Альтаир не могла забеременеть. Она не могла подхватить амурные болезни. С каждым клиентом она трахалась самозабвенно, будто в последний раз, доставляя мужчинам неземное удовольствие. Слух о необычной проститутке разошелся по Амадису, и вот в один прекрасный день Абдулла убили, а яркую птицу увезли в ее золотую клетку.

* * *

Альтаир просыпалась в своей золотой клетке день ото дня, тоскливо глядя на улицу, где в эфирном свечении возвышался знаменитый Дворец, увитый омелой. Обитатели Дворца были ее постоянными клиентами. К девушке ходили многие, имеющие достаточное количество денег, связей и влияния. Но далеко не все. Для общества она была обычной куртизанкой, пускай и весьма привилегированной. Для клиентов — лучшим лекарем во всех мирах. К ней хотел навеститься и сам Наместник перед смертью, но больно уж поздно ему стало известно о «лекарстве»; еще до знаменитой Бойни во Дворце Альтаир ехала, связанная по рукам и ногам, из Дорая в Истинный Медианн. Ее украли.

Похитителем был один из постоянных клиентов — Къезон Туллий Северус. Потомок пришлеца-римлянина и еврейской девушки из Срединного мира, он буквально прогрыз дорогу из Истинного Медианна в Дорай: взятками, подкупами, жестокостью и умением воевать. Война вообще была излюбленным ремеслом этого человека. Он пугал Альтаир. Его темные глаза, похожие на два колодца, делали обветренное худое лицо похожим на морду ящерицы. В объятиях Къезона Альтаир чувствовала, что он готов свернуть ей шею без малейших сомнений, если это понадобится. Он методично,

стиснув зубы, двигал задом во время секса — будто пытался проткнуть насквозь; даже к любви этот жестокий человек относился как к войне. И именно он оказался предателем.

Еще до памятных событий во Дворце, которые Альтаир не застала, в публичный дом ворвались люди в масках. Трех охранников сняли играючи. Девицы с визгом разбежались от чужаков, но тем нужна была Альтаир. В ее комнату ворвались, когда она сидела полуголая перед зеркалом. Альтаир брыкалась и пыталась отбиваться поначалу, но ей сунули под нос тряпку, пропитанную какой-то отравой, а потом проволокли на задний двор, где уже дожидался легкий фаэтон.

* * *

Когда Альтаир очнулась, за узким оконцем фаэтона проносились стены приземистых хижин на окраине Амадиса. Ее родной район; знала бы мама, что сейчас в миниатюрной карете едет ее дочь, которую она уже давно записала в покойники. Альтаир хотела высунуть голову в окошко и закричать, но вдруг рот зажала рука в перчатке.

— Не брыкайся, сучка. Не вздумай визжать, поняла?

Она кивнула, и мужчина убрал руку.

— Къезон, вы?

— Я. Сиди молча и не рыпайся.

— Что происходит?

— Молчи.

— Къезон, я...

Он ударил ее, вроде несильно, но на секунду все поплыло перед глазами. На передней стенке отодвинулась деревянная перегородка, открылось окошко, в которое заглянул возница.

— У вас все в порядке? Что за шум? Скоро будет сторожевой пост.

Къезон ответил что-то на латыни, возница кивнул и бросил внутрь веревку. Альтаир взвизгнула и попыталась рвануть на себя дверцу, но та оказалась наглухо закрыта. Римлянин навалился на девушку всем телом; от его веса стало

нечем дышать. Быстро и деловито, как паук муху, мужчина спеленал ее веревкой, а рот заткнул смятым и грязным носовым платком. Когда Альтаир начала мычать, Къезон небрежно ткнул ей кулаком под ребра, и девушка скорчилась на скамье. Жесткая веревка терзала ее нежную кожу, омерзительный платок пах соплями и мужским потом; из глаз покатались слезы. «Бедная Альтаир, — подумала она, — бедная девочка! Вечно все пытаются тебя использовать, будто ты какая-то вещь».

Фаэтон съехал с ровной мостовой на усеянную ухабами дорогу. Судя по всему, они покидали пределы Амадиса. Къезон напрягся; на скулах заиграли желваки, и девушка увидела, как он сжал пальцы на рукояти пистолета. Он прошипел что-то себе под нос и повалил пленницу на пол между скамьей и стенкой. Поднял сиденье, под которым обнаружился отсек для багажа, и затолкал туда девушку, кинув сверху обрывок парусины.

Альтаир лежала и прислушивалась к происходящему снаружи. Фаэтон остановился — она поняла это по исчезнувшему ощущению движения и пропавшему цокоту конских копыт. Раздался оклик, и сверху Къезон приоткрыл дверь повозки.

— Приветствую вас, господин. Могу увидеть ваши документы?

— Конечно, держи.

— О, — видимо, постовой был удивлен высоким рангом пассажира, — извините за беспокойство. Куда направляетесь?

— На границу.

— Если желаете, мы можем дать вам пару всадников в сопровождение. Сами знаете, в тех местах сейчас небезопасно.

— Благодарю, но меня скоро встретят.

— Честь имею! Не смею вас задерживать.

— Бывай, солдат.

Фаэтон тронулся и понесся дальше, а Альтаир разрыдалась еще сильнее. Она поняла, что последние надежды на спасение испарились, как дым.

* * *

Долго ли, коротко ли, но они достигли границы. Путь туда занял больше двух недель. После того сторожевого поста на дороге их встретили трое вооруженных людей на бронированном автомобиле. Их лица, хищные и настороженные, мало напоминали тех, кого Альтаир привыкла видеть в Дорae. Одеты они были соответствующе — в походную одежду, не стесняющую движений, с патронташами через плечо и удобными рюкзаками за спинами. Один из новых знакомых, мужчина итальянской внешности по имени Сезарро, окинул Альтаир пристальным плотоядным взглядом и хрипло спросил что-то у Къезона. Тот ответил на латыни; оба рассмеялись.

— Ехать следует осторожнее, на приграничных постах снова усилен контроль, — сказал другой человек, чернокожий, высокий и худой как жердь.

— С чего это вдруг? — Къезон удивленно поднял бровь.

— Черт его знает, поговаривают, что кто-то из командования опять готовит бучу.

— Тогда поедем по околесице. Груз слишком важный, нам головы поотрывают, если не довезем в целости и сохранности.

— А позабавиться с девчонкой можно будет? Больно смазливая.

Къезон покачал головой, и Альтаир вздохнула с облегчением. Что ж, можно надеяться, что эти мужланы не будут насиловать ее каждый вечер.

Броневик был рассчитан на восемь пассажиров. Пулемет на крыше, прорези в стенках для винтовочных стволов, узкие окошки-бойницы: эта машина угнетала одним своим видом. Альтаир усадили подальше от двери, накормили горячей едой и дали воды. Следующие часы прошли почти без тряски, от чего девушка задремала, прислонившись лбом к нагретой стенке кузова.

Ей приснилась мама. Они сидели в монастыре, в окна лился мягкий свет. Мама расчесывала гребнем ее шелковистые длинные волосы. Женщина тихо напевала какую-то старую песню, песню того неведомого мира, из которого в Медианн попадают умершие люди.

Внезапно тихий напев сменился грубым мужским голосом, неумело выводящим куплет за куплетом.

Обернувшись, Альтаир увидела, что за ее спиной в женском платье сидит Къзон, а на подоконнике уселся, гадко ухмыляясь, Абдул. Рядом валялась отрезанная женская голова. Мамина. Иссиня-черный язык вывалился наружу, глаза вытекли из орбит кровавыми слезами, но все-таки это ее мама. Это ее мама.

— Просыпайся, сучка. Привал.

Она вывалилась из кошмара. Напротив сидел на корточках Сезарро, поигрывая ножом. Двигатель машины работал вхолостую, внутри было трудно дышать.

— Слушай внимательно. Говорю один раз, повторять не стану. Я тебе освобождаю руки, на привалах можешь гулять неподалеку, но чтоб у меня на виду! Если попробуешь сбежать, отрежу тебе сосок. Поняла?

Альтаир кивнула. Куда уж понятнее?..

— Вот и отлично. Пошли, перекусим. Парни там что-то уже сварганили.

Он разрезал веревку, и девушка потеряла ноющие запястья. Выбралась из машины, щурясь от эфирного света, который здесь был почему-то особенно ярким. Прямо в небе, вызывая приступ головокружения, висел вверх ногами огромный Амадис, хорошо различимый в сиянии эфира. Значит, они уже преодолели один виток Спирали.

Мужчины варили баранину в походном котле. Тощий негр смешивал в миске салат из огурцов, грибов и лука. Къзон склонился над громоздким радиоприемником, который шуршал помехами, время от времени выдавая невнятные обрывки фраз. Римлянин говорил «прием», внимательно прислушивался и отвечал что-то человеку на другом конце.

— Что там, Къз? — спросил Сезарро.

— Говорят, по дороге надо заскочить в одно место.

— Что за место?

— Наш пост. У них какие-то рабы-пришлецы, есть пара интересных экземпляров. Можно отказаться, но нам все равно по пути, префект будет доволен.

Сезарро пожал плечами, показывая, что ему, в общем-то, безразлично. Перекусив, они бросили остатки трапезы в тлеющие угли и тронулись в дальше.

Границу преодолели как-то незаметно. За несколько часов машину остановили, и негр Зэмба с еще одним мужчиной

по имени Луций ушли вперед на разведку. Вернулись вскоре, и Сезарро дал по газам. Они быстро преодолели приграничную зону; с одной из вышек за ними безразлично наблюдал постовой, которому заранее «дали на лапу», как поняла Альтаир. Сразу за вышкой начинался мост через бурную реку; на том конце громоздились заваленные мешками с песком редуты. Когда они подъезжали к ним, Альтаир съежилась от ужаса: черный ствол пушки неотрывно наблюдал за ними. Девушка тряслась как листок на ветру, а ее похитители вели себя вполне беззаботно. Возле поста им навстречу выскочил человек в шлеме и обмундировании цвета хаки. Он радушно поприветствовал гостей:

— Сезарро, Къез, сколько лет, сколько зим! Вы по тому делу?

— Ага. Но места у нас немного, сможем забрать одного-двух.

— Тогда за мной. Есть одна красивая девка. Не как ваша, конечно, но тоже вполне ничего.

Они ушли, а Альтаир осталась под присмотром Зэмбы и нескольких десятков солдат, которые откровенно пялились на нее, обмениваясь похабными шутками. Девушка сложила руки на коленях и потупила взгляд. Где-то вдали гремела вялая канонада. По коридорам небольшой крепости ходили военные, присвистывая при виде светловолосой красавицы, но не осмеливаясь приблизиться из-за сидящего рядом с оружием Зэмбы. Видок у негра был тот еще: даже по сравнению пехотинцами он выглядел свирепо, как старый покрытый шрамами волк рядом с двухмесячными щенками.

Наконец, вышли Сезарро с Къезоном. Альтаир сначала не смогла поверить своим глазам. На поводке, как собаку, они вели грязную, растрепанную, но все еще красивую женщину. Ее сальные волосы сбились в колтуны, худые ребра выступили над животом, а кожа покрылась царапинами, синяками и слоем грязи. Одета она была в лохмотья, бывшие ранее, видимо, чем-то вроде египетской туники, какие носят египтяне и копты в Амадисе. Несмотря на это, она действительно по-прежнему оставалась красивой, но что более всего поразило Альтаир — ее глаза сверкали надменностью и вселенским презрением, словно бы она и не провела черт знает сколько в вонючем зиндане, ежедневно насилуемая пьяной солдатней.

— Классная девка, но аргю не знает, а египтян у нас нет. — резюмировал военный в шлеме. — То ли не умеет, то ли не хочет, черт ее знает. В публичном доме у трибуна будет востребована.

— Как зовут? — спросил Сезарро.

— Без понятия, не говорит ведь. Зовем ее Лили.

— Изуродовали вы ее, конечно. Ладно, забираем. Поехали, парни.

В машине женщина оказалась рядом с Альтаир. От нее неприятно пахло, но, тем не менее, Альтаир взяла ее за локоть и посмотрела прямо в глаза.

— Ты меня понимаешь?

Во взгляде у несчастной промелькнуло нечто, похожее на симпатию. Она поняла, что Альтаир такая же пленница, как и она.

— Я Альтаир, — она указала на себя пальцем, — а ты?

Женщина быстро пролопотала что-то на неизвестном языке. Наверное, легче научить ее общедоступному аргю, чем самой учиться этой тарабарщине. Тем более дорога им, судя по всему, предстояла долгая.

Мужчины наполнили баки горючим и захватили с собой несколько канистр с бензином. Теперь к кислой вони немых тел добавился тяжелый запах топлива. Рядом тряся в кресле задремавший Зэмба, за ним безучастно смотрел в окно Луций. Сидящий на водительском сиденье Сезарро болтал с Къезоном. Подумав, Альтаир вздохнула и начала понемногу учить незнакомку, которая внимательно смотрела на нее.

* * *

Аргю Медианна существовал многие тысячи лет, и все это время народы, населяющие Великую спираль, упрощали и без того нехитрый язык, добавляя в него что-то свое. Любой, даже несмышленный пришлец, овладевал беглой речью спустя считанные недели. Лили была умной девушкой. Она жадно ловила каждое слово. Через пару дней она уже знала названия

всех предметов в машине, а когда они выходили наружу, указывала пальцем на все вокруг и благодарно улыбалась в ответ на каждое новое слово.

Иногда они заезжали в мелкие деревушки и на блокпосты, где все знали Сезарро. Там мужчины заправляли машину, покупали еду и ходили париться в римские термы. Как-то раз Къезон снизошел до того, чтобы «придать сучкам товарный вид». Альтаир и Лили загнали в приземистое каменное строение. Они разделись в предбаннике и зашли в парилку; Альтаир намылила мочалку и провела ею по худой спине сестры по несчастью. Лили вздрогнула, но скоро сама начала намывать тело, стирая застарелую грязь и пот.

— Спасибо, — пробормотала она.

— Не за что, Лили. Я такая же, как ты.

— Ты не такая.

— О чем ты?

Лили села на ступеньку и посмотрела на нее своими блестящими темными глазами.

— Ты не оттуда. Все это сон, да?

— Откуда? С Земли? Ах, да, ты ведь пришлец.

— Что есть «пришлец»?

— Это люди, умершие на Земле и попавшие сюда. Моя мама пришлец.

— Я не понимаю. Я умереть, да?

— Ты должна помнить, как умерла.

— Да... Я выпить яд. Умереть быстро. А потом проснуться здесь. Что есть Медианн? Почему города парить над нами?

— Я здесь родилась, но сама до сих пор всего этого не понимаю. Люди умирают там, а появляются здесь, вот и все. Это Великая Спираль, тут много загадок.

— Кто ты? Почему ты такой красивый женщина?

— Нет, Лили, красивая — ты. Моя внешность иного свойства...

— Один из загадки, да?

— Наверное, да.

Они умылись и вышли обратно в предбанник. Когда Альтаир одевалась, Лили внезапно прильнула к ней всем телом и быстро, но с искренней нежностью поцеловала в губы. Альтаир оцепенела: еще ни один мужчина не целовал ее с такой любовью. Лили немного смущенно смотрела ей в глаза и

улыбалась.

— Благодарность тебе.

— Да... Хорошая благодарность.

3. Истинный Медианн

Срединный мир встретил грязью дорог, скрипом колес на осях телег, многоголосьем столпившихся на перекрестках нищих. Пастухи гнали мулов через пустые пастбища; стояли полуразрушенные храмы с распахнутыми дверьми, а в воздухе хищно вились вороны, изредка пикируя, чтобы схватить объедок из руки зазевавшегося человека. Однажды ворон и прочих птиц стало слишком много, а кабину заполнил тошнотворный сладкий запах, от которого сморщились даже привыкшие ко всякому мужчины-попутчики. Вскоре из-за поворота появился и источник смрада.

Вдоль дороги на деревянных крестах были распяты десятки людей. Их окровавленные тела обмякли под тяжестью собственного веса; вороны выклевали их глаза, а мухи вились на сладком пиршестве, успевая откладывать личинки в загноившихся ранах казненных. Самым страшным оказалось то, что многие из людей были еще живы — они вяло шевелились, пребывая то ли в беспамятстве, то ли уже на пороге смерти.

— Господи, что это?! — взвизгнула Альтаир.

— Местные порядки, — буркнул ей в ответ Къзон, — Казнокрады, насильники, убийцы: всех трибун вешает на крест!

— Римляне... — подытожил Зэмба. — Не в обиду тебе, Къз, но ваши порядки иногда чересчур жестоки.

— Цезарь, — сказала вдруг Лили, и все оглянулись на нее с удивлением.

— Что «Цезарь»?

— Он вешал тоже. Но нечасто. Давал жить. Многим.

— Что она несет, Альтаир? — спросил Зэмба.

— Не знаю... Может, она жила во времена Цезаря?

— Тогда ей лучше помалкивать! В Истинном Медианне многие недолюбливают Цезаря, даже сами римляне. Говорить о нем следует либо плохо, либо ничего.

Лили промолчала.

Они приблизились к фермам на окраине обширного поселения, построенного на холме. Снизу текла река, бурная и широкая, раскинувшая свои воды от одного лесистого берега до другого, где возвышалась судоверфь с деревянными стапелями и несколькими промышленными зданиями. Сезарро притормозил у верфи.

— Ладно. Луций, на тебе машина, отгонишь ее. Къез, Зэмба, пакуйте наших девочек и айда со мной на баржу.

Начался новый этап их путешествия, на сей раз по воде. Вечером они погрузились в рыболовецкую баржу, курсирующую вниз по течению реки. Альтаир и Лили досталась тесная каюта с одной кроватью. За одной стенкой храпел Къезон, за другой Сезарро. Египтянка ехидно посмотрела на подругу, когда они готовились ко сну:

— Кровать тесный, спать будем в обнимку?

Уже ночью, когда они занялись любовью, Лили задала удивленный вопрос:

— Альтаир, я чувствовать себя так хорошо... И мои царапины, мои ушибы — ничего больше не болят.

Девушка ласково погладила любовницу по щеке.

— Так будет каждый раз. Поэтому я необычная.

— Ты лечишь людей любовью?

— Можно и так сказать... Каждый, кто переспит со мной, избавится от болезней и ран.

Лили помолчала, обдумывая сказанное.

— Это мир чудес?

— Мир злых чудес. Здесь всякое бывает.

— Знаешь, мне так хорошо, как с тобой, быть когда-то с одним человеком. Но это быть мужчиной.

— И кем же он был?

— О, это быть великий царь. Он побеждать всех. А я быть царица.

Сказав это, она повернулась на бок и уснула.

За круглым иллюминатором проплывали берега срединного мира, окрашенные в лиловые вечерние сумерки. Альтаир впервые в жизни видел ночь. В Дорae никогда не

темнело.

* * *

Спустя еще неделю баржа причалила у многолюдного города Фээторис. Свечение эфира ослабло: где-то вдали терялись замысловатые строения и узкие улочки, а из-за повисшей в воздухе кисло-сладкой вони испражнений, машинного масла и рыбы горло сразу стискивало влажным комком. Таков он был, Фээторис — город тысяч национальностей, сотен языков, миллионов человеческих лиц, мелькающих на грязных улицах. Уже на верфи их встретили сидящие за переносными прилавками торговцы, наперебой предлагающие свои товары — все, что угодно, от ухвата для сковороды до восточных пряностей. Китайцы, японцы, египтяне, хетты, ассирийцы, англичане, галлы, даки, римляне... Люди из разных эпох и их отпрыски, воспитанные в традициях предков. Люди, многие из которых прибыли из ниоткуда, чтобы отбыть здесь свой короткий век и отправиться дальше — в следующую загробную жизнь.

В Амадисе довелось повидать всякое: и голодающих, столпившихся около Дворца во время празднеств, и ополоумевших убийц, способных вонзить кинжал в сердце за один косой взгляд. Но столь отвратительной нищеты Альтаир не могла себе и представить. Отходы, судя по всему, просто выплескивали из окон на улицу, поэтому всюду воняло мочой; от многочисленных лестниц разило прогнившим деревом и крысиным пометом, со скотобоев несло выпущенной кровью и бараньим салом, из дубилен — щелочью, от кладбищ — сладковатым смрадом разлагающихся человеческих тел. Люди мочились и испражнялись в подворотнях, ненадолго подняв подол платья или спустив штаны. Исхудалые коровы бродили по индийским кварталам, тощие псы дрались за огрызок кости с нищими, совсем потерявшими человеческий облик. Мануфактуры пыхтали копотью и чадом из толстых труб. Городовые стояли на площадях и перекрестках, важно задрав шапки и не обращая ни малейшего внимания на происходящее

вокруг безумие.

С баржи они сразу сели на два паланкина, в одном из которых поехали Альтаир, Лили и Сезарро, а на другом оставшиеся двое мужчин. Крепкие носильщики быстро несли их по улицам, а бегущий спереди здоровяк с дубинкой разгонял нищих и случайных прохожих. Альтаир выглядывала наружу и видела заполненные людьми улицы и площади: перекошенные рты с плохими зубами, изувеченные язвами лица, грязная одежда и уродства. Где-то во дворе детский хор распевал строки на латыни. Пьяница бранился с бакалейщиком. Лавочник торговался с покупателем. Уличный музыкант брэнчал по клавишам плохо настроенного старого пианино. И над всем этим нависало нагромождение домов, похожее на гигантский уродливый муравейник.

— Не смотри на улицу, — прошипел Сезарро, нервно сжимая свой пистолет-пулемет.

— Почему?

— Это плохой район, тут хватает разных ублюдков.

— Почему так много калек?

— От границы с Хадесом лезет всякая пакость. Не задавай лишних вопросов.

А после, подумав, добавил зачем-то:

— Большинство этих бродяг — пришлецы.

Через пару часов они достигли латинского квартала, где располагались префектура и здание магистрата. Здесь было разительнее чище и спокойнее. Может, из-за гвардейцев и крепких даков, патрулирующих улицы. А может, благодаря населению, состоящему преимущественно из римлян разных эпох, итальянцев и прочих европейцев. Дощатый настил сменился ровной брусчаткой. Здания из хаотичного нагромождения строений приобрели единый архитектурный стиль. Альтаир начала понимать, почему в Истинном Медианне римляне заняли главенствующее положение — благодаря своему воспетому в веках педантизму и любви к порядку.

Выгрузились у небольшого здания с колончатым фасадом и кариатидами на фронте. Сезарро рассчитался с носильщиками и повел всех по коридорам Префектуры, наполненным нервными людьми с кипами бумаг.

Оглянувшись на женщин, Сезарро строго сказал:

— Мы идем к начальству. Без выходов, ясно?

На третьем этаже они зашли в кабинет и увидели человека, одетого в европейский костюм-тройку. Он восседал за широким дубовым столом, на стенах кабинета были развешаны алые штандарты с орлом и надписью **S.P.Q.R.** С этого мужчины можно было лепить бюст: в его точеных чертах лица угадывались воля и мужество античных военачальников. Он посмотрел на гостей и царственно протянул руку Сезарро и Къезону.

— Мое почтение, господа. С работой вы справились.

— А когда мы не справлялись, Клавдий? — спросил Сезарро, усаживаясь в кресле напротив. — Къез вообще проделал работу, за которую ему положены как минимум медаль и трехгодичное жалование.

— Я сегодня же отправлю рапорт в Танториум. Кто из них та самая кудесница-весталка?

Къезон молча указал на Альтаир. Девушка уставилась в пол, когда префект Клавдий встал и подошел к ней ближе. Он взял ее за подбородок, посмотрел в глаза и хмыкнул.

— Вы уверены, что это та самая?

— Я лично проверял, — уверил его Къезон.

— А вторая?

— Подобрали почти месяц назад на границе. По радиосвязи сказали забрать и отвезти в Фозэторис.

— Ах, да, что-то припоминаю... Знаешь, она мне напоминает кого-то. Одну царственную египетскую особу...

— Эта? Красивая, но точно не высокого рода, — расхохотался Къезон, — больно живучая. Мы забрали ее из зиндана, где она жрала тараканов и пила собственную мочу, чтоб не сдохнуть от жажды.

— Ладно... В общем, сделаем так. Вторая девка тоже ничего так, отправим их в Танториум вместе, но позже. Пока побудут здесь. В Фозэторисе сейчас напряженная обстановка, в японском квартале убийства, с этим разбирается мой доверенный человек. Отвечать за обеих будете вы трое, я дам денег и необходимые полномочия. Пока отправляйтесь в публичный дом у Рыбного рынка, знаете такой?

— Конечно, — отозвался молчавший доселе Зэмба.

— Вот и отлично. Располагайтесь, как у себя дома. Хозяйку я оповещу. Сегодня приду сам к... Кхм, как там тебя зовут?

— Альтаир, — пискнула Альтаир, по-прежнему не решаясь поднять взгляд. Хотя стоящая рядом Лили безбоязненно смотрела на Клавдия.

— Вот, сегодня навещу Альтаир. Проверим, на что способна ваша женщина с ангельской кровью.

* * *

Он навестил. Неоднократно. Прошла неделя, две, а их не торопились отправлять в стольный Танториум. Помимо префекта — Клавдия Септимия Маенуса — девушку навещали еще несколько человек, явно недешево заплативших за подобный визит. От них пахло болезнью и скорой смертью; их потроха настолько испортились, что Альтаир удивлялась, как эти люди еще умудряются держаться на ногах. Один оказался импотентом. Но секс — понятие растяжимое, и она проделала несколько трюков в постели, после которых посетитель вышел излеченным от своей хвори.

Лили принимала клиентов в соседней комнате. У нее не было столь привилегированного положения, поэтому ее часто избивали. Альтаир это приводило в бешенство. В конце концов, она ворвалась в комнату соседки и устроила скандал, отчего мамочка публичного дома ее возненавидела, но ничего поделать не могла — у дверей Альтаир денно и ночью дежурил вооруженный до зубов Зэмба.

Под утро к ней приходила Лили. Чаще всего они просто спали в обнимку, измотанные тяжелым днем. Лили похорошела. Если раньше она выглядела как неплохо сохранившаяся моложавая женщина лет сорока, теперь ей нельзя было дать больше двадцати пяти. Ангельская любовь делала свое дело!

О своем прошлом на Земле подруга помакивала. В частных разговорах лишь пару раз обронила, что там, в другом мире, она была далеко не последним человеком. Лили знала несколько древних языков. Призналась, что имела доступ к знаменитой Александрийской библиотеке. Была знакома лично с римскими диктаторами и полководцами. Римляне Медианна представлялись ей жалким подобием тех, настоящих

римлян.

Однажды в дверь к Альтаир, когда она отдыхала после очередного клиента, постучался Зэмба. В последнее время чернокожий охранник проникся к ней симпатией. В то время как Къезон и Сезарро пьянствовали где-то, он работал за троих, охраняя подопечных девушек. И, естественно, им приходилось много общаться.

Зэмба выглядел мрачно. Он присел на край кровати, безостановочно массируя выпяченную челюсть.

— Знаешь, подружка, я тут слышал о тебе всякое... Брежут, якобы ты лечишь людей, когда трахаешься с ними.

Она кивнула. Неудивительно, что охранник был в курсе всех дел.

— Зубодеры в Фозторисе паршивые, понимаешь... А я уже скоро на стену полезу от боли. Терпеть совсем мочи нет. Ты можешь что-нибудь сделать, подружка?

Вместо ответа она молча обняла его и потянула к себе в постель.

4. Побег: путь на границу, Тоттенланде

Тогда, приласкав Зэмбу, Альтаир впервые задумалась о побеге.

Къезон приходил время от времени. Справлялся, как у нее дела, спал с ней пару раз. Разок дорвался и Сезарро, но он не смог возбудиться. У нее возникло подозрение, что Сезарро гомосексуалист. И все равно она обслужила его как могла, ведь секс не всегда одинаков. Спустя пару дней мужчина с довольным видом сообщил, что у него перестали болеть почки.

Новая клетка, жестяная и с непрочными прутьями, едва сдерживала птицу. Но она боялась побега. А куда бежать? В огромный и жестокий мир, где преступников распинают на крестах, а обыкновенные граждане живут в ужасающих условиях? В страшный, разноголосый, булькающий за окнами хаос? Лучше уж благоразумно оставаться в клетке, чем попасть в Чистилище, коим и является по сути своей Медианн — Великая Спираль, вознесшаяся от сумрачных границ Ада до

порогов Рая.

А за окнами бурлила жизнь. Вонь, доносящаяся даже сюда — в римский квартал, со временем приелась и перестала беспокоить. Куда больший страх вызывали сожжения демонопоклонников на площади неподалеку от публичного дома. Власти крупнейших городов Истинного Медианна, Танториума, Фозториса и Маркианополя, лояльно относились к колдовству, пока магия не затрагивала аспектов, противных человеческой природе. Как поняла Альтаир, ее способности могли рано или поздно привести ее туда — к тщательно протертому горючей смолой столбу. Она тоже была «ведьмой», властвующей над живой плотью. И это так же вызывало беспокойство.

Однажды под окнами появился молодой мужчина, скорее даже парень лет тридцати. Рыжий, как лис, с бородой и умными печальными глазами. Он шел со стороны префектуры и мелкими глоточками пригубливал муншайн из бутылки. Он остановился у окна Альтаир, чтобы подкурить сигарету, а она в порыве внезапно возникшего озорства распахнула ставни и крикнула на всю улицу:

— Как тебя зовут, прекрасный незнакомец?

Он ошеломленно поднял взгляд и громко рассмеялся, поняв, что встал прямо перед публичным домом. После чего галантно расшаркался.

— Лейтенант Арктур к вашим услугам, мэ.

— Раз уж к моим услугам, то не соблаговолит ли джентльмен подняться к даме? Правда, ко мне вхож не всякий, но ради такого красавчика я сделаю исключение. Тем более наши имена даны в честь звезд. Меня зовут Альтаир.

— О, милейшая Альтаир, прошу простить, но мне пришлось пережить такое... К тому же, мое сердце принадлежит другой, пускай она уже и покинула этот мир...

Альтаир хмыкнула. Отказ случайного кавалера ее взволновал, но верность мужчины женщине она могла понять. Даже если эта женщина уже мертва.

— Тогда счастливого вам пути, лейтенант Арктур.

Он устало козырнул и побрел дальше по улице. Не удержавшись, Альтаир крикнула ему вслед:

— Куда же вы направляетесь?

Он остановился. На мгновение задумавшись, с горечью в

голосе ответил:

— Я направляюсь в Ад, мэ.м.

* * *

Пьяные мысли зачастую приводят к неординарным последствиям.

Альтаир с Лили выклянчили себе выходной и устроили маленькую пирушку. Подруга принесла пузатую бутылку виски, подаренную клиентом. Альтаир достала хорошее вино и организовала стол. Некоторое время они сидели вдвоем, наслаждаясь девичьим трепом, затем Альтаир это надоело, и она позвала Зэмбу. Негр явился незамедлительно, опрокинул две стопки и оперся локтем о колено, мечтательно глядя на них.

— Знаете, прекрасней женщин я не встречал.

— Ох, Зэмба, прекрати льстить!

— Нет, без шуток. Вы действительно лучше всех представительниц женского пола в этом проклятом мире. Провалиться мне на месте, коли я встречал кого-то прекрасней! Зачем возносить молитвы богам, если можно молиться вам двум?

— Звучит матриархально, — сказала Лили, — почти как дома... — За последнее время она хорошо освоила местное арго, но сильный акцент по-прежнему выдавал в ней пришлеца.

— Давайте так, — серьезно и почти трезво произнес Зэмба, — видите эту винтовку? Она ваша. Все, что прикажете, я сделаю. Хотите, завтра прикончу Сезарро? Меня достал этот напыщенный индюк, что любит пускать хер себе под хвост. А Къзон? Он столько раз предал обе стороны, что не удивляюсь, если он скоро переметнется к Хадесу. Зачем служить им? Что они дают мне? А вы — две богини, притом осязаемые, настоящие, живущие на этой земле. Альтаир лечит от любой болезни. И дарит бессмертие. Лили дает любовь, неслыханную нигде, кроме Рая. Скажи, Лили, ты в прошлой жизни и правда была королевой?

— Да, — коротко ответила Лили, будто поперхнувшись.

— Послушайте, подружки, — Зэмба перешел на

заговорщический тон, — Клавдий не хочет отправлять вас в столицу. Да и жить вам там будет хуже, поверьте мне. Танториум — это кошмар одним словом. А в Фазторисе скоро случится передел власти. Чую, грядет революция. Трибун отправит сюда войска, случится гражданская война, покатаются головы... Головы многих, поверьте мне. И тебя, Аль, сожгут там, на площади. Все тайное станет явным, а тебя запишут в ведьмы или, что еще хуже, в полудемоны. Уж попомните слова старины Зэмбы! Думайте о своем будущем, думайте.

Сказав это, он опрокинул стопку и отправился спать в свою каморку у комнаты Альтаир.

* * *

Поздно ночью Альтаир проснулась от шороха. Кто-то возился с дверью, матерясь и не попадая ключом в замочную скважину. Затем этот некто рассердился, навалился на хлипкую дверь и с легкостью выломал ее из косяка, выворотив замок.

Кьезон. Он был вдрызг пьян, настолько сильно, что едва держался на ногах. Комнату мгновенно наполнил запах перегара и едкого пота.

За спиной у Кьезона маячил Зэмба. Негр бормотал что-то успокаивающим тоном, но римлянин рыкнул в ответ:

— Отвянь, ниггер! Не видишь, я.. ик! К даме пришел, вот.

— Что тебе нужно? — взвизгнула Альтаир, отползая к изголовью кровати.

— А что от тебя всем нужно, шаюха?

Он прошел через комнату и повалился на кровать, протяжно пустив при этом газы. Его рука цепко схватила лодыжку девушки. Блестящие в темноте глаза не казались такими уж пьяными.

— Зэм! — закричала она. — Убери его от меня!

— Зэм, Зэм... — передразнил ночной гость. — Что, Зэмба, эти две сучки уже загнали тебя под каблук? Смотри мне, сученыш...

— Кьез, думаю, тебе стоит уйти, — глухо ответил Зэмба.

— Я сам решу, ясно?! Это я за них отвечаю! Черт, угораздило же на старости лет... Сидеть и сторожить двух шлюх... И кому? Мне, Къезону Северусу!

Неожиданно он ударил Альтаир, как всегда — хлестко и без замаха, но при этом очень больно. Она скорчилась в позе эмбриона, прикрыв на всякий случай голову.

— Ладно... ик! Заголяй жопу, шлюха.

Она послушно спустила нижнее белье. Мужчина навалился сверху, расстегивая штаны. В зад уперся твердеющий член. Альтаир закрыла глаза и начала считать до ста, как в тринадцать лет, когда ее насиловал Абдул в своем кабинете.

— Что тут... Эй, оставь ее, сволочь! Уйди, уйди, скотина! Зэм, почему ты стоишь как вкопанный?

Лили оттащила Къезона в сторону. Он матерился заплетающимся языком и тащил из кобуры пистолет. Тут Зэмба, приняв, наконец, решение, подскочил и вырвал оружие из рук командира. Римлянин злобно уставился на него.

— Я тебе это припомню, сученьш!

— Къез, успокойся. Ляг, отдохни, тебе нужно поспать.

— А я не хочу спать! — он поднялся, но тут же запутался в спущенных штанах и рухнул обратно на пол. — Ох, сука...

Лили стояла, сжимая и разжимая кулаки от злости. При взгляде на нее Альтаир в очередной раз пожалела, что у нее нет и капли той внутренней силы, что была у этой невероятной женщины. Казалось, египтянка готова перегрызть Къезону горло.

— Пьянь! И ты — римлянин? Ха!

— Молчала бы, отрыжка Анубиса, — обиженно пробурчал мужчина, барахтаясь в тщетных попытках напаялить штаны.

— Да как ты смеешь упоминать Его имя, ты, ничтожество?

На крики сбежались сонные девочки со всего заведения. Они столпились в коридоре, оживленно обсуждая происходящее.

— О, черт... Достали вы меня, — уже более мирно пробормотал Къезон, устав сражаться со штанами, — я спать... Разбуди меня завтра, ниггер, а я подремаю, пожалуй.

Под укоряющим взглядом подруги Альтаир подложила ему под голову подушку и укрыла одеялом. Они вышли на

улицу, чтобы поговорить.

— Синяки оставил? Дай посмотрю. — Лили хлопотала вокруг подруги.

На лодыжке от пальцев Къезона расплывалось сиреневое пятно.

— Чертов урод!

— Да брось, он просто был пьян, — сказал Зэмба, нервно закуривая сигарету.

— Пьян? А ты что там мямлил, прокляни тебя Изиди?! Кто позавчера клялся нам в верности, а?

— Клялся, — кисло ответил охранник, — и от своих слов не отказываюсь. Но сейчас еще слишком рано.

— Рано? А чего ты ждешь? Пока нас отправят в Танториум и превратят в настоящих рабынь? Или сожгут на площади?

— Я же говорил: вас никуда не отправят... — охранник огляделся по сторонам и перешел на шепот. — Я жду человека, который поможет. Он приедет на днях.

— Что за человек? — спросила Лили.

— Увидишь. Ладно, я спать. Сильно не засиживайтесь.

Он выбросил сигарету в ночную тьму и пошел наверх, в свою каморку.

Лили повернулась к Альтаир. Ее все еще трясло от эмоций.

— Ну что, ходу?

— В смысле? — непонимающе спросила Альтаир.

— Собираем вещи и валим из этого гадюшника.

— И куда бежать? Мы не знаем ни города, ни кого-либо из местных. Нас найдут уже завтра к вечеру. Думаю, Клавдий будет не в восторге...

— Милая моя, — Лили ласково взяла ее ладонь в свою, — тебе пора прекращать быть такой мягкотелой.

— О чем ты?

— О твоём характере. Не позволяй им так обращаться с тобой. Ладно, пойдём спать. Переночуешь у меня.

* * *

На следующий день Къезон очнулся с диким похмельем и, ко всеобщему облегчению, практически ничего не помнил. Он попросил принести ему воды, посидел, осоловело разглядывая Альтаир и пытаюсь вспомнить вчерашние события, сказал пару грубостей в своем духе и, наконец, ушел.

Дни шли своим чередом, но появилось призрачное ощущение надежды.

В тот день в публичном доме было мало клиентов, поэтому Зэмба решил порадовать бездельничающих подружек небольшой прогулкой. Они пересекли пару кварталов. Девушки шли в легких платьях, Зэм нес винтовку, отпугивая прохожих своим грозным видом. Чернокожий охранник курил одну сигарету за другой.

— Куда мы идем, Зэм?

— К человеку, о котором я вам говорил. Лучше поговорить в месте, где нет лишних ушей.

В маленьком уютном ресторане их уже дожидался невысокий крепкий мужчина лет сорока, светловолосый и хорошо одетый. Он галантно отодвинул стулья для дам и сделал заказ. С Зэмбой они крепко пожали друг другу руки.

— *Guten Tag!* Меня зовут Карл, а вы, я так понимаю, Альтаир и Лили?

— Совершенно верно, — сказала Альтаир, — вы немец?

— Был когда-то. Итак, приступим.

Карл оказался бывшим сослуживцем Зэмбы. Альтаир он сразу понравился: серьезный, немногословный, внимательный и умный. По словам мужчины, он уже десять лет находится в Медианне. Погиб на Земле во время какой-то страшной и большой войны, а как очутился здесь, долгое время занимался тем, что знал в совершенстве: войной. Они с Зэмбой служили на сторожевой стене между Хадесом и Истинным Медианном. Приграничную зону немец знал, как свои пять пальцев, о чем и поведал сразу.

— Я могу раздобыть вам документы на первое время, дать убежище и показать относительно спокойные места около Свалки, где вы сможете нормально жить хоть десять лет, если не будете очень уж рисоваться. И ни в коем случае нельзя приближаться к сторожевой стене. Там творится полнейшее *Scheisse*.

— Что за свалка? — спросила Лили.

— Великая Свалка. Я тебе позже объясню, — сказала ей Альтаир и спросила у Карла: — А вам какой с этого прок?

— У меня старый должок перед Зэмом. Обещал ему помочь. Не буду юлить: он рассказывал мне о вас. У меня болезнь, понимаете?

— Кажется, я понимаю, к чему вы клоните.

— Рак. Мне осталось недолго, и я бы хотел...

— Вы хотите немного любви, Карл, — она положила ладонь на его руку, большую и сильную мужскую руку. — Исцеляющей.

Немец застенчиво улыбнулся в ответ.

— Так вы поможете мне? *Ich bitte Sie...*

— Помогу. Даже воины нуждаются в любви, Карл.

Карл потупил глаза, словно пятнадцатилетний мальчишка. Альтаир внезапно осознала — он тоже в нее влюблен. Они все любят ее: и Зэмба, и Лили, и даже этот хороший, в общем-то, человек, с которым они знакомы от силы пять минут. Он уже успел втрескаться в нее по уши, хоть и пытается неумело это скрыть.

Принесли заказ: неудивительно, но это оказалась немецкая кухня. Карл довольно потер руки.

— Прошу меня простить, фройляйн, но я заказал исключительно высококалорийную пищу. Единственное заведение в Фозторисе, где хорошо готовят немецкие блюда. Угощайтесь, это белые колбаски *Weißwurst*, это рулька поберлински, яичная лапша *Spaetzle*, а тут...

— Карл, — произнесла Лили.

— Да, фройляйн?

— Вы действительно поможете нам? Это не пустой треп?

— Он поможет, подружка, — напомнил о себе Зэмба, — я ручаюсь.

— Дело не в том, помогу я или нет, — сказал немец, отрезая кусочек колбаски, — а в вашей готовности принять мою помощь. Если мы разработаем план вашего побега, в назначенное время вы должны быть собраны и готовы. И обязательно — без лишних глаз и ушей. Если хоть одна душа узнает о том, куда мы с вами направимся, все усилия насмарку.

— А если там окажутся наши... хозяйева?

Немец пожал плечами.

— Тогда нам с Зэмбой придется их убить.

Оставшееся время они спокойно беседовали и обедали. За полчаса составили несложную схему побега, запланировав все на тот день и то время, когда в публичном доме меньше всего посетителей. Карл подъедет к запасному входу на арендованной карете, Альтаир и Лили под прикрытием Зэмбы сядут в нее и уедут в новую жизнь.

Следующие три дня прошли в напряженном ожидании. Альтаир ходила сама не своя, а из Зэмбы было сложно выудить и пару слов. Только Лили держалась более-менее естественно.

Но, как это всегда бывает, в назначенный срок все пошло наперекосяк...

Когда девушки вместе с Зэмбой собрались выходить, в комнату вошли Кьезон и Сезарро.

— Куда-то собрались? — грозно спросил Сезарро, а его товарищ потянулся к кобуре.

* * *

Зэмба выстрелил Сезарро прямо в лоб; всего мгновение: вскинуть винтовку, взять врага на мушку и нажать на спусковой крючок. Мозги итальянца разлетелись по стенке маслянисто-красными ошметками.

Кьезон успел среагировать очень быстро. Он выхватил малокалиберный пистолет и выпустил три пули Зэмбе в бок, пока на него не прыгнула, по-кошачьи шипя, Лили. Они покатались по полу, и в этот момент в комнату ворвался Карл, поднявшийся по лестнице с черного входа. Он пнул Кьезона, тот выругался, поднимаясь на ноги и пытаясь вырвать пистолет из цепких рук Лили.

— Ты кто такой, черт тебя дерит? — заорал он на немца.

— Твоя смерть, *Sprintficker*, — пафосно ответил Карл, чем украл у себя драгоценные полсекунды. Кьезон выхватил

наконец pistols у Лили и навел его на немца.

Альтаир, наконец, пришла в себя. Происходящие события, начавшие разворачиваться слишком стремительно, вогнали ее в оцепенение. Она бросилась на спину римлянину, отводя в сторону оружие; в это время из коридора раздались выстрелы, и Карл, обернувшись, выстрелил несколько раз в ответ. Одна из прилетевших пуль просвистела совсем рядом с ухом Альтаир и пробила наличник дверного косяка. Она упала и зажмурилась, сжимая ладонями звенящие колокольным звоном виски.

Вокруг бегали люди. Кто-то истошно кричал, завоняло пороховой гарью. Когда девушка осмелилась открыть глаза, прямо перед ней лежал, раскрывая по-рыбьи рот, ее давний знакомый Къезон Тулий Северус. В его груди алали несколько дырок, из которых толчками сочилась кровь. Къезон пытался что-то сказать, но из-за пробитого легкого мог лишь сипеть, будто закипающий чайник. Рядом свернулся калачиком убитый Сезарро. В коридоре виднелся еще один труп, его лицо исказила испуганная гримаса.

Карл прислонился к стене, тяжело дыша. В него тоже попали несколько раз. Он болезненно морщился и зажимал ладонью рану в животе. Над ним хлопотала Лили. Зэмба валялся на полу, стекленеющими глазами глядя в потолок. Он был все еще жив, но, судя по всему, ненадолго.

— *Scheisse*, — шептал немец, — вот дерьмо...

— Лили... — всхлипнула Альтаир.

— Да, милая моя, со мной все в порядке! Соберись, сейчас мы что-нибудь придумаем!

— Иди, договорись о повозке. — Альтаир удивилась собственной решимости. — На заднем дворе должен стоять заказанный возница, ты помнишь. Тот мальчишка из прислуги поможет перетащить парней. А о них я позабочусь... Поторопись, скоро на стрельбу сбегутся гвардейцы.

Лили кивнула. По побледневшему лицу девушки градом катился пот.

— Иди! — в непривычной для себя командирской манере рявкнула Альтаир, поднимаясь на ноги.

Подруга убежала. Альтаир посмотрела на Карла и спросила у него:

— Потерпишь пару минут? Обещай не умирать!

Мужчина кивнул. Альтаир расстегнула штаны Зэмбы и оседала его, погладив по щеке. Чернокожий охранник слабо улыбнулся, балансируя на грани между жизнью и смертью.

— Забудь про меня, подружка. Бегите...

— Где же мы найдем еще одного такого преданного слугу, Зэмба? Нет уж, рано тебе умирать. Так... — Альтаир зашарила рукой в расстегнутой ширинке Зэмбы. — Сейчас я тебе помогу.

* * *

Уже позже, когда погрузили двух стонущих от боли мужчин в карету у черного входа, Лили спросила у Альтаир:

— Как думаешь, они выживут?

— Конечно! Мои чары еще ни разу не давали осечку!

— А если за нами устроят погоню?

— У Зэмбы и Карла вроде все было продумано наперед, будем надеяться на это. Возница знает пути отхода.

Они унеслись во тьму Фозториса, вперед — навстречу неизвестности.

5.Дезертир

— Так мы и оказались здесь, — завершила свой рассказ Альтаир, — в тот день нам удалось покинуть город. Вечером на нас объявили охоту, но Зэмба и Карл хорошо все спланировали — в нужном месте нас встретили люди, которые организовали для нас убежище на несколько дней. А потом, когда Зэмба и Карл пришли в себя...

— Зэмба выжил? — хрипло спросил Келли.

В этот момент на его плечо шлепнулась чья-то увесистая ладонь. Он оглянулся и увидел того улыбчивого негра в поварском колпаке, который готовил суп для отряда. Великан ухмылялся, будто встретил старого знакомого.

— Зэмбу не так просто убить, приятель. Особенно, когда рядом есть наша ангельская подружка.

— Да, парень, — хмыкнул Карл, — чтобы сдохнуть, нужно постараться, если служишь под начальством нашей Альтаир. Но главное — служи ей преданно.

— Не перебивайте. И хватит промывать мозги легионеру! — усмехнулась Альтаир. — За год мы набрали в отряд сорок человек, и нам нужны еще люди. Потому что скоро здесь станет жарко. Ну, так что скажете, декан, вы с нами?

— Решай, парень, — веско добавил Карл.

— Не прогадаешь, — дополнила Лили, посмотрев на Келли сквозь пустую камору в барабане револьвера.

Декан Тиббот Келли встал, подошел к окну и потер лоб. Под черепом беспорядочно толкались сотни мыслей, возникших после странного рассказа Альтаир. Он оперся на подоконник, сплюнул и промолвил, резко обернувшись к новым товарищам:

— Ну и как я могу отказать? — Келли оглядел собравшуюся компанию и кивнул. — У кого-нибудь есть табак и спички?

**ЛЕТОПИСЬ
ТЕМНЫХ МИРОВ**

Владимир Ромахин
Дневник песка

Где-то далеко были океаны, страны и города. Но в беззвездной афганской ночи существовало лишь пламя огромного костра.

— Жертвенный огонь голоден, очень голоден, шурави! — кричал Вове на ухо один из пленивших его фанатиков. Произведенного эффекта ему показалось мало: он взял громкоговоритель и запел священную суру. В ушах зазвенело, и Володя снова подумал, что спит. А ведь еще неделю назад он

почти ничего не знал ни о молитвах моджахедов, ни об отряде «Черный аист».

Конечно, до плена Вова слышал разные истории об «Аистах». И почти каждая из них сводилась к тому, что облаченные в черное фанатики употребляют наркоту в чудовищных дозах и под кайфом зверствуют над пленными шурави.

На деле все оказалось в тысячи раз хуже.

Один из душманов толкнул к костру новую жертву.

Пленник не боролся: огонь, по крайней мере, гарантировал смерть, пусть и не всегда быструю. Тех, кто сопротивлялся, обычно находили в мешках около блокпоста. Однажды Вова и сам обнаружил афганский «подарок». Тогда он наплевал на осторожность и в одиночестве открыл мешок. Внутри лежал солдат, завернутый в собственную кожу. Она была надрезана на животе, натянута вверх и связана над головой.

Рвота моджахеда, которая полилась на Володю, вернула солдата к действительности. Аист блевал от только что выпитого наркотического пойла, но все же умудрялся кое-как читать суру. Когда молитва кончилась, взгляды афганцев устремились на огонь.

И посмотреть было на что.

Из пламени вышел исполинских размеров человек в черной мантии. Душманы тут же попадали на колени и завизжали в экстазе. Пленник попятился от костра, но великан догнал его и бросил в огонь. С диким, разрывающим ночь криком, солдат выбежал назад и принялся кататься по земле. Моджахеды засучили рукава мантий и бросились к горящей жертве. Огонь их не останавливал: вера или дурман делали свое дело. Фанатики жрали.

Пришедший из костра великан к еде не прикоснулся. Володя увидел, как он воздел руки к небу, и за его спиной появились черные перепончатые крылья.

— Бежим! — заорал один из пленников.

Солдаты рванули с места. Все, кроме Вовы: со сломанными ногами далеко не убежишь.

Ни один душман не ринулся следом. Каждый из Аистов обгладывал кости, пил кровь и изрекал суру. Лишь великан лениво пожал плечами и взвился в воздух.

Володя безразлично глядел на летящую тень. Наверное, ему что-то вкололи после того, как сломали ноги. Ведь разве бывает такое в реальности? В мире, где еще месяц назад он сажал картошку в деревне под Брянском, гулял с дворнягой Каштаном и ухаживал за соседкой Ниной. А может, как раз той жизни и не было?

Около Володи приземлилась чья-то рука. Он потянулся к ней и разглядел набитый на плечо флаг СССР. Вова с нежностью коснулся пальцев неизвестного солдата. Светлая память, безымянный ненужный герой.

Один за другим афганцы отходили от обглоданного тела и недоуменно тарачились вокруг. После короткого совещания несколько моджахедов побежали во тьму и вернулись с автоматами. По пути кто-то ударил Володю ногой в живот. Боли не было: лишь грусть, что выронил руку сослуживца.

Несколько криков оборвались где-то неподалеку. Фанатики выстрелили на звук и залопотали новую суру.

Тварь в мантии появилась будто из ниоткуда. Сейчас Володя был уверен, что одурманен, ведь вместо великана он видел черного аиста, который держал в клюве призывавшего к побегу смельчака.

Птица щелкнула клювом, отсекала несчастному кусок ноги, и выплюнула его на песок. Вова закрыл глаза и начал считать до десяти. От звона в ушах — кажется, кто-то стрелял из автомата прямо над его макушкой, — он сбился на семи. Но к тому времени вместо аиста около костра вновь стоял огромный человек в черной мантии.

— Повтори, что ты сказал. — Голос великана больше всего напоминал кошачье мяуканье. — Или мне продолжить тобой лакомиться?

— Мне обещали, обещали, обещали, — хныкал брошенный аистом солдат.

— Кто?

— Я не слышу...

— Кто?

— Дед Пихто, — безумно расхохотался пленник.

Один из душманов поднял автомат, но великан взмахом руки приказал остановиться. Сквозь звон в ушах Вова слышал голоса моджахедов, которые сливались в монотонный гул. Он почувствовал, что его вот-вот стошнит, но вместе с тем ему

вдруг стало легче, словно кто-то забрал боль и страх, которые Володя ощущал даже во сне. Теперь вокруг не было душманов, не было выжженной солнцем земли, не было умирающих сослуживцев. Все, что видел Вова — бегущую вдаль соседку Нину. Окруженная осенним парком, девушка будто парила над землей. Солнечные блики играли в светлых волосах, а подхваченные ветром листья танцевали подле ее ног. Володя, смеясь, бежал следом. Лай Каштана подгонял его вперед, он почти догнал Нину, протянул руку...

Которую тут же схватили.

— Очнись!

Вова открыл глаза. Он и смельчак лежали рядом в тесной яме.

— Меня вот-вот уведут к той твари, — пожаловался пленник.

— Аист не мог быть...

— Настоящим? Я не знаю, что реально на этой поганой земле, кроме песка.

Пленник заплакал, и Володя обнял его в темноте ямы. Он чувствовал, как засохшая рвота моджахеда смешивается с кровью, текущей из паренька.

— Я нашел джинна в пещере. Совсем как в сказке, — шепнул ему на ухо солдат. Вова отстранился, но бедолагу это не остановило: — Он дал мне три желания. Первое, что я загадал — жизнь. И к чему это привело?! Через полчаса нас взяли в плен. Я выживу, но как? Останусь кастратом? Дебиллом? Психом?

— Хватит. Это война. Никому отсюда не выбраться. Моджахеды...

— Афганцы? — расхохотался пленник. — Один раз мы пытали душмана, и он даже не знал, откуда взялся отряд «Черный аист»! Чьи лица скрывают мантии? Афганцев? Пакистанцев? Безумных дезертиров?

— Замолчи, — потребовал Володя и отстранился от солдата. — Не мы первые, не мы последние. Если я погибну, то сделаю это как мужчина.

— Я виноват! Виноват, виноват...

Вова вмазал пленнику. Тот рухнул лицом в ведро с помоями, которые заменяли питьевую воду.

— Тварь! — закричал он, пока Володя поднимал драгоценное ведро. — Ты заодно с ними, как и джинн! Извращаешь слова, шепчешь ужасы, сводишь с ума! Нет, хватит с меня грез! Вот мое второе желание: пусть этот ублюдок — парень указал на Володю, — станет твоим хозяином!

Над ямой склонились привлеченные шумом моджахеды. Один из них бросил веревку вниз и указал на обезумевшего человека. Тот без промедлений схватился за нее, и Аисты подняли его наверх.

Как только они ушли, чье-то прикосновение обожгло плечо Володи. Он почему-то подумал о ядовитых змеях, но вместо шипения услышал смеющийся голос:

— Помни, что я искажу любое желание. Но если хочешь, попробуй обмануть самую хитрую тварь в мире. Все равно тебя сожрут следующей ночью.

— Джинн?

Ему никто не ответил.

Кое-как Вова все же впал в дрему. На рассвете его разбудили крики боли: душманы привели новых пленников. Володя лег на бок, помочился и выпил помой из ведра. Затем он попробовал себя задушить. Ничего не получилось.

— Как можно иметь под рукой джинна и пытаться умереть? Но если хочешь, я...

— Нет, — прокашлял Вова. — Ты настоящий?

— Загадывай и узнаешь. Так каким будет твоё желание?

Володя не ответил, да и что было сказать? Выведать у джинна биографию и уточнить, как тот дошел до жизни такой? Ведь любое слово, которое он произнесет, «слуга» волен принять за желание.

— Ох, ну ты и трус! — разозлился джинн. — Хотя лучше молчать, чем поступать как твой друг. Выжить! Аист обязательно отнесет его в то место, где живут вечно.

— В рай?

Джинн захохотал, а Вова ловким движением поднял с земли несколько тощих червяков. Он сунул их в рот и блаженно закатил глаза. После недели плена они казались божьим даром. Пока язык выскабливал застрявшие между зубов склизкие ошметки, Володя пообещал себе, что если вернется на «гражданку», то тут же накопает банку дождевых червей.

Трапеза будет славной: уж точно не хуже, чем в заморских ресторанах.

«Может, я сошел с ума?» – подумал Вова, когда последний червь ткнулся в щеку изнутри. От присутствия чужой жизни во рту стало щекотно, а на руках высыпали мурашки.

— Не знаю, — произнес джинн.

— Я разве вслух сказал?

— О да! Мысли я читать не умею, но все люди думают об одном и том же. Например, что мы сидим в каких-нибудь бутылках! Что за невежество? Джинны парят над землей, а найти нас...

От приступа боли в ногах Вова до крови прикусил губы. Мыслей, что загадать, не было. Лучшее, что пришло в голову — попросить джинна стереть память за месяц, который прошел с момента отъезда из Брянска в провинцию Кунар. Но разве это поможет? Ночью он все равно умрет. Может, следует приказать уничтожить Аистов и ту тварь из костра?

Но вместе с ними джинн ради шутки наверняка перебьет и всех пленников.

— Кто — тот великан из пламени?

Джинн не ответил. Когда Володя вновь принялся крошить куски земли в поисках червяков, тот тихо произнес:

— Очень злой и могущественный марид.

Теперь настала очередь Вовы смеяться:

— В детстве я читал восточные мифы. Марида выглядят как седобородые...

— Старцы в белой одежде, а изо рта и ноздрей у них валит огонь, — перебил его джинн. — Хорошо, что не из задницы, хотя сказания могут об этом умалчивать. Но ты забыл, что они летают и превращаются в различных существ. Если марид может стать кем угодно, то почему не аистом? К тому же, ему должно быть приятно лицедреть фанатиков, которые думают, что видят восьмое чудо света.

— Справишься с ним?

— Я пытался.

— Когда?

— В другой жизни, — вздохнул джинн.

Песчаная буря, что поднялась неподалеку, закончила их разговор. Но именно эти слова дали Вове луч надежды.

Может, ему удастся обмануть «самую хитрую тварь в мире»?

После десяти минут танца Володя рухнул на землю. Нет, падал-то он и до этого, но каждый раз поднимался: пролетающие рядом пули сильно мотивировали.

Сейчас Вова решил, что не встанет. Душманы могут сколько угодно заставлять его плясать на сломанных ногах, но он не двинется с места.

Никто из моджахедов больше не стрелял, чтобы заставить его танцевать. Никто из мучителей не смеялся. Даже бутылка с пойлом и шприц, наполненный коричневой жидкостью, попали в немилость: один из афганцев гневно бросил их в сторону, встал с земли и быстрым шагом пошлепал к пленнику.

Вова уткнулся лицом в песок. Душман сел около него на корточки, взял за голову и потянул к себе. Теперь их лица застыли друг от друга на расстоянии не больше локтя.

Фанатик молчал. На вид Володя дал бы ему от тридцати до пятидесяти лет: точнее не вышло из-за бороды до самых глаз.

— Шурави не хочет танец? — жутко коверкая слова, сказал моджахед.

Вова клял себя за слабость, но из глаз полились слезы. Может, позвать джинна и приказать убить именно этого Аиста? Но что он этим добьется? Запрет последний шанс на спасение?

— Не хочу, — как ребенок хныкнул он, — пожалуйста...

— Шурави мечтать топтать священный земля? — хохотнул афганец. — Русский прийти и сказать, будто Аллах — не есть бог?

— Нет, я...

— Коза знать место. Червь тоже. Но русский глуп, слаб и неверен. Моя воля: ты быть собака. Русский носит кость, да. Шурави бежать!

Аист оттолкнул его и вытащил из недр мантии почти обглоданную кость. Вова не сомневался, что она принадлежала кому-то из его сослуживцев. Может, Сереже, который никогда не отказывал угостить даже последней сигаретой. Или Дато, что

в стихах расхваливал красоты Тбилиси. Или тому безумцу, который оставил ему право на последнее желание.

Моджахед бросил кость. Володя пополз следом.

— Пес не змея, нет! Он прыгать, гавкать, да! И хотеть вода, пусть дождь и не любить Кунар! Но хозяин нравится пес, поэтому он помогать.

Вова почувствовал, как теплая жидкость побежала по голому телу. Моча. Фанатик не придумал ничего интереснее, чем обоссать его. Но, судя по хохоту душманов, это была одна из лучших шуток.

— Пес слушаться!

Володя замер: двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Он ничего не увидел, но ощутил снедающую нутро боль. Кровь пролилась на щеку, и Вова едва сдержал крик. Нет, он не даст им насладиться своими мучениями!

Фанатик схватил его за шею и притянул к себе.

— Хозяин угощать пес, хозяин добрый.

Афганец откусил половинку отрезанного у Володи уха. Второй кусок он затолкал пленнику в рот.

— Собака еще голоден?

Вова замотал головой. Аист ударил его ногой по яйцам. Пленник заскулил, но без промедлений встал на четвереньки. Изю всех сил стараясь быть похожим на собаку, он пошлепал за костью.

Когда та оказалась у него во рту, Володя подумал, что на свете не может быть ничего вкуснее.

Новички — те пленные, которых привели ближе к рассвету — вылили воду из фляжек на землю. Моджахеды рассмеялись. Когда очередь пить дошла до Володи, он сморщился, но ополовинил сосуд. Пару дней назад он тоже вылил флягу после того, как понял, что хлебнул чью-то кровь. Сегодня ее содержимое уже не казалось мерзким. Напротив, кровь была похожа на концентрированный томатный сок.

— И какovo угощаться братьями? — спросил джинн.

— Лучше, чем из-за чьего-то желания отправить в плен целый отряд.

— Так поступают все из нас, — зевнуло существо.

— Но зачем?

— Сочини развлечение получше после нескольких веков тишины.

— Я бы спрятался в воспоминаниях.

— Это невозможно, — отрезал джинн. — Скоро наступит ночь. Придумал, что пожелать?

Вова оглядел горстку пленных, которых окружали фанатики с автоматами. Даже если каким-то чудом перебить афганцев, то как управиться с маридом? Ответ напрашивался сам собой: никак.

Метрах в двадцати от Володи ползла кобра, но никто не обращал на нее внимания. Змея то исчезала за острыми камнями близ горы, то появлялась снова. Казалось, она высовывает раздвоенный язык только для того, чтобы подразнить солдат своей свободой.

«Раздвоиться. Навсегда остаться в прошлом и далеком будущем, — подумал Вова. — Или как говорил тот безумный солдат: “Я не знаю, что реально на этой поганой земле, кроме песка”».

Но для того, чтобы возникший план сработал, ему нужно вновь поговорить с коварным джинном. Ведь тот наверняка врал, что не умеет читать мысли: иначе — почему не появился до ночи, когда Аисты вновь зажгли огонь?

На этот раз на мучения пленников явился посмотреть тощий, только родившийся серп луны. Но тусклый свет спутника не мог бороться с яркостью пламени, которое разожгли моджахеды.

Сегодня костер пылал еще сильнее. Огонь, как пьяный в зюю мужик, чавкал и жрал все, что кидали туда душманы. Когда приготовления были закончены, фанатики как обычно затащили одну из сур.

Когда-то давно мама рассказывала Вова, что новый директор столовой ввел обязательный принцип ротации, и теперь после поставок продукты следовало расставлять строго в соответствии со сроком хранения. То, что скоро испортится — ближе к дверцам холодильника. То, что стухнет нескоро — дальше. Судя по всему, афганцы переняли этот метод: Володя стоял на коленях третьим по счету от костра.

— Джинн, — позвал он, пока Аист срывал над ним голос, горлана молитву.

Тот не ответил.

— В мифах о духах говорится, что вы обожаете загадки, — продолжил Вова. — Если ты веками скучал, почему бы не сыграть?

Моджахеды закончили петь суру, и по рядам пошла бутылка с дурманящим пойлом. Когда кто-то из них отпивал из горлышка, его сосед хлопал в ладоши, высовывал язык и пританцовывал. Даже сквозь широкие мантии Вова заметил эрекцию у большинства из фанатиков.

— В другой жизни ты пытался одолеть марида, — зататорил Володя. Времени миндальничать не было: если у него и получится спастись, то лишь до прихода великана. — Если я угадаю в какой, ты появишься?

Фанатик, что караулил Вову вчера, теперь стоял около кого-то из новых пленников. Он вновь схватил рупор и закричал про жертвенный огонь. Володя зачерпнул горсть песка: смотрящий за ним афганец все равно был увлечен собственными руками, которые зачем-то расчесал до крови.

Песок бежал сквозь пальцы. Как и время до момента, когда Вова окажется у Аистов в желудках.

— Когда-то ты был человеком, — продолжил Вова. — И теперь ненавидишь нас за то, что мы помним прошлое. Ведь свою жизнь ты наверняка забыл.

К костру подтолкнули первую жертву. Солдат едва ли не сразу ринулся в огонь — видимо, моджахеды довели его так, что смерть казалась избавлением. Вова вздрогнул: за день афганцы не сделали с ним ничего страшного, но он слышал визги из ям, где пленники звали мам, молились и рычали. После несчастные заходились в ледящих жаркий воздух криках, а хохочущие моджахеды вылезали из ям с закатанными рукавами мантий. Их руки были обожжены и покрыты струпами, но больше всего Володю пугала кровь и ошметки внутренностей, которые забивались фанатикам под длинные, давным-давно нестриженные ногти.

Мысли Вовы вернулись к огню, около которого первого из приговоренных к смерти облили бензином. Зачем-то пленник подставил ладони лодочкой и умыл лицо. Аисты покатались со смеху по земле, а один из фанатиков случайно выстрелил из

автомата. Пуля скосила одного из афганцев, но мучителям было все равно. Смеяться гораздо, гораздо важнее!

— Ты должен подчиняться! — едва не закричал Володя. В общей суете он не думал, что кто-то обратит внимание на сбрендившего шурави. — Я не спасусь, когда появится марид!

Джинн молчал. Пламя колыбалось так, словно ветер вознамерился его потушить. Фанатики мигом вскочили с земли и запели молитву.

Когда сура застыла на самой высокой ноте, из огня вышел великан. Парень, стоящий на коленях перед Володей, закричал. Со стороны тех, кто впервые видел марида, не донеслось ни звука. Теперь Вова знал точно: вчера он был накачан наркотиками.

Потому что сегодня вождь Аистов выглядел совсем иначе.

То, что прошлой ночью Володя принял за мантию, оказалось черным острым оперением. Из глубины капюшона высовывался длинный клюв. Вместо ступней у марида были перепончатые лапы, а торчащие из-за спины крылья нервно подрагивали, будто он вот-вот готовился взлететь.

— Его не победить.

От веселых интонаций в голосе джинна не осталось и следа. Он говорил что-то еще, но Вова приказал ему заткнуться и прошептал:

— В прошлой жизни ты был человеком и пытался драться с ним, так? Значит, тебя тоже принесли в жертву?

— Я... Я не помню.

— Знаю. Ты разозлился, когда я сказал, что невозможно спрятаться в воспоминаниях.

Первого пленника бросили в огонь. Как только солдат выскочил из костра, Аисты накинулись на еду.

— Сначала ты помнишь каждую мелочь, — глухо сказал джинн, — но потом забываешь дом. Друзей. Имя. Я даже не помню, как стал... этим.

— Поэтому ты ненавидишь хозяев. Ведь мы все помним.

— Чего ты хочешь?

— Увидеть маму. Нину. Каштана.

— Это твое последнее желание?

— Нет. Есть кое-что получше.

— Славно, а то я уже подумал, что ты глуп, словно...

— Ты соврал, что не умеешь читать мысли. Но я, кажется, понял, чего ты хочешь.

В пламя бросили вторую жертву. Вова был следующим в очереди. Оставленные без присмотра пленники зашептались и побежали в разные стороны. Марид опять исчез, чтобы заполнить тьму смертью.

Фанатики жадно жрали человечину.

— Если я попрошу убить эту тварь, ты справишься?

— Не надо, пожалуйста...

— Вот и я пошутил над тобой, — хмыкнул Вова. — Не понравилось? Наверное, как и тому бедняге, которого ты свел с ума.

Марид описал круг над костром и грациозно приземлился. Моджахеды повели Володю к пламени и облили бензином.

— Пока мне не понять, почему надоедает вечная жизнь, — пробормотал Вова. — Но кое-что я знаю: ты хочешь уйти.

— Нет, — ответил джинн. Володя подумал, что его план рухнул, но «слуга» добавил: — Ты не знаешь, насколько сильно я хочу уйти.

— Я исполню это желание в обмен на мое. Думаю, тебе понравится, — сказал Вова.

Душманы подвели его к мариду. Великан протянул к пленнику лапы, принялся, фыркнул и взлетел в воздух. Володя подумал о деревне под Брянском и воспоминаниях, купаться в которых будет веками. На прощание он посмотрел на серп луны, которую видят люди в далеких, кем-то выдуманных странах.

Марид спикировал на него сверху

— Мое последнее желание — стать тобой, — приказал он джинну.

— Слушаюсь и повинуюсь.

Марид расчертил когтями воздух. Вова исчез.

Той ночью закончилась история отряда «Черный аист». Выжившие пленники говорили, что фанатики будто рухнули замертво от ударов невидимого зверя. Но битва далась Володе непросто: сущность, в которую он превратился, быстро становилась слабой. Вова опасался нападения мариды, но тот —

такой же бестелесный и невидимый смертному, застыл в небе и безучастно наблюдал расправу над моджахедами.

Когда он закончил, марид уже исчез. Лишь спустя много десятилетий, а может, веков Вова понял, что дух потратил слишком много сил на превращение в «человека в черной мантии».

В ночь расправы над афганцами Володя наблюдал за тонкой полоской света, бегущей в небеса. Он знал — то уходит джинн, служивший тысячам людей. Во всполохах света Вова разглядел, как черноволосого кудрявого парнишку приносят в жертву. Но прежде юноша попросил жизнь у джинна, которого случайно обнаружил незадолго до плена. Служивший ему дух обвел хозяина вокруг пальца: после жертвоприношения тот стал бестелесным существом, приговоренным к вечному исполнению чужих желаний.

И всегда их извращающим. Ведь его самого когда-то обманули.

Полоска света окончательно исчезла. Какие бы грехи ни совершал джинн, он исчез из всех возможных миров. Вова искренне надеялся, что тот не попадет ни в рай, ни в ад. Ведь разве не может существовать место, где после ухода мы могли бы вечно перебирать каждое, даже забытое при жизни, воспоминание?

Джинн летел над пустыней. Вчера, а может и век назад, он встретил похожее на себя создание. Тогда джинну показалось, что он вспомнит свое имя, но в памяти лишь появилась яма, где он и какой-то парень то обнимались, то дрались. Какое-то время два всполоха невидимого людям света разглядывали друг друга, а после поплыли вдаль. Туда, где были тысячи раз.

Иногда джинн впадал в похожее на дрему состояние и видел какую-то собаку. В своих грезах он порой различал образ бегущей вдаль девушки и странного поля, где он втыкал в землю палку с широким острием на конце. Эти сны не приносили радости: напротив, от них ему становилось хуже, он ничего не мог вспомнить.

Когда дух долетел до моря, то замер над голубым дремлющим полотном. Он вновь думал о видениях. Что они значат? Он выдумал их? Или они существовали — ведь джинн знал, что давным-давно был человеком.

Все духи когда-то были людьми.

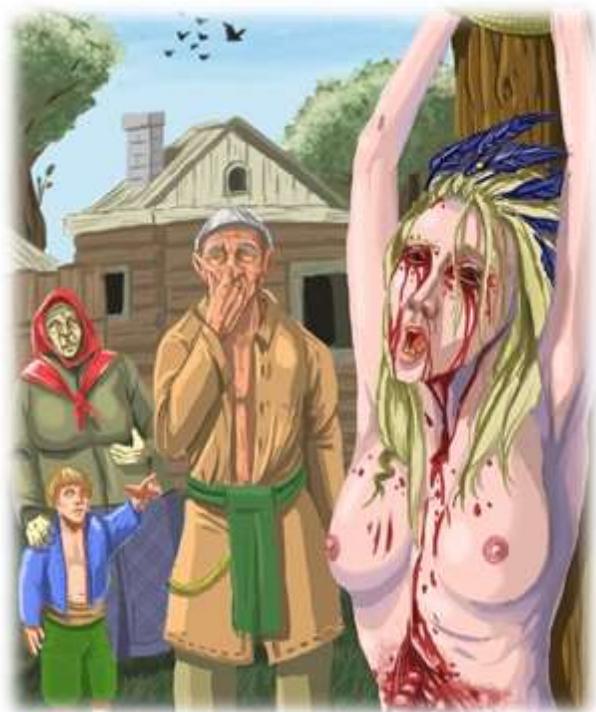
Джинн почувствовал, как за много километров отсюда кто-то зачерпнул горсть песка, в которой дремала его сущность. Пришло время исполнять желания.

«Кем я был в прошлом? Кем я буду в будущем» — думал он, летя к своему новому хозяину.

Но все это было не важно, ведь времени здесь не существует. Лишь бесконечный дневник песка, что останется на земле после смерти всех людских воспоминаний.

Евгений Абрамович

Тихие воды

Тело заметили рано утром, когда женщины спустились за водой к чистому источнику. Оно лежало прямо на песчаном берегу, возле мостков. Темно-зеленый раздувшийся труп, скользкий и безволосый. Огромный, значительно больше любого из людей.

Это было странно. Обычно представители водного народа уходили умирать подальше от людей. Отчаянные охотники и добытчики, которые заходили далеко в чащу темного леса, видели их капища и курганы, земляные пещеры, забитые пожелтевшими костями болотников, лягушатников и рыболодей. Увидеть труп одного вдали от их священных мест считалось очень плохой приметой. Знаком беды.

Женщины с воплями и причитаниями бросились обратно к поселку. Некоторые осеняли себя защитными знаками и бормотали заговоры от злых сил.

На крики стали сбегаться люди. Испуганно глядели на принесенное течением тело, боясь подойти ближе. Вскоре на берегу собралась большая толпа. Жители поселка переговаривались, решая, что делать. Не хватало только отряда добытчиков, который отправился в леса за жертвами. Расталкивая людей, вперед вышел дед Михась, голова поселка — местный патриарх. За ним, отдуваясь, шла Тамара, его старшая жена, толстая маленькая женщина, вечно больная и крикливая, с возрастом тронувшаяся умом. Ее поддерживал под руку отец Дмитрий, священник и жрец.

Толпа продолжала бормотать, когда дед Михась, тихо кряхтя, опустился на колено возле тела и осторожно потрогал холодную скользкую руку мертвеца.

— Лягушатник, — сделал он очевидный вывод.

Тамара захохала и запричитала, повиснув на руке отца Дмитрия. Тот, едва удерживая на себе вес женщины, принялся тихо успокаивать ее, шепча что-то на ухо. Она горько заплакала. Ее примеру последовали другие женщины, скоро берег наполнился криками и стонами. Мужчины угрюмо оглядывали местность и горизонт, ошетилившийся верхушками далекого леса. Все знали, что дурные знамения не случаются просто так. Лет десять назад, когда к берегам поселка течение принесло трупы нескольких рыболодей, это стало началом нападения мародеров из мертвых городов. Страшные и мутировавшие, потерявшие всякий человеческий облик, пришельцы травили химикатами воду и на моторных лодках атаковали остров. Тогда их нападение удалось отбить, но теперь люди с содроганием ждали будущего. Лягушатники были существами священными, наиболее приближенными к Лягушачьему Богу. Смерть одного из них не могла быть

случайной. Тем более выставленная напоказ, как будто этим трупом кто-то хвастался, специально запугивая людей, радуясь своей безнаказанности.

После недолгих споров мертвого лягушатника решили похоронить на поселковом кладбище, отпев в церкви. Подогнали телегу. Понадобились усилия десятка крепких мужчин, чтобы поднять огромное скользкое тело на воз, который под тяжестью закрипел. Запряженная в телегу лошадь, с трудом переставляя ноги, тронулась в сторону церкви. Длинные ноги лягушатника свешивались с воза, едва не касаясь земли. Зеленые пятнистые руки с перепончатыми кистями были сложены на груди. Большие глаза были открыты; ничего не выражая, они уставились в небо. Из огромного беззубого рта свешивался распухший длинный язык.

Скрипя и подпрыгивая на ухабах, телега двигалась дальше. За ней выстроилась траурная процессия. Во главе ее брели дед Михась с отцом Дмитрием. За ними, смешно переваливаясь на коротких толстых ногах, ковыляла плачущая Тамара с остальными семью женами деда — от высокой крепкой Агафьи до юной и нежной Лены, которой только-только пошел семнадцатый год. За ними угрюмо шагали и жители поселка, каждый из которых был погружен в свои тревожные мысли.

В церкви было темно и сыро; представляла она собой землянку, вырытую на вершине холма. По полу святилища в изобилии прыгало множество лягушек, священных тварей Бога. Компанию им составляли ужи и тритоны. Живность ползала под ногами у осторожных людей, касаясь их холодными скользкими телами. Отец Дмитрий начал службу по лягушатнику. Он как всегда впал в транс, общаясь с духами воды и другими силами природы, возносил хваду Лягушачьему Богу, водил руками над мертвым существом, кричал, танцевал и плакал. После обряда он без сил свалился на пол, церковные прислужницы стали отпаивать его травяными настойками, которые возвращали силу.

Лягушатника закопали в огромной яме, наспех вырытой поселковыми мужчинами. Могильный холм украсили болотными лилиями и тинной. После похорон жители вернулись к своим делам, но у всех без исключения было тяжело на сердце.

* * *

Поселок Тихие воды расположился на большом острове посреди болот, озер и непроходимых лесов. Люди стали здесь жить еще во времена Последней Войны. Дед Михась в молодости был солдатом. Его отряд погиб, а сам он, раненный и отрезанный от своих, забрел в эти места, где группа людей жила отшельниками, укрывшись среди болот от ужасов войны. Солдата приняли и вылечили. Со временем он отринул старые предрассудки, впустил в свое сердце веру в Лягушачьего Бога. Тот, в свою очередь, взамен на преданность дал Михасю долголетие и мужскую силу, сделав его своим наместником среди здешних людей. Дед уже сам не помнил, сколько ему лет, но был уверен, что никак не меньше ста двадцати. Летопись Тихих вод отсчитывала новую эру с момента начала Последней Войны, которая длилась не меньше десяти лет. После ее окончания в летописи было отмечено сто девяносто шесть лет, так что о настоящем возрасте деда можно было только гадать. Несмотря на годы, глава был все еще силен телом и умом. У него было семь постоянных жен, а семья его исправно приносило богатое потомство.

Во времена Последней Войны люди творили ужасные зверства. Сбрасывали на головы друг друга бомбы, которые уничтожали целые города, отравляли почву и водоемы. Эта скверна заражала людей, меняя их облик, у несчастных рождались сплошь уроды и мутанты. Только жители Тихих вод могли похвастаться своей чистотой и первозданным видом. Они возносили хвалу за это Лягушачьему Богу и его детям. Никто не знал, кто они на самом деле, мутанты, бывшие когда-то людьми, либо диковинные создания, жившие здесь веками, укрываясь от взгляда древних людей. Самого Бога видели каждое лето на Празднике урожая, когда его огромная туша появлялась из болотной воды на кромке Темного леса, приветствуя невесту, самую красивую девушку поселка, отдаваемую ему в благодарность за заботы. Кроме невест он

требовал и других жертв, которые доставляли из экспедиций отряды добытчиков. За болотами и лесами лежали пустоши и мертвые города, выжженные огнем Последней Войны и населенные мутантами. Их ловили и доставляли на машинах и лодках в Тихие воды. Взамен за эти труды Лягушачий Бог и его дети приносили людям урожаи, выводили на охотников стада животных, загоняли в людские сети косяки рыб. Защищали их в коротких и жестоких войнах с агрессивными мутантами и мародерами.

Весной, проснувшись от зимней спячки, представители водного народа забредали в поселок, участвовали в человеческих праздниках, после чего у местных девушек могли родиться дети с чешуей, зеленой кожей или перепонками на пальцах. Дети эти считались благословенными, отмеченными счастьем, божьей печатью. Их любили и уважали, они росли сильными, умными и крепкими, становились лучшими мастерами, воинами, охотниками и добытчиками. Люди и водный народ не могли жить порознь, а каждое горе друг друга воспринимали как свое личное. В ночь после похорон лягушатника над болотами горели огни. Водный народ справлял траур. Люди стояли на берегу и плакали. Все чувствовали, что грядет большая беда.

Добытчики вернулись на следующий день. Они привели с собой только одну-единственную жертву. Убогого слабоумного мутанта неопределенного пола с тощим недоразвитым телом и непропорционально огромной лысой головой. Жертва была скудной, как никогда. Обычно добытчики приводили с собой с десяток мутантов, а то и больше. После особенно удачных экспедиций часть из них запирали в загоне для скота, оставляя на потом. Сейчас добытчики рассказывали, что темный лес и пустоши были тихими, будто там никто никогда не жил, но в пути люди находили кости и трупы мутантов. У многих мертвецов на месте глаз зияли кровавые раны. Эта новость особенно встревожила людей. Это был знак Длинноногого, извечного врага Лягушачьего Бога. Его слуги, большие кровожадные птицы, выклевывали глаза жертвам и приносили их своему господину, который пришивал добычу к своим огромным черным крыльям. «У Длинноногого тысяча

глаз, — с трепетом говорили люди друг другу, — Он видит все наши грехи». «Веди себя хорошо, — говорили матери расшалившимся детям, — А не то Длинноногий все увидит и заберет тебя».

Дурные вести испугали людей больше прежнего. Решено было принести жертву сейчас же, при свете дня, не ждать ночи и полнолуния, как обычно. На берегу, возле самой кромки воды, вкопанная в землю, стояла дюжина жертвенных столбов. Недоумок, одетый в рваные лохмотья, что-то испуганно мычал и трясся всем телом, когда его привязывали к одному из столбов. Жертвоприношение было таинством, священным делом, при нем могли присутствовать только священник со своей охраной. Отец Дмитрий вглядывался в болотную даль и нараспев выкрикивал заклинания зычным голосом. Призывал водный народ. Жертву всегда забирал кто-то из болотников. Вот и сейчас в десятке метров от берега показалась большая голова со спутанными волосами, длинным крючковатым носом и зеленой бородой. Внешне похожий на человека, только высокий как дом, болотник двинулся к берегу. Он опасливо осматривался и двигался осторожно, не понимая, почему жертву приносят при дневном свете и почему она такая скудная.

Мутант на столбе испуганно завизжал тонким противным голосом, глядя на приближающееся к нему существо. Визг оборвался, когда болотник сгреб мутанта огромной пятерней. Раздался треск веревок и хрупких костей. Опустевший столб истекал кровью жертвы. Быстрым широким шагом болотник вернулся в воду, неся в руке истерзанные останки мутанта, и скрылся в пучине. Двое вооруженных солдат и священник молча глядели ему вслед.

В тот же день жители Тихих вод снова пошли в церковь, чтоб обсудить насущные дела. Места для всех не хватило. Многие расположились на улице. Чтобы все смогли поучаствовать в собрании, на улицу вывели старинные колонки с большими динамиками. Речь держал дед Михась. По торжественному случаю он надел свою старую солдатскую форму. Гимнастерка, камуфляжные штаны и тяжелые ботинки давно выцвели и износились, были перештопаны уже тысячу раз, но в них дед выглядел лидером, старым боевым командиром, который вел солдат за собой в стычках с

мутантами. Именно в эту форму он был одет, когда Тихие воды отразили пришествие Длинноногого почти семьдесят лет назад. Тогда сам Лягушачий Бог вышел из болот, чтобы помочь людям прогнать своего старинного врага. Те героические дни были золотыми буквами занесены в летопись. Их изучали дети в школе, а взрослые передавали из уст в уста.

Нутро церкви освещалось десятком тусклых маленьких лампочек. Тихие воды получали энергию от небольшой электростанции на берегу. Ее турбины приводились в движение мощными течениями. Церковный алтарь со священным черепом лягушатника, украшенным высохшими водорослями, находился на деревянном возвышении. Там же располагалась звуковая аппаратура для проповедей и массовых собраний. Дед Михась подошел к микрофону, разгладил длинную седую бороду, откашлялся и твердым голосом произнес:

— Братья и сестры, — старые колонки щелкали и шипели, но речь лидера передавали внятно, — Обманывать вас не буду. Грядут тяжелые времена, плохие времена, страшные и кровавые. Длинноногий вернулся, от этого никуда не деться. После прошлого его нашествия многие из нас верили, что он больше не появится. Он превратился в миф, в страшную сказку для детей. Но это не так. Мы должны встретить его. Взяться за оружие и дать ему отпор, как мы делали всегда, долгие и долгие годы — уже много раз. Если с нами Лягушачий Бог и водный народ, то кто же против нас?

Толпа возликовала. Люди из зала выкрикивали одобрения и призывы к оружию. Слова лидера воодушевили их.

— Еще кое-что, дорогие мои, — продолжил дед Михась, — Как все вы знаете, жертва в этот раз была небогатой. А следующая предвидится еще очень нескоро. Слуги Длинноногого рыскают по лесам и убивают мутантов, годных для жертвы. Поэтому мы посоветовались с нашим дорогим священником, уважаемым отцом Дмитрием, и решили, что в этом году не стоит дожидаться осени и Праздника урожая. Надо отдать невесту Богу сейчас, чтобы задобрить его, ибо праздник может не состояться. Этой осенью нас ждут сражения. Не до праздников будет...

Такая новость многих встревожила, но посоветовавшись, жители решили, что так тому и быть. Невестой выбрали

белокурую голубоглазую Наташу, первую красавицу Тихих вод; ей едва исполнилось шестнадцать. Ее осмотрели бабки-повитухи и подтвердили девственность. Девушка плакала, не в силах поверить своему счастью, когда женщины готовили ее для обряда. Расчесывали волосы, омывали тело душистыми маслами, одевали в нарядное белое платье. Наташины родители светились от гордости за дочь, соседи поздравляли их, исходя тихой завистью.

Когда невеста предстала перед поселком во всей красе, толпа ахнула от восхищения. Чистая и прекрасная, как сама невинность, она сияла нежностью и любовью. Голову ее украшал венок из болотных лилий, в волосы были вплетены ракушки. Вечерние сумерки сгущались, когда она ступила на праздничный плот. Люди пели и плакали от счастья, когда длинными баграми мужчины толкнули плот прочь от берега. Его подхватило течение и понесло вдаль, навстречу Лягушачьему Богу. Жители долго вглядывались в темнеющий горизонт. С облегчением вздохнули, когда вдалеке над водой показался силуэт божества, которое приветствовало новую невесту. Всю ночь люди праздновали и веселились. Верили в будущее.

Наташа вернулась на следующее утро. Никто не видел, как это произошло. Стражники нашли ее привязанной к жертвенному столбу. Голая, истерзанная и поруганная, она не подавала признаков жизни. Тело покрывали синяки и раны, из разорванного вывороченного лона к земле тянулись скользкие внутренности. На ее голове не было ни единого волоска: кто-то выдрал их, засунув под кожу черные перья. Пустые глазницы зияли чернотой. Из страшных ран скатывалась на посеревшие щеки темная кровавая слизь. Труп на столбе окружили солдаты с оружием в руках. Они не подпускали к нему людей, тело могло быть заразным или, что хуже, проклятым. Распласталась на земле убитая горем мать вчерашней невесты, плачущий отец пытался ее успокоить.

— Лягушачий Бог не принял невесту, — в ужасе шептались жители, — Никогда такого не было. Что же теперь?..

С трудом скрывая эмоции, отец Дмитрий нервно бродил по берегу.

— За что ты оставил нас!? — срываясь на плачь, кричал он безответным болотам.

Из воды изредка показывались плоские лупоглазые лица рыбакодеи. Они безмолвно открывали рты и не отвечали. Труп невесты было решено не хоронить, опасаясь заразы и проклятий. Жертвенный столб обложили дровами и облили бензином. Очищающий огонь должен помочь. Оставшийся после сожжения пепел собрали в мешки и закопали в чаще темного леса. Подальше от людских глаз.

Следующей ночью маленькой Соне, дочери кузнеца Александра, снились плохие сны. К ней в комнату пришел страшный высокий человек в длинном плаще. Он наклонился над спящей девочкой и зашептал ей на ушко всякие гадости про родителей и друзей. Говорил, что все знает про всех, видит каждый грех и плохой поступок, знает каждую дурную мысль. В доказательство этих слов плащ на нем зашевелился и поднялся, превратившись в пару огромных черных крыльев, внутренняя сторона которых была усыпана множеством глаз. Они внимательно и злобно смотрели на лежащую в кровати маленькую девочку. От страха Соня до самого носа укрылась теплым одеялом и, не дыша, наблюдала за незнакомцем. Тот расправлял и складывал крылья, красовался — показывал себя. У него было тощее тело на длинных костлявых ногах. И сам он был похож на огромную птицу. Даже лицо его вытянулось в подобие длинного прямого клюва.

И тут на помощь девочке пришел кто-то сильный и большой. От удара снаружи сотрясся весь дом. Человек-птица испуганно заверещал, захлопал крыльями и растворился в воздухе, будто и не было его. В соседних комнатах кто-то встревожено говорил. Это проснулись родители Сони.

— Открой окно, дитя, — услышала девочка грозный голос.

Голос этот требовал и повелевал. Его невозможно было послушаться. В окне комнаты девочка увидела большой желтый глаз. Она знала, кому он принадлежит. Сам Лягушачий Бог покинул священные болота и пришел к ней на помощь. Он прогнал страшного незнакомца и теперь собирался что-то ей сказать. Не веря своему счастью, Соня подошла к окну и трясущимися пальцами отворила створки.

— Слушай внимательно, дитя, — потребовал голос.

Девочка слушала.

Ворвавшись в комнату дочери, родители нашли Соню возле открытого настежь окна. Малышка стояла на сквозняке в одной пижаме. В трансе она тихо бормотала что-то себе под нос и дрожала всем телом. Мать обняла девочку и попыталась успокоить, но та не приходила в себя. Отец закрыл окно. Снаружи не было никого.

К утру Соне не стало лучше. Она по-прежнему тихо шептала непонятные слова, не реагировала ни на что вокруг. Лишь однажды закричала, а позже обратилась к родителям грубым низким голосом, будто говорила не маленькая девочка, а неведомое существо.

— Приведите жреца! – потребовала Соня. — Я хочу говорить с ним!

Перепуганные родители бросились из дома и вскоре вернулись в компании отца Дмитрия. С ними же явился и дед Михась. Старику успели рассказать о таинственном ночном происшествии в доме кузнеца.

— Слушай меня, жрец, — повелела Соня грубым голосом, — Слушай внимательно...

Священник склонился над девочкой. От услышанного тело его покрывалось холодным потом.

В тот же день снова состоялось собрание. Речь держал отец Дмитрий.

— Братья и сестры, — сказал он в микрофон, разводя руками, — Благословение снизошло на Тихие воды. Лягушачий Бог начал говорить с нами, чего не случалось уже много лет. Как вы знаете, он никогда не делал этого напрямую. Для этих целей он всегда выбирал посредника своей воли. Вещателя. Сегодня эта почетная роль выпала нашей маленькой дорогой Сонечке. Разве может кто-то лучше, чем невинное дитя, быть голосом Его?

Священник указал на девочку. Та, уставшая и измученная, сидела на почетном месте возле деда Михася — на коленях у матери, а та ласково гладила дочь по головке. Люди в церкви вытягивали шеи и становились на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть благословенного ребенка.

— Так вот, — продолжил отец Дмитрий, — Лягушачий Бог сказал, что в этот раз Длинноногий напал на нас изнутри. Он наслал на нас пороки и греховные мысли. Это коснулось

каждого: от младенцев до стариков. Но в некоторых скверна забралась особенно глубоко! Укрепилась и дала ростки. Поэтому Лягушачий Бог не принял свою новую невесту. Дева уже была отравлена проклятьем Длинногого. Бог отверг ее, а в отместку его извечный враг надругался над ней и лишил жизни. Угроза нависла над нами, братья и сестры! Но еще не поздно все исправить. Нужно сплотиться перед лицом врага. Мы должны выявлять отступников и грешников. В этом нам поможет сам Лягушачий Бог. Он будет указывать на них через своего проводника. Мы с нашим головой решили организовать специальные боевые отряды: Божьих воинов. Они будут бороться с прихвостнями Длинногого. На этом все, братья и сестры. Слава Лягушачьему Богу!

— Слава!!! — дружно ответила толпа.

Люди были счастливы и воодушевлены. Бог не оставил их. Мало того, он сам поможет им противостоять злу. Люди подходили к отцу Дмитрию, просили благословения. Целовали руки маленькой Соне.

Из самых опытных солдат и охотников собрали боевой отряд. Их отличительными знаками стали зеленые повязки на рукавах. Их командиром стал прославленный воин Андрей, божий ребенок с зеленоватой кожей и перепонками на пальцах ног.

Первыми арестовали родителей недавней невесты. Если их дочь была отвергнута, значит и они сами уже отравлены скверной. Их поместили в подвал заброшенного дома на окраине поселка; теперь там была тюрьма.

На берегу между жертвенными столбами вывесили десяток набитых соломой пугал. Обереги от птиц, злобных прихвостней Длинногого. Отец Дмитрий лично освятил каждое из чучел. Теперь они молча смотрели вдаль пришитыми к мешковине глазами-пуговицами.

Маленький Петя беззаботно играл на берегу. В тени освященных чучел ему не могло что-то угрожать. Водный народ охранял человеческих детей. Приглядывал за купающейся или рыбачащей ребятней, не давал заплывать далеко, отгонял хищных рыб и опасных зверей. Родители беззаботно оставляли

своих детей на берегу, когда сами были заняты работой. Тем более Петя был божьим ребенком, его кожу покрывали маленькие прозрачные чешуйки. Три с половиной года назад к его маме заглянул после зимней спячки рыбчеловек.

Самого Петю мало интересовали события, которые творились в Тихих водах. Рытье рвов и строительство оборонительных сооружений, удвоенные караулы, рейды Зеленых повязок, участвовавшие проповеди отца Дмитрия. Куда интереснее ему сейчас было бросать камешки в воду. Наблюдать за множеством светящихся на солнце брызг и расходящимися в стороны кругами на воде. Очередной камень, гораздо крупнее и тяжелее предыдущих, плюхнулся в воду с громким всплеском. Мальчик радостно засмеялся.

Из воды показалась большая голова с плоскими глазами и широким беззубым ртом. Она была покрыта блестящей чешуей и украшена жестким костяным гребнем, который увеличивался сзади и переходил в спинной плавник существа. Петя с улыбкой помаhal рыбчеловеку. Тот в ответ поднял длинную чешуйчатую руку над головой.

— Поиграешь со мной? — спросил Петя.

Рыбчеловек пошел навстречу к мальчику. Из воды показались его мощные плечи и голый торс. В этот момент прямо сверху на него спикировала птица. Большая черная ворона. Со злобным карканьем она опустилась на голову существа и вонзила тяжелый клюв ему в немигающий глаз, который лопнул с тихим хлопком, большой студенистой каплей потек по щеке. Рыбчеловек отмахнулся от птицы. Крылатая тварь каркнула и поднялась в воздух. На помощь ей прилетели несколько братьев. Птицы появлялись будто из воздуха. Через секунду возле раненого существа кружилась целая черная стая. Петя, в ужасе открыв рот, застыл на месте. С замиранием сердца он наблюдал за битвой. Рыбчеловек сражался изо всех сил, плавники у него на руках стали торчком. В бою они могли быть острыми, как бритвы. Несколько ворон погибли, их выпотрошенные тушки упали в воду, но им на смену приходили все новые и новые. Они ранили и терзали соперника, с лету пробивали клювами чешую, вырывали куски плоти. Раны сочились холодной розовой кровью. Рыбчеловек лишился второго глаза. Слепленный, он отступал под напором

врагов. Он мог бы сразу скрыться под водой, но тогда человеческий ребенок остался бы беззащитным.

Мальчик, парализованный страхом, даже не заметил, как одно из чучел за спиной зашевелилось на столбе, повернуло голову и внимательно посмотрело на него. Оно вытянуло из складок одежды длинную шею и оглянулось. Лицо его было вытянуто в подобие тяжелого прямого клюва. Шум привлек жителей поселка, несколько вооруженных мужчин уже бежали к берегу. Надо было действовать. Чучело зашуршало одеждой, расправило за спиной огромные крылья, усеянные множеством глаз, и сорвалось со столба. В стремительном рывке подхватило подмышки ребенка, и взмыло высоко в воздух. Люди стали стрелять ему вслед, но похититель был уже слишком далеко. Существо с презрением разглядывало удаляющиеся Тихие воды. У Длинноногого были тысячи глаз. За своим господином последовала и стая ворон. Израненный рыбочеловек с трудом выбрался на берег. Распластался на песке и тяжело дышал. Перепуганные люди осматривали его и подозрительно косились на столбы с чучелами.

Вскоре на берегу собрался весь поселок. Дед Михась раздавал приказы. Отец Дмитрий бормотал бесконечные молитвы. За ним по пятам следовала маленькая Соня, ставшая теперь постоянным спутником священника.

— Чары не действуют больше! — сообщила девочка утробным басом, — Глупцы! Освященные пугала больше не спасают от птиц. Скверна забралась слишком глубоко в вас. Ищите пособников Длинноногого среди Тихих вод. Кайтесь в грехах. Не выпускайте детей.

Она говорила еще, пока не рухнула без сознания. Вещание отнимало много сил. За несколько дней девочка исхудала и сторбилась. Бабки-знахарки щедро кормили ее и отпаивали священными травами. Вот и сейчас они подняли легкое тельце и унесли подальше от людских глаз. За старухами шли плачущие родители Сони.

— Горе нам! — кричал отец Дмитрий, — Горе! Мы слишком долго не жились в последние изобильные годы. Стали сытыми и ленивыми. Впустили в себя грех! Забыли, что есть еще на свете настоящее зло. Это дало ему сил, Длинноногий воспользовался нашей беззаботностью! Мы ошиблись, страшно-страшно ошиблись! Каждый должен покаяться! Каждый!

Среди людей началась паника. Солдаты с трудом усмирили толпу, разогнали жителей по домам. Дед Михась издал указ: каждый житель должен был прийти в церковь и честно покаяться в грехах, за которые каждому будет назначено соответствующее по тяжести наказание. Только так можно будет исцелить общество. Снова сделать его сильным перед злыми чарами. Вернуть в людей веру и страх перед Лягушачьи Богом и водным народом.

Берег опустел. Израненный рыбчеловек к тому времени уже умер. Люди не стали его трогать, боялись, что птицы осквернили труп проклятием и заразой. За ним пришли его собратья. Болотник и лягушатник появились из воды и утащили мертвого с собой. Берег был пуст и никто не видел, что оба они заметно хромали, а их зеленоватая кожа была покрыта желтой сыпью и гноящимися кровавыми язвами.

Первыми на покаяние пришли Зеленые повязки и солдаты. Воины Тихих вод, все как один, оказались чисты перед Богом. Небольшие прегрешения были быстро прощены. Кто-то заглядывался на соседскую жену, одни отлынивали от работы, иные злоупотребляли спиртным. Отец Дмитрий добросовестно выслушал каждую исповедь. Подле него сидела внимательная и сосредоточенная Соня, через нее Лягушачий Бог вслушивался в слова людей, не давая соврать и отойти от истины. После каждого покаяния отец Дмитрий глядел на девочку, спрашивая, верить или нет. Всякий раз она согласно кивала.

Потом пришел черед остальных людей. В церкви собралась толпа. Каждый хотел поскорее предстать перед божьим судом, доказать свою чистоту и невиновность. Приходили целыми семьями, даже младенцев несли на руках. Солдатам наспех пришлось заняться организацией исповеди, людей отгеснили и успокоили, чтобы не было давки. К алтарю, где восседали Дмитрий, Михась и Соня, подпускали по одному взрослому или ребенка с родителем. Прегрешения полились стройным потоком.

— Я грязно ругался.

— Я плохо думал про соседа.

— Я без доказательств обвинил человека в воровстве.

— Я в гневе ударил ребенка.

— Я был груб с женой.

Плохие мысли, необдуманые слова, неосторожные поступки. Соня молча слушала и все время кивала. Отец Дмитрий от имени Лягушачьего Бога прощал и благословлял людей на исповедь. Покаявшиеся с улыбками и слезами счастья уходили прочь. В церковном зале и на улице ждали своей очереди остальные. Сквозь оцепление просачивались к алтарю все новые и новые грешники.

— Я подглядывал за дочерью, пока она переодевалась.

— Я за плату давала мальчишкам потрогать себя.

— Я украл у соседа булку хлеба.

За более тяжкие проступки и наказание было суровее. Блуд, ложь и воровство карались строгим постом, розгами или заключением в подвале на несколько дней. Несмотря на это, грешники с облегчением выдыхали, услышав свой приговор, который они считали справедливым. Еще ни разу никто не был уличен во лжи перед Богом. Соня слушала и молчала. Вот неуверенно подошел к алтарю рыбак Семен. Заикаясь и потев, начал говорить:

— Я... э-э-э... я, в общем... думал о том, как бы... ну изменить жене...

— Врешь! — громом раздался голос вещателя, от которого зазвенело в ушах даже у стоящих на улице.

Соня вскочила с места и на худеньких трясущихся ногах подошла к Семену. Погрозила пальчиком.

— Думал? — пробасил через нее Лягушачий Бог, — Думал он, как же. Ты к жене своей уже полгода не прикасался. Другую сношал в роще перед темным лесом. Было? Рассказывай, как есть!

— Было, — дрожащим голосом ответил грешник, — Раз всего...

— Врешь-врешь-врешь!!! — снова закричала Соня, гневно затопала маленькими ножками, — Раз всего, ага. Бесстыжий! Врать мне вздумал? Говори — как было?!

Семен затрясся всем телом. Заплакал. Поились слезы по небритым щекам. К нему сзади подошел один из солдат, тряхнул за ворот.

— Говори, — не унималась Соня, — Кто она? Шалава твоя?

— Галя... ткачиха...

— Сюда ее!

Привели под руки перепуганную молодую женщину. Она залилась слезами, бросилась на земляной пол, стала целовать Сонины ноги.

— Прости, — приговаривала, плача, — Прости, Господь наш, прости родимый! Длинноногий попутал!

— Ты все-то на Длинноногого не вешай, — девочка брезгливо отстранилась от поцелуев, — Искуситель он, это верно. Но если чиста у человека душа и мысли, то выстоит он, не сломаются перед скверной. Все от тебя самой зависит, поняла?

Женщина, по-прежнему стоя на коленях кивнула. Девочка снова подошла к ней, обняла, поцеловала в макушку.

— Ступай с миром, — голос звучал одновременно грозно и нежно, — Слабая ты, вижу. Но душа у тебя добрая. Неделю посидишь на одной воде. Очистишься. Прощаю тебя...

Плача от счастья, ткачиха медленно ушла. Рыбаку Семену за вранье перед ликом Лягушачьего Бога назначили суровое наказание. Высечь розгами, клеймить железом и бросить на неделю в тюремный карцер, земляную яму с холодной водой на дне. Предлагали еще оскотить или вырвать ноздри, но Соня запретила. Хватит с него.

Люди поняли, что не укроется ни одна ложь. Лягушачий Бог все знает и все видит. Грешники рассказывали и о самых малых своих проступках. Не убирался в доме, ленился, плевался, чесался в срамных местах. Некоторые из тех, кто уже прошел через исповедь, снова решили покаяться. Как будто смолчали о чем-то, забыли. Толпа волновалась, солдаты с трудом сдерживали людей. Каждый новый говорящий подробно рассказывал о себе, в религиозном исступлении смаковал каждый греховный поступок и мысль. Сразу две семьи поделились подробностями о том, как каждую ночь предавались свальным утехам. Где, когда, кто и с кем: делились мельчайшими деталями. После исповеди бросились на землю, молили о прощении, назначали сами себе наказания. В конце концов, их увели солдаты, избили до крови да отпустили по домам.

Когда солнце уже стало клониться к закату, в церкви зажглись лампочки. Лягушки радостно прыгали под ногами

людей. К алтарю подошла молодая красивая девушка, темноволосая Таня, дочь добытчика Сергея. При виде ее дед Михась заулыбался. Он давно уж присматривался к красавице, хотел сделать ее своей очередной женой. Был еще силен старик, благословил его Лягушачий Бог на долгие годы и здоровое потомство. Девушка скромно опустила глаза и заговорила тихим красивым голосом.

— Я целовалась с мальчиками по вечерам, ну... иногда. Показывала им себя... всю. У одного трогала. Там...

Лицо ее залилось красным. Подбородок задрожал. Покатились по щекам крупные слезы.

— Ничего, — поспешил успокоить ее дед Михась, — Ничего, красавица. Это дело молодое. С каждым бывает. Помолисься, попостишься, простят тебя.

Девушка через слезы улыбнулась. Никто не заметил, как внимательно смотрит на нее маленькая Соня.

— Я еще маму не слушала, — всхлипнула Таня, — Ругалась с ней бывало. Мысли всякие нехорошие думала. Вот.

— И все? — с подозрением спросила ее Соня, сощурив глаза.

— Все, — испуганно ответила та и быстро захлопала длинными ресницами.

— Хорошо, — кивнула вещательница, — А расскажи-ка нам про отца своего. Какие у тебя с ним отношения?

— Обычные. Хороший он отец. Любит меня и маму. И братика моего, Сашку. И мы папу любим. Только он редко дома бывает. В экспедициях постоянно.

Таня быстро оглянулась назад, ища в толпе родных.

— Это да, — согласилась Соня, — Сергей, отец твой, хороший добытчик, опытный. Уважают его и товарищи, и все Тихие воды. А что он привозил из экспедиций? Может, вещи какие, подарки?

— Ну, — Таня запнулась, — ничего такого. Он ведь, как и все добытчики, все отдает поселку. Мутантов в жертву. Вещи древних людей, которые с Последней Войны сохранились. Полезные штуки всякие. Домой он ничего не приносит, не утаивает, — помолчала и тихо добавила, — честно...

— Ага, — не унималась девочка, отец Дмитрий и дед с подозрением придвинулись к ней, Зеленые повязки рядом

настороженно слушали, — а что он рассказывал тебе про мертвые города? Видел там кого или нет? Общался ли с кем?

— Так с кем же там можно общаться? Папа говорил — мутанты одни. Большие дома разрушенные стоят. Мертвецы кругом и пепелище.

— Неужто? — Соня нахмурилась, помолчала, и вдруг оглушительно потребовала, — Привести Сергея! Отца ее!

Люди тревожно зашептались. Солдаты вывели из толпы немолодого, но все еще крепкого мужчину, седовласого и коренастого. Левый глаз его закрывала повязка, отметина старого ранения, полученного в одной из экспедиций. При виде его вещательница хищно улыбнулась.

— Так-так, — произнесла она, — вот он, Сергей-добытчик. Рассказывай, чем занимался в вылазках. Чего видел?

Солдаты поставили Сергея перед алтарем и отступили на несколько шагов, не спуская с него глаз. Старый добытчик откашлялся и заговорил как можно увереннее, но в голосе его все равно слышалась тревога.

— Так это... в экспедициях я участвовал, как и все. Добывал вещи полезные, механизмы древних людей, мутантов отлавливал...

Соня внимательно слушала и кивала.

— Где глаз потерял? — спросили она, прерывая Сергея.

— В бою, это все знают. Напали на нас кочевники в мертвом городе. От отряда четверо человек осталось. Еле ноги унесли. Только на обратном пути смогли несколько жертв поймать для Лягушачьего Бога.

— Помним-помним, — медленно проговорила вещательница, — израненные все вернулись вы в Тихие воды с добычей. Еле выходили вас. Но жертва была славная, принял ее водный народ. Помним, герои вы наши. Помните ведь, люди?

Девочка обратилась к толпе. Жители согласно закивали.

— Вот, что скажу я вам, — продолжила она, а люди с замиранием сердца слушали. — В мертвых городах живут не только мутанты. Не только кочевники и мародеры шатают по руинам. Есть там и люди, как вы. Живут они в роскоши и достатке в подземных убежищах. Служат они, знаете кому? Длинноногую! — последнее слово эхом отразилось от низкого потолка церкви, люди испуганно ахнули. — Встречались они нашим добытчикам. Прельстились роскошью слабые грешники!

Заклучили с Длинноногим договор, пообещали ему тайком пронести скверну и разброд в Тихие воды!

Перепуганный Сергей попытался возразить, но его голос утонул в яростном реве толпы. Неслыханной была открывшаяся вещательницей правда.

— А Сергей, герой ваш, — продолжала девочка, указывая на мужчину, — своей рукой вырезал себе глаз и отдал его Длинноному в знак верности, тем самым подарив ему душу свою! Пришил его Длинноногий на крылья свои. Летает он в небесах и видит все грехи ваши, все поступки и мысли во славу его!

Одноглазый добытчик в гневе и слезах бросился к девочке. Один из солдат подскочил и с силой ударил его прикладом в затылок. Мужчина рухнул на колени. Второй боец шелкнул затвором старинного автомата и прицелился. Перепуганная и остолбеневшая от ужаса Таня стояла и смотрела на происходящее.

— Врешь! — перекрикивая толпу, ревел Сергей. — Врешь, ведьма!!!

Его слова еще больше взбесили людей. Они рвались через вооруженное оцепление, плевали в сторону обвиняемого, хотели разорвать его собственными руками.

— Молчи! — отец Дмитрий вскочил со своего места, в гневе сжимая кулаки, — Богохульник! Лягушачий Бог, который вещает через это дитя, не может врать!

Соня подняла худенькую руку, призывая к тишине. Рев толпы тут же смолк.

— Тише, — примиряюще сказала она, — дети мои, поберегите свой гнев для предстоящей битвы с Длинноногим. Это еще не все. Вина этого мужчины огромна, это очевидно. Он не уйдет от наказания. Но у него были сообщники и в самих Тихих водах. Дочь его, Татьяна, — она указала пальчиком на перепуганную девушку, — искусилась рассказами отца и приняла его новую веру. По ночам она переплывала на лодке в темный лес. Там встречалась с Длинноногим и отдавалась ему. Он наделил ее своими темными знаниями, благодаря которым она сняла священные чары со сторожевых пугал. Зло смогло пробраться в поселок и похитить божьего ребенка Петра. Сергей и вся его семья в этом виноваты!

К алтарю быстро подошли еще несколько солдат. Стали крутить обвиняемых, вязать им руки за спиной. Из толпы вывели жену и младшего сына Сергея, поставили рядом с остальной семьей.

— Вот они! — гремела вещательница. — Они виновны!

— Виновны! — подхватили люди. — Виновны!

— Проверьте остальных добытчиков, — не унималась Соня, — Общайте их дома. Никакой пощады! Ищите знаки Длинноногого. В каждом доме, где найдете, вяжите всех от стариков до младенцев. Эти семьи отравлены. Делайте это во имя спасения себя и ваших родных!

Следующий день Тихие воды сотрясались от криков и выстрелов. Солдаты и Зеленые повязки врываются в дома добытчиков, выгоняли всех на улицу, переворачивали мебель, обшаривали каждый уголок. Тут и там находили знаки их верности Длинноному. Амулеты, сотканые из черных перьев, вещи и приспособления древних людей. Добычу, принесенную из мертвых городов, полагалось отдавать отцу Дмитрию. Священник изучал каждый предмет, оценивая его полезность и опасность, снимал с вещей порчу и колдовство. Утаивать предметы было непростительным преступлением.

Людей арестовывали целыми семьями. Пленники были отравлены злом, поэтому не годились в жертву. Решено было их казнить. Детей расстреливали, взрослым перерезали глотки. Мертвецов сложили штабелями, облили горючим и подожгли. Погребальный костер пылал целую ночь. Наутро пепел и останки казненных погрузили на плоты и вывезли в темный лес за пределы Тихих вод, чтобы они не отравляли землю и воду.

Поселок погрузился в тревогу. Снова усилились караулы и боевые отряды. Все мужчины были поставлены под ружье. Сквозь сумерки дозорные видели в тумане высокую черную фигуру. Она расправляла широкие крылья и смотрела на людей тысячей глаз. Длинноногий наблюдал, но не приближался.

Вещательница Соня была измучена долгим судом. После окончания всеобщей исповеди девочка рухнула без сил и не приходила в себя. Ее мучили жар и лихорадка. Родители, знахарки и отец Дмитрий не отходили от ее постели.

— Хватит..., — дрожа всем телом, в бреду шептала девочка, — хватит... прекрати... не могу больше... пожалуйста...

По ночам на берег выползал водный народ. Дозорные видели, что существа больны. Желтые от сыпи, хромая и кашляя, подходили они к жертвенным столбам. Найдя их пустыми, молча стояли и в надежде смотрели на поселок. Добытчиков в Тихих водах не было. Водный народ так же безмолвно возвращался в воду. Их язвы сочились кровью и гноем.

Тамара всегда плохо спала, а уж в последнее время старшей жене деда Михася было вовсе не до сна. Во мрачном липком забытьи, в которое женщина проваливалась каждую ночь, ей виделись тревожные знаки и предзнаменования. Пустынный остров среди болот и озер, бывший когда-то Тихими водами, раздувшиеся смердящие тела в воде, громкое хлопанье крыльев. Тамара с детства обладала даром предвиденья, видела вещие сны, умела гадать на картах и по ладоням. Люди шли к ней с надеждой. Сейчас видения ее пугали.

Она всегда была женщиной умной. Именно из-за этого, давным-давно, в незапамятные времена, глава общины взял ее в жены. Михась, тогда еще крепкий, сильный, молодой и черноволосый, посадил ее в лодку для того, чтобы предстать перед ликом Лягушачьего Бога. В тот день она в первый раз увидела всемогущее существо, которое спасло от гибели Михася и весь человеческий род. Лягушачий Бог обвенчал их, коснувшись лиц холодными пальцами, испачкав их священной слизью.

Вместе с семенем мужа Тамаре передались его здоровье и долголетие. Она уже не помнила точно, сколько лет жила на свете. Забывала имена рожденных ею детей и соседей, предсказывала будущее и давала советы. С годами она стала еще толще и неповоротливее, огромная туша с трудом помещалась на скрипучей кровати в отдельной комнате, а короткие ноги уставали даже от недолгой ходьбы. С годами появилась одышка, проблемы с сердцем и рассудком. Все чаще Тамара заговаривалась и мучилась головными болями. Знахарки отпаивали ее настойками из трав, тины и водорослей. Варили лекарства по рецептам древних людей, принесенным добытчиками из мертвых городов. Со временем

зелья и заговоры перестали помогать. Тамара чувствовала, что жизнь все еще держится в ней только от любви Лягушачьего Бога. Но ее тревожили дурные мысли. Почему Всемогущий не предупредил о грядущей опасности? Почему не послал ей, Тамаре, знаков и вещей сновидений? Почему не рассказал, что добытки вместе с семьями присягнули Длинноному? Почему, в конце концов, выбрал вещателем не ее, а несмышленную девочку?

Тамара, кряхтя, ворочалась в постели с боку на бок. Мочевой пузырь чуть ли не лопался, но она терпела, не хотелось вставать и тащить тяжелое оплывшее тело по темным коридорам через весь дом. Наконец, сдалась, с трудом встала. Оправила безразмерную ночнушку, сунула ноги в стоптанные тапки, двинулась в сторону отхожего места. Проходя мимо комнаты мужа, услышала из-за двери приглушенные звуки. Смех и стоны удовольствия. Тамара улыбнулась. Сама она уже не искала близости, с возрастом ее лоно высохло и зачерствело. Но сейчас она порадовалась, что Михась все еще силен по мужской части. Видимо, зашла к нему на часок одна из жен. Ленка, скорее всего, самая молоденькая, вертявая и смешливая, стройная, как березка. Ох, и горело у девки между ног! Через ночь прыгала она в постель к мужу. Тамара любила других жен как дочерей, была для них наставницей и старшей подругой. Те, что помоложе, даже называли ее мамой или бабушкой. Хорошие девочки, умные, ласковые, работающие.

Женщина постояла с секунду, прислушиваясь к звукам из комнаты. Осенила себя магическим знаком, пожелала любовникам удовольствий и здорового потомства. Собираясь продолжить путь, она услышала из-за дверей короткий крик и приглушенное испуганное мычание. Это был голос Михася. Тамара приоткрыла дверь, ругая про себя Ленку. Вот дура мелкая! Осторожней надо с мужем. Хотя он и осенен любовью божьей, так ведь и не мальчик уже. Девчонки эти посмотрят срамных картинок, что из экспедиций привозят, и давай с мужиками повторять.

Войдя в комнату, она увидела полуголого Михася. Бездыханный худой старик, жилистый как канат, сидел в кровати, запрокинув голову. Сверху на него взгромоздилась темная фигура. Это не могла быть ни Ленка, ни кто-то еще из жен. Над фигурой с шуршанием поднялась широкая тень, в

которой слабо мерцали в живые огоньки. Крылья с тысячей глаз. Длинноногий.

Тамара завизжала, прикрывая рот руками. Мочевой пузырь, не выдержав, опорожнился. По ляжкам потекла горячая пахучая влага. Лицо мужа по велению демона повернулось к перепуганной женщине. У него не было глаз. По щекам струились темные ручейки крови, пачкая седую бороду, скатываясь на впалую грудь. Лицо улыбнулось. Старшая жена бросилась бежать по коридору, как могла, задыхаясь от страха и усталости, неуклюже переваливаясь на коротких толстых ногах. Тень бросилась за ней. В два шага догнала, больно ударила в спину. Тамара шлепнулась на живот, не в силах подняться. От грохота проснулись другие обитатели дома. Женщины выглядывали из дверей. Кричали в страхе, мчались на улицу, звали людей. Длинноногий не обратил на них внимания, дал уйти. Тамара пыталась ползти, но чудовище прижало ее к полу сильной трехпалой лапой. Без труда перевернуло на спину, как маленького зверька, нависло над ней, широко разведя крылья. На женщину смотрели тысячи глаз, два из которых совсем недавно принадлежали ее мужу. Она кричала, не переставая, когда тяжелый острый клюв ткнулся ей в лицо.

Вещательница Соня больше не могла ходить. Суд над грешниками дался ей очень тяжело. Только услышав о гибели Михася и его старшей жены, девочка ненадолго пришла в себя, вырвавшись из глубин лихорадки.

— Отнесите меня туда! — громко повелела она людям, пришедшим за советом к Лягушачьему Богу.

Андрей, командир Зеленых повязок, поднял на руки почти невесомое измученное тельце и понес девочку к дому старейшины. Вокруг здания собралась толпа, его оцепили солдаты, не пуская никого внутрь. Овдовевшие жены Михася горько плакали, обнявшись. Убитые горем, они все еще стояли на улице в одном лишь исподнем.

Вещательница хмуро осмотрела собравшихся людей, которые тут же умолкли. Тишину нарушали только всхлипы рыдающих женщин.

— Скверна, — тихо сказала Соня, а потом громче, срываясь на оглушительный крик, — Зараза! Болезнь идет! Никого не хоронить, предать огню все, к чему прикасался Динноогий! Быстро! Быстро, я сказал! Слушайте голос вашего бога!

Толпа вздрогнула. В руках у людей появились канистры с горючим. Жидкость с тяжелым запахом покрывала стены жилища. Кто-то бросил факел. Дом старейшины вспыхнул, как спичечный.

— Этих сучек туда же! — вещательница подняла худую иссохшую руку и показала пальцем на плачущих жен. — Порченые они, заразные! Не будет им жизни среди чистых людей! Не уберегли они избранника моего, пророка. Совратили, пустили заразу в дом его.

Зеленые повязки, божьи воины, оглушали женщин ударами по голове и бесчувственных забрасывали через окна в горящее здание. Люди молча наблюдали за пожаром. Никто не смотрел на Соню.

Худое измученное лицо вещательницы исказила кривая усмешка. Глядя на огонь, она улыбалась, растянув высохшие бледные губы.

Вскоре людей поразила болезнь. Тела начали покрываться желтой сыпью. Кожа страшно зудела и чесалась. Больные до крови раздирали себя. Болезнь передавалась почти мгновенно, от малейшего контакта с зараженным. Через несколько дней в Тихих водах не осталось здоровых людей. Болезнь забирала последние силы. Люди мучились жаром и лихорадкой. Зараза передавалась скоту, начался мор. Раздувшиеся смердящие тела животных лежали на земле зловонными кучами.

На озере всплывали трупы водного народа и раскачивались на слабых волнах. Ни у кого уже не было сил доставать их и хоронить. Вода пропиталась трупной гнилью, кровью и гноем, сделалась мутной и вонючей. Даже источник, из которого поколениями люди добывали чистейшую питьевую воду, превратился в зловонную выгребную яму. Тела мертвых лягушатников, болотников и рыболодей медленно разлагались, покачиваясь в студенистой темной жиже. Иногда волны выбрасывали их на берег, где одиноко стояли уже забытые

всеми жертвенные столбы. Некоторые из водного народа были еще живы, но продолжали гнить. Солдаты, еще способные держать в руках оружие, не подходили к ним. Из милосердия стреляли издали. Тихие воды разделились на два лагеря. Большинство впало в уныние. Они готовились к смерти и верили, что Лягушачий Бог оставил их. Они запирались в домах, опасаясь заразы. Не подпускали никого к себе, окна жилищ оштетинились стволами ружей. Другие считали их еретиками и отступниками. Малочисленные, злые и непреклонные, каждый день ходили они по поселку, пели песни, выкрикивали молитвы и заклинания. С каждым днем их становилось все меньше, пока, в конце концов, не осталось только трое.

В последний день Тихих вод вдоль кромки озера, мимо покосившихся жертвенных столбов, шествовал отец Дмитрий. Болезнь забирала у него последние силы. Он тяжело дышал и харкал кровью. Лицо и голову священника покрывали вздувшиеся нарывы, которые пульсировали и лопались. Кровь и гной засыхали на коже твердой коркой. Дмитрий медленно двигался от столба к столбу, опираясь на крепкую крючковатую палку, севшим голосом шептал молитвы. За ним шел Андрей, командир зеленых повязок, единственный из них, кто мог уверенно передвигаться на своих двоих. На первый взгляд казалось, что болезнь почти не тронула крепкого сильного мужчину, но зеленоватая от природы кожа побледнела, покрылась едва видимой желтой сыпью. Он часто украдкой вытирал со лба холодный пот, а каждый новый шаг давался ему тяжелее предыдущего. Он тащил на себе объемный заплочный мешок, в котором восседала маленькая Соня, вещательница воли Лягушачьего Бога. Родители и все близкие девочки умерли от болезней и голода, сама она превратилась в маленькую старушку, иссохшую древнюю мумию, в которой по какой-то нелепой ошибке все еще теплились остатки жизни. Уже долгое время она пребывала на грани между сознанием и бредом, мучилась жаром и страшными видениям. Сидя за спиной Андрея, она только слабо шевелилась и иногда шептала что-то тоненьким голоском.

— Хватит, — плакала она, — отстань от меня... не могу больше... хватит...

Отец Дмитрий продолжал молитвы, время от времени в надежде оглядываясь назад, на вещательницу. Он никак не мог поверить, что всемогущее божество, их спаситель и заступник, оставил своих верных слуг.

На прибрежном песке тут и там лежали останки водного народа. Тела разлагались, обнажая кости и зловонные внутренности, становясь добычей жадных злобных птиц, прихвостней Длинногого. Водяные существа без сил выползали на берег, надеясь на помощь людей. Тех, для кого они сами должны были быть защитниками. Не найдя помощи, они уже не могли ни вернуться обратно в спасительную воду, ни уйти умирать в свои заповедные места. Там же — на берегу — лежали и тела людей. Люди из санитарных отрядов — те, что занимались утилизацией тел, замертво падали прямо во время работы. Некоторые, отчаявшиеся от жажды и голода, безрассудно пили из отравленного источника. Затем в муках корчились, умирали и оставались лежать там же, на берегу, среди тел своих братьев и полубогов. Как только началась эпидемия, питьевую воду фильтровали много раз, очищали, кипятили, освящали молитвами и заклинаниями, каждый день выдавали жителям по строгой норме. Когда смертность превысила все возможные пределы, заниматься этим уже было некому. Водяная электростанция не работала уже неделю. Ее турбины были забиты фрагментами тел людей и водного народа. Без еды, воды и энергии Тихие воды были обречены на вымирание.

Несмотря на это, священная процессия из трех человек продолжала путь вдоль берега. Они шли упорно и обреченно. Отец Дмитрий устало прислонился к жертвенному столбу и закашлял, выплевывая кровь и густую мокроту. Будто в ответ на его стоны, с озера послышался громкий протяжный рев, полный боли и ярости. Мутная вода вздыбилась в десятке метров от берега, как будто кто-то большой резко выдохнул в ее толще. Люди на берегу остановились и повернулись к источнику шума.

Из воды выросла исполинская зелено-коричневая голова без носа и ушей, с двумя огромными глазами, которые внимательно смотрели перед собой. Вслед за головой из воды показались массивные плечи, и покрытый водорослями и ракушками торс. Опираясь о дно на длинные передние

конечности, существо стало двигаться к берегу. Отец Дмитрий выпустил из рук свой тяжелый посох и сделал несколько шагов навстречу. Он улыбался, изъеденные болезнью губы обнажили покрытые язвами десны, в которых еще держалось несколько зубов. Жрец в молитвенном жесте поднял руки.

— Слава! — слабо выкрикнул он, — Слава тебе, отец! Явился ты на наш зов, не оставил в беде! Я знал, знал, что не брошишь ты нас, верных слуг твоих!..

Священник в религиозном экстазе принялся плясать на песке, путаясь в длинных изорванных одеяниях, скользя по внутренностям лежащих на берегу тел. Явление Лягушачьего Бога волшебным образом вернуло ему силы. Он плакал от счастья, размазывая по лицу слезы и гной из лопнувших водьрей. Жрец повернулся лицом к поселку и начал звать, пытаясь докричаться до тех, кто забаррикадировался в домах.

— Выходите, глупцы! Наш отец пришел к нам! Пока не поздно выходите и просите прощения за вашу трусость! За вашу слабость! За ваше неверие! Лягушачий Бог милостив, он простит грехи чистым душой!

Он не знал, что все люди в домах уже давно мертвы. Стены, закрытые двери и окна не были преградой для заразы.

Речь далась Дмитрию с большим трудом. Ноги подкосились, он рухнул лицом в мокрый песок, провонявший смертью и разложением. С трудом поднялся на локтях. Его вырвало чем-то густым и горьким, болью отозвалось в животе. Священник, отдышавшись, перевернулся и сел, его трясло от хвори и усталости. Над ним нависло лицо Лягушачьего Бога. Существо рассматривало своего служителя без особого интереса. Жрец только вблизи заметил, что темную скользкую кожу бога покрывают язвы и глубокие нарывы. В уголках глаз застыли сгустки гноя. Из широких ноздрей при каждом выдохе вылетали и падали на землю большие бледные личинки. Паразиты! Существо болело, причем тяжело. Кожа обвисла складками на истощенном теле, конечности тряслись, с трудом удерживая вес тяжелого тела.

Лягушачий Бог поискал глазами вокруг и замер. За спиной священника упал на колени Андрей. Из-за его плеча выглядывала пришедшая в себя Соня. Она смотрела на бога внимательным немигающим взглядом. Тот, издав гневный вопль, занес руку над Андреем и его спутницей. Девочка в

запачном мешке зашевелилась и, неожиданно для своего изможденного вида, ловко выпрыгнула на песок и в несколько быстрых шагов отбежала на безопасное расстояние. Через мгновение Андрей был раздавлен огромной холодной пятерней. В стороны брызнули кровь и густая каша внутренностей. Лягушачий Бог на мгновение застыл, будто обдумывая свой поступок. Внезапная яростная атака лишила его сил. Он покачнулся, опершись на руки, и громко застонал. Его бездонный рот открылся, оттуда донесся глухой протяжный рокот. Через мгновение из него хлынул поток рвоты. Зловонная жижа изливалась из него долго, резкими толчками, смывая разбросанные вокруг трупы и с ног до головы, забрызгав сидящего на песке отца Дмитрия. Священник с ужасом наблюдал за происходящим.

Лягушачий Бог откашлялся и снова застонал. Руки без сил разъехались, он рухнул на песок. Огромная туша несколько раз дернулась в агонии и замерла без движения. Из ноздрей вырвался последний вздох, вытолкнув наружу новую порцию паразитов. Взгляд внимательных больших глаз замер в одной точке и стал стеклянным и бессмысленным. Безразличным, как мертвый пейзаж вокруг. Отец Дмитрий зашелся в рыданиях и бил себя по лицу. В горе царапал щеки и заламывал руки. Так матери оплакивают умерших детей.

— За что? — кричал он в истерике. — За что ты покинул нас? Почему!?

Он успокоился только когда услышал за спиной чей-то громкий смех. Повернувшись, священник уставился непонимающим взглядом на Соню. Девочка смеялась, глядя на мертвого бога, и весело приплясывала на месте. Голые ступни громко хлюпали по мокрому песку.

— Вот так, жрец, вот так! — кричала она изменившимся голосом, высоким и тонким, почти птичьим. — Как я всех вас провела? Ай да я, ай да Длинноногий!

Услышав имя извечного врага, Дмитрий попытался отползти от ребенка. Девочка шагнула к нему и быстро вскинула руки. На нежной детской коже появились отверстия, как маленькие бескровные ранки. Они открывались все шире, пока из них не показались зрачки. Глаза. Руки ребенка обрастали перьями. Лицо удлинялось, вытягиваясь в тяжелый увесистый клюв. Священник зажмурил глаза.

— Нет, жрец! — запротестовало чудовище, — Смотри на меня, смотри! Я тебя заставлю! Глупые люди, как же легко вас обмануть, заставить поверить во что угодно. Как легко завладеть душой ребенка и диктовать через нее свою волю. Я рассорил вас, я варил зелья из мутантов и ваших детей. Я отравил им воду. Пока вы выясняли, кто из вас больший грешник, водный народ умирал в муках. Он не мог защитить вас, потому что был болен, не мог принять ваши дары, потому что вы уже были в моей власти! Мой враг мертв! Тихие воды мертвы. Скоро я буду смотреть на мир вашими глазами...

Над отцом Дмитрием склонилась долговязая фигура в черном одеянии до пят. Священник не открыл век, даже когда их коснулся острый клюв.

К осени мутная вода вокруг острова превратилась в непроходимое болото. Зимой, когда оно замерзло, в бывшие Тихие воды по льду пришли мутанты. Они осторожно обшаривали в поисках еды жилища своих заклятых врагов, находя их высохшие тела. Глазницы мертвецов зияли пустотой. Мутанты рассматривали кости на берегу и исполинскую тушу, гниющую среди остальных останков. Осторожно расхаживали между покосившимися жертвенными столбами, о которых ходили страшные легенды. Тысячи их собратьев нашли здесь смерть.

Исследовав поселок вдоль и поперек, мутанты ушли. Тихие воды стали добычей природы и времени. Изредка сюда забредали мародеры, разведчики и исследователи. Один из них нашел в одном из развалившихся строений древнюю увесистую книгу. Бывшую летопись поселка. В ней были отмечены долгие годы его существования. Сейчас же с трудом можно было поверить, что когда-то здесь жили люди.

Александр Дедов
Прикасаясь к гибели

Ты умрешь, — жалобно проскулил человек в грязном рубище, — среди болот, в обнимку со своим ружьем. Подорвешь себя в глотке чудовища. — Он окинул собравшихся невидящим взглядом. — Пожалуйста, умоляю вас, не заставляйте... Мне больно...

Под низким сводом тюремного каземата собралась толпа. Стражники с любопытством изучали необычного заключенного:

белобрысый и веснушчатый — как и все степняки — он не носил бороды, курносое лицо его было почти детским. Ни дать ни взять: старый слепой ребенок.

— А ведь не брешет! — пробасил один из стражников. — Вечек и на бабу без ружья не полезет!

— Ну а кто знает, что у этих баб на уме? — Раздался в толпе ехидный голос Вечека.

Стражники прыснули со смеху.

Заключенный нехотя улыбнулся, ослабившись гнилыми пеньками зубов. Но его просьбам никто не внял: отчего-то каждому хотелось знать, когда он умрет. Несчастный прикасался к страждущим, его лицо искажала гримаса боли: «Ты умрешь от старости в своей постели»; «Ты умрешь через много лет — загрызет болотная гончая»; «Тебя отравит теща».

Кто-то относился к словам слепца как к шутке, иные крепко задумывались. Но жгучее любопытство раздирало буквально каждого.

— Ну, а про мою смерть что поведаешь? — Якуш, старый капрал, протянул слепцу худую руку.

— Прошу вас, не мучайте меня... Каждый раз я испытываю боль, вашу боль!

— Давай, обоссанный колдунишка, покажи мне будущее!

Якуш сдвинул ладонями запястье степняка и тут же отпрянул — тот истошно заорал, будто ему сию же секунду выпускали кишки. Он закрыл лицо ладонями и весь задрожал.

— Ты очень скоро умрешь. Может, пара дней осталась... Уже ничего не изменить!

Якуш рассвирепел. Явно не этого ответа он ждал от странного, пахнувшего пылью и мочой человека.

— Пара дней, мразь? Я тебе покажу пару дней! —левой рукой Якуш взял слепца за грудки, а правой со всей силы заехал ему в нос. Противно хрустнуло, степняк опрокинулся назад и упал вместе со стулом. Капрал на этом не остановился, он продолжал избивать несчастного ногами, метя в самые мягкие части туловища.

— Прекрати. — Сзади к Якушу подошел Мыреш, высоченный детина с бородой соломенного цвета.

— Ага! Степняк за степняка.

— Мои родители в городе родились... — голос Мыреша был бесстрастным, — оставь этого калеку.

— А отчего же ты сам у него ничего не спросишь, а? Благородный шелудей!

— Нам с колдунами дела иметь вера запрещает.

Заслышав вдалеке гулкие шаги, стражники встрепнулись. Они попытались поднять заключенного и усадить его на стул, но тот лежал мешком и закрывал руками лицо.

Из-за угла показалась кряжистая фигура старшины. В правой руке он держал керосиновую лампу. Он торопко шагал по кирпичным коридорам с низкими сводами, громко матерясь. Несколько мгновений спустя он оказался возле кучки стражников; слепой степняк продолжал всхлипывать и собирать грязь на полу.

— Бесоголовые! — прикрикнул старшина. — Оставишь вас на полчаса, и вы сразу устраиваете цирк. Какого болота здесь происходит?

— Я, мы... — Капрал бешено прокручивал в голове все варианты убедительной лжи, но, так ничего и не сочинив, понуро повесил голову.

— Вычту из жалования за самоуправство! — рявкнул старшина. — Два серебряных! На стену шаго-о-ом марш! Вечек, Мыреш — со мной в конвой. Капитан приказал привести этого вонючего пса на допрос.

* * *

Кабинет начальника стражи не отличался особенной роскошью; в убранстве царя простой мужицкий порядок. Капитан Адриан Дьекимович сидел за широким сосновым столом и изучал какие-то бумаги. В дверь постучали.

— Открыто!

В дверях стоял старшина, придерживая под локоток человека в грязном рубище цвета сырой глины.

— А! Старшина, веди-веди его. Сажай.

Капитан жестом велел сесть за стол. Конвоиры тут же пододвинули табуреты, старшина аккуратно усадил арестанта, а уж потом сел сам.

Капитан изучающе глядел на жалкого человека, источающего зловоние. Еще никогда бродяги и оборванцы не доставляли ему столько хлопот.

— Слепой, значит, — капитан хмыкнул, — как же ты дошел до города сквозь лес? Да еще и хвост какой привел! Я уже тридцать лет служу в городской страже, но ни разу не видел, чтобы болотные ведьмы под пулями гнались за кем-то. Это ведь осторожные, умные твари!

— Я умею делать амулеты, — голос слепца дрожал. Он глянул на капитана своими молочно-белыми глазами, и тому сделалось не по себе. — Я заговорил его на имя города. Он жег мне грудь, если я сворачивал не туда.

— Степняк-колдун. Экий ты... И бороды не носишь. Патрульные докладывают, что ведьмам понадобились твои руки. О, Небо! Они упрашивали тебя ОТДАТЬ им руки. Это ведь связано с твоим даром предвиденья?

Слепец тяжело вздохнул, лицо его сделалось еще печальнее: глянешь со стороны — и вовсе накуксившийся мальчуган, только почему-то очень старый.

— Моя сила в руках. От запястья до кончиков пальцев — это все щуп, можно сказать. О! Сколько я бы отдал, чтобы избавиться от этого проклятья. Вот только ничего у них не выйдет. Сила не перейдет, если я умру или они отнимут ладони насильно. Так мне говорил старый некромант!

— Некромант? — в голосе Дьекимовича проскользнула плохо скрываемый гнев. — Имел я дело с одним из них давным-давно.

— Я слеп с рождения, пан капитан. Мои родители не оседлые шелудеи, а самые настоящие кочевники. Для них обуза — мальчик, что не может стрелять и держаться в седле. Они продали меня бродячему некроманту. Через многое пришлось пройти... Некромант насилывал меня, бил, заставлял спать в могиле, но все это было частью учения. Он хотел, чтобы я видел смерть, но жизнь забрала у меня глаза. Глаза слепца — это руки, и вот почему сила пришла именно так, а не как-то иначе. Я многое мог вытерпеть, но есть мертвечину, чтобы лучше колдовать — выше моих сил. Однажды я увидел его смерть, смерть некроманта. Он вошел в меня, взял сзади, а я коснулся его ноги: я видел, словно бы у меня были глаза, что мой мучитель падет от моей же руки. И в этот же вечер я перегрыз

ему горло. Много лет длились мои скитания, я очень долго странствовал с цирком, пока не пришли ведьмы. Циркачи были добры ко мне... Они спрятали меня в отхожей бочке, когда пришли эти болотные бестии! Я слышал, как они убивают близких мне людей. А я? Что я? Вспомнил старую науку, и отдал часть своей крови, чтобы заговорить цепку на поиск Чизмеграда. Струсил... Нужно было умереть вместе с моими друзьями... С моими братьями.

— Очевидно, они тебя не нашли. И одно Небо знает, сколько верст тебе пришлось проползти сквозь болота и лес, чтобы оказаться здесь.

— Как есть, пан капитан, — слепец улыбнулся гнилозубой улыбкой. — Небо уберегло. Уж и сам не знаю, как добрался. Одними амулетами цел не будешь...

Капитан хотел что-то сказать, но в кабинет влетел запыхавшийся караульный сержант.

— Прошу прощения, пан капитан. На город напали! Ведьмы! Ждем ваших приказов.

— Гнилое болото! — выругался капитан, поправляя перевязь с шашкой. — Я иду на стену! Старшина, проследи, чтобы степняк попал в сухой каземат с крепкими нарами. А потом мигом ко мне! Ты мне нужен на стене.

* * *

Чити-чити-чити-чук, — стрекотали пулеметы. Из лесу под свет прожекторов выползали все новые твари — одни отвратительнее других. Полудемоны! Огромные и раздутые, словно утопленники, они обстреливали стену ядом, огнем, бросались камнями. А позади них, выстроившись в шеренги, из чащи выходили ведьмы. Простоволосые бабы в зеленых сарафанах, каждая держала в руке по медной рогатине с загубником на конце. И они затрубили: земля начала кипеть под ногами тех, кому не посчастливилось оказаться на стене. Люди варились заживо.

— Хер с ними, с полудемонами! Бей ведьму, бей! — орал капитан пулеметчиком.

Меткие очереди выкашивали целые ряды безумных колдуний, а те все трубили, кипятя землю под ногами врагов.

Вскоре показались гранадеры: их ручные мортиры ухнули в унисон; гранаты разрывались прямо в воздухе, осыпая колдуний огненным дождем.

Загорелись зеленые одежды, нечесанные рыжие шевелюры вспыхивали одна за другой. Глядя на громадные потери, ведьмы решили отступить.

В который раз Чизмеград вышел победителем! В который раз дикое болото спасовало перед силой стали и пороха. Стражники грозно улюлюкали вслед улепетывающим полудемонам.

Адриан глянул вниз и охнул: кипящая почва выкосила на тридцать аршинов все живое по обе стороны от стены. Дьявольская точность и смертоносный результат!

Капитан смотрел, как стражники тащат мертвые тела из все еще горячей грязи, как кожа и мясо лоскутами слезают с покойников. Ему сделалось дурно.

— Пан капитан! — по лицу старшины Живодрага Радонича стекали крупные градины пота. — Они хотели сделать подкоп. Наши изрубили полудемонов в казематах. Ублюдки прорыли аж до самой темницы с нашим слепцом.

— Потери есть?

— Так точно! Десять погибших и шесть раненых. Но тварей всех порешали.

— Значит, наш степной крысеныш имеет большую ценность. Уж сколько лет служу, а в первый раз вижу, чтобы ведьмы вот так в открытую воевать... Ох, и не прост этот птенчик. Помяни мое слово: натерпимся с ним еще!

* * *

Когда есть важный вопрос, но найти ответ самому нет возможности, идут к подземникам. Торговля секретами — их древний промысел. Уж сколько лет минуло с той поры, как им дали дорогу в гильдии, разрешили иметь землю и пустили на рынок: все без толку! Шуры, как именовали их в народе, теперь уже не выживали, но богатели: за долгие века изоляции

подземники выдумали сотни различных подслушивающих машин, развили целую школу шпионского чародейства, сумели подмаслить нужных людей. Они скупали самые дорогие секреты, чтобы продать их еще дороже.

За городскими воротами, на окраине Чизменьской слободы, стражник Мыреш остановил бричку возле низенькой мазанки с одним единственным окошком. Дом этот выглядел бледным отторженцем на фоне черного леса, раскинувшегося на многие версты вокруг.

— Будь острожен, пан капитан, — сказал степняк с неподдельным волнением. — Я бы с большей радостью обнялся с голодным медведем, чем сунулся в гости к кротовьему народцу.

Адриан постучал, затем снова и снова, пока изнутри не раздался скрипучий высокий голос.

— То йдэ йо, йдэ, жертвный ты члеовек. — Адриан с трудом мог разобрать наречие щуров.

Изнутри зашумел засов, дверь отворилась, и наружу пахло плесенью. Капитан увидел низкорослое, лопухое и тощее существо. Ростом щур едва ли был выше десятилетнего ребенка.

— Зыйдэсь внуторь, Снецо слэпэсь. Внуторь-внуторь! — Щур вымученно зажмурился, прикрыв лицо руками.

Капитан уверенно шагнул внутрь, и тут же за его спиной двое других щуров закрыли дверь на засов.

— Добро пожаловать, пан капитан, — раздался голос из темноты. — Мы прочли письмо, что доставил ваш почтовый крот. Меня зовут Рью, я буду твоим переводчиком.

В комнате что-то хлопнуло, в воздухе запахло прелой листвой, и зловещая полутьма мазанки оделась в призрачную синеву: Рью держал в руке люминесцирующую шляпку гриба.

— Они светятся, если раздавить! — сказал переводчик и передал Адриану гриб.

Посреди пола был люк. Один из щуров, судя по спицемету — воин, приподнял крышку; вниз уходила узкая, криво сколоченная винтовая лестница.

— Ты первый, пан капитан, — пригласил переводчик.

Адриан слотнул; от святящегося гриба чесались пальцы.

Несмотря на ветхий и запущенный вид, лестница оказалась на удивление прочной, даже ступени не скрипели.

Гриб освещал пространство лишь на пару аршинов впереди. Этот спуск продолжался целую вечность, но вот, наконец, ноги нащупали почву.

— Рствэй позад, мы йдэмось до дорогу, — проскрипел щур-воин, тот самый, что отворил дверь.

— Он говорит, держитесь чуть позади, мы вышли на нужную дорогу, — перевел Рью.

— Спасибо, я и так понял. Прошу меня простить, уважаемый, но язык щуров не настолько отличается от Чизмеградского, чтобы нужно было переводить каждое слово.

— Я знаю. Но для высших каст почти что оскорбление — вести бесплатные разговоры с чужаками. Я беру эту грязь на себя.

Адриан знал, что щуры — лишь одна из множества человеческих пород, но от того они казались ему еще омерзительнее: кто по своей воле спустится так глубоко под землю? Какая сила заставила их навсегда отказаться от солнечного света?

Тьма изменила не только их внешность, но и души: это были алчные, злые и очень мстительные создания.

— Ты ведь понимаешь, капитан, что приводить хвост и уж тем более — делать какие-то неосторожности на нашей территории — очень и очень глупо? Наши геоманты раз в неделю, а то и чаще, меняют направления туннелей, запутывают их и перемежают между собой. Даже если тебе удастся нас всех перебить, ты обречен умереть здесь от голода, без единого лучика солнечного света. А мы знаем, насколько вы, надземники, любите солнце.

— Поверь, уважаемый, я прекрасно все это осознаю. Мне очень хочется поскорее получить товар и уйти отсюда. Ваша компания нравится мне ничуть не больше, чем моя вам. Так что давайте побыстрее с этим покончим.

По-видимому, переводчика устроили слова капитана. Он ощерился гаденькой улыбкой, показав кривые и длинные зубы.

Они остановились у глухой земляной стены.

— Мы пришли, — сказал Рью.

Переводчик постучал и из толщи земли ему ответили; капитан не смог разобрать слов. Почва начала расплываться в стороны, открывая взору внутреннее пространство грота. Там, разместившись вокруг квадратного ротангового стола, сидели

трое в грязных черных мантиях. Двое из них были тощими, но не такими жилистыми, как воины, третий был безобразно жирен, словно оспины его мантию покрывали безвкусные золотые украшения.

— Кап! Кап, красе мржне! — прокричал один из тощих щуров за столом. — Длеше мы самось.

Воины поклонились и, пятясь как раки, исчезли в проеме, который вскоре затянулся.

— Это, их величайшее землепослушание, сиры главные геоманты, — Рью указал на тощих щуров, — а это — наш владыка, Старший Хранитель, да убереги Мать-Земля его жир.

— Рад вас видеть, великие! — Адриан не знал правил местного этикета, но на всякий случай поклонился. Рью перевел его слова, геоманты учтиво кивнули, но старший хранитель остался сидеть неподвижно, лишь брезгливо поводя носом.

Переводчик упал на колени, да так и остался стоять в грязи.

— Ты стой на месте! — прошипел Рью, не поднимая головы. — Иначе геоманты сварят тебя в грязи.

— Меня этим не удивишь, — хмыкнул капитан, — давеча делегация к нам прибыла, аккурат из Гнилова леса. Вот тоже хотели в грязи сварить, думал, вам интересно будет.

— Продолжай, — бубнил переводчик.

— Ну, дык а что продолжать-то? Вышли с какими-то рогатинами, затрубили, земля закипела. Уж явно ваши штучки, но как они оказались у болотных ведьм — ума не приложу.

Рью, припав лицом к земле, все продолжал бормотать. Видно, хранитель и геоманты уже давно разобрали речь пришельца, но их чуждый для всех подземный этикет требовал продолжать это представление.

Раздался густой бас: заговорил Старший Хранитель. Следом зажурчал сбивчивый тенор — Рью переводил.

— Мы предполагали, что это ведьмы, но не знали наверняка. Наш гарнизон ограбили несколько месяцев назад. Это была какая-то сильная магия, явно на крови. Земляные пути геомантов не спасли!

— У нас осталась с полсотни этих ваших рогатин. Могу вернуть взамен на скидку. Мне нужна информация и, видит Небо, в ваших интересах мне ее предоставить.

Старший хранитель и геоманты зашептались. Они явно были заинтересованы этим предложением.

— Я хочу знать, зачем болотным ведьмам нужен слепец, могущий у людей смерть нащупывать. Зачем, мать их растак, они целую армию против нас выпустили? Ради одного калеки? Его пытались утянуть из темницы!

Воцарилась тишина. Бледный свет люминесцирующего гриба слабо подрагивал. Геоманты слепо таращились на Дьекимовича, Старший Хранитель тяжело дышал.

— Сначала устное согласие на сделку, потом все остальное, — Рью торопко и сбивчиво переводил.

— Я согласен.

— Триста серебряных динаров. Такова начальная цена.

— Скидка сорок процентов, такова моя цена.

— Это очень дорого, солнцеход!

— Ваш выбор. Я могу распорядиться, чтобы эти рогатины переплавили и отлили шестерни для водяных мельниц. Сто шестьдесят динаров и не грошом больше.

Старший хранитель сначала утробно зашипел, но после басовито расхохотался.

— А ты умеешь торговаться, солнцеход. В тебе точно нет крови щуров? — перевел Рью.

— Знаю родню до двенадцатого колена! Без вашего брата в родословной. Ну, по рукам?

— По рукам! — пискнул Рью. — Подпиши бумаги, пан капитан, мы сейчас же отправим договор в наш банк.

Переводчик на коленях подполз к Хранителю, и тот передал ему свиток. Затем он неуклюже развернулся и медленно пополз к Адриану. Не вставая с колен, щур протянул бумаги капитану.

Капитан еще раз удивился причудливому этикету подземных жителей: оба экземпляра договора были написаны хорошим шошским языком, который суть есть — диалект Чизмеградского. Не обманули щуры, все четко — и про услугу, и про сумму.

Адриан оставил свою размашистую подпись и передал бумагу Рью. Один из геомантов поднялся, неуклюже шаркая большими когтистыми ступнями, он достал крота из-за пазухи и швырнул его переводчику.

— Я свою часть сделки выполнил, — сказал Адриан глядя на то, как Рью ладит сверток договора на спине почтового крота. — Я хочу знать — за каким болотом ведьмам этот певец смерти.

— У нас сделка, теперь мы можем говорить, — Старший Хранитель внезапно перешел на шошский диалект, — и, пожалуй, твои уши достойны этой тайны.

Вставший из-за стола щур ростом едва доходил Адриану до плеча, но был он намного-намного шире. Жир каскадами лежал на крепком теле, подбородков — невозможно сосчитать. Хранитель из складок одежды достал револьвер, казавшийся игрушечным в пухлой ладони. Он направил ствол на переводчика и выстрелил. Рью крякнул, распластался на полу и замер. Запахло кровью.

— Некоторые тайны дороже жизни, ведь все зависит от цены, — Хранитель пожал плечами в ответ на вопросительный взгляд капитана. — Жизнь этого — ничего не стоит. То, что ты хочешь узнать, солнцеход, стоит значительно больше и твоей жизни. Для меня эта сделка убыточна! Но, кажется, над всеми нами нависла опасность, и столь щедрая скидка — это вклад в наше общее будущее. Присядь, — геомант как по команде сделал пасс рукой, и под задом капитана выросла земляная кочка, — и слушай. Все боятся смерти. Этот страх даже породил целую магическую науку — некромантию! Но оно все без толку: даже опытный смертовод, закупоривший душу в сосуд, лишь отсрочивает неизбежное. Старейшины твоего города, шоршеткалоки, знают об этом ничуть не хуже! Давным-давно, когда я был простым подземельепоходцем, в одном из гротов я нашел старую библиотеку. Должно быть, какой-то ученый-отшельник обустроил свой дом под землей. Мои глаза слишком слабы, чтобы различить ваш алфавит, но я нашел книгу, написанную на языке моего народа! Ее выпуклый шрифт рассказал все об ощущении смерти: тот, кто может увидеть, услышать, учуять, потрогать и попробовать смерть на вкус может ее и пленить. Он станет бессмертным, обретет силу возвращать к жизни давно умерших и гасить эту искру одним лишь щелчком пальцев. Он обретет власть над временем и пространством, станет властелином всего. Тогда я посмеялся над этой книгой и продал ее какому-то коллекционеру. Но позже... Ко мне стекаются все слухи, что могут иметь цену,

солнцеход. Как-то раз крот принес письмо с докладом разведчика: кто-то похитил знаменитую на весь Шош провидицу, предсказательницу смерти. Спустя пару месяцев нашли ее безглазый труп. Тогда я не придавал этому значения, но спустя тридцать лет крот принес похожие новости: в лесах нашли безъязыкое тело старого лекаря, что мог поцелуем определить у человека неизлечимую болезнь. Затем священник, что чуял чумных детей... Торговка рыбой, что прочила морякам утонуть; ей отрезали уши. И вот — теперь этот твой калека. У меня нет знаний о том, действительно ли некто всерьез решил поработить смерть, но от того и страшнее! Ведьмы обчистили наш гарнизон... У того, кто стоит за ними, должна быть великая сила, и все это складывается в не очень утешительную картину. Твой калека — последняя часть мозаики. Береги его, капитан. А лучше убей и моли свое Небо о том, чтобы такой человек не родился снова...

Капитан ощущал подступающую дурноту: подумать только, проворонь его касатики этого смердящего степняка, могло случиться непоправимое! Все это походило на страшную сказку, если бы не одно но: щуры всегда давали гарантию достоверности, об этом недвусмысленно говорили выпуклые буквы на свитках их договоров. Его ребята были отличными бойцами, но кто знает, на что пойдут ведьмы в следующий раз? Нужен особый контроль!

— Мне нужно обратно! Срочно! — Адриан уронил кисет с монетами в раскрытую ладонь Хранителя.

Геомант небрежно махнул рукой, и в стене образовался проем.

— Пэреглядэри! — позвал геомант. — Перудойесь йому до подверху. Швидко!

В проем ретиво влетели воины. Длинными носами они втянули воздух и учуяли кровь переводчика. Это их воодушевило еще сильнее: они закричали, стали хлопать Адриана по спине и поторапливать. Капитану показалось, что обратно они шли гораздо быстрее.

Воины буквально вытолкали Адриана наружу и сердито хлопнули люком.

На улице шел дождь, гроза прочертила небо лиловым всполохом. На крыльце сидел Мыреш, задумчиво смоля свою причудливую трубку с глиняной чашей.

— Мыреш, мать твоя — задница! Живо на козлы, гони лошадей!

* * *

Он видел сон: уродливое, горбатое, покрытое Небо знает чем, существо лепило комки из самой темноты, закладывая их — дрожащие, в разинутые рты усопших. Оно кричало от радости, когда мертвецы, растерзанные и изломанные, вскакивали и начинали шумно дышать. Их раны исчезали прямо на глазах. Она оживляла только красивых мужчин, чтобы совокупиться с каждым из них. И они принимали ее ласки, околдованные — припадали к иссохшим сосцам бородавчатых грудей. А потом пришел капитан и начал палить по чем зря, уродливая тварь вспорола ему живот и накинула на себя кишки, словно шаль.

— Курва! — Мыреш проснулся. Сонная трава, что давеча дала ему мать, не одарила глубоким сном. Привыкание, будь оно неладно.

Великан-степняк встал с кровати и сунул ноги в сапоги. Он привык спать одетым, чтобы злой рок не мог застать его врасплох; так велел бог степняков — Всемогущий Конь-Великан, Владыка Зари.

Мыреш накиннул на плечи форменную шинель, завязал на подбородке шапку-ушанку и шагнул в холодную чизмеградскую ночь.

Ветер кружил первые скупые снежинки, казавшиеся охристо-желтыми в свете газовых фонарей.

Великан сам не знал, зачем покинул теплую постель. Какая-то тревога, пелена какая-то...

После визита к щурам он сам был не свой, чувя присутствие какой-то неотвратимой силы. Он задавал вопросы капитану, но тот лишь уклончиво отшучивался. В последнее время Дьекимовича будто подменили.

Дюжий длинноротый стражник поправил петли с топорами на поясе; степнякам не разрешалось иметь сабли.

Ноги сами принесли его к порогу капитанского дома, и Дьекимович не спал в этот час. В незанавешенном окне горел

свет, и Мыреш отлично видел, как капитан один за другим загоняет патроны в каморы своих револьверов. На столе стояла початая бутылка ракии без стаканов. Капитан пил с горла.

Мыреш осторожно постучал в окно, и капитан махнул рукой, дескать — «Давай, входи, чего стоишь?»

Внутри было жарко натоплено. К своему стыду степняк подивился тому, насколько чистоплотен капитан: ни пылинки, ни соринки, чистота и порядок, над камином портрет пышной русоволосой женщины и маленькой черноглазой девчушки.

— Жена с дочкой, — в голосе капитана был лед. — Тысячу раз об этом рассказывал. Я до сих пор храню хобот болотной гончей, что отняла их у меня. Засолил в бочке. Сам не знаю зачем.

Мыреш понимающе кивнул и аккуратно, почти нежно, похлопал капитана по жилистому предплечью.

— Вижу, ты куда-то собрался. Ты честный воин, пан капитан, но утром не твои часы. Старшина еще на посту.

— И ты куда-то собрался, как я погляжу. — Мыреш хотел возразить, но капитан оборвал его на полуслове, указав на пояс. — Во всеоружии гулять пошел? Садись, выпей.

Запахло абрикосом; капитан пододвинул стакан с ракией ближе.

— Боишься умирать? — спросил капитан.

— Да, — честно ответил Мыреш, опрокинув в себя стакан. Горло приятно обожгло.

— Вот и я. И сегодня я иду на смерть! Другой бы на моем месте отправил умирать своих людей... Но я не могу, сраное вонючее болото... Я стар, Мыреш, а им еще жить и жить. Скоро я должен буду уйти. Хочу побыть полезным напоследок.

— Что ты задумал, пан капитан?

— Я иду ловить ведьму. Мне нужна живая тварь!

Мыреш чуть не поперхнулся.

— Уж извини, пан капитан, но следопыт из тебя дерьмовый. Ты как собака в конуре всю жизнь. Сунешься за стены, и сразу будто голый. Я же видел твое лицо, когда мы ездили к шурам. Ты боишься бывать вне города. Я же много раз бывал за стенами — с самого детства собирал травы вместе с родителями. Оставь это мне.

Их взгляды встретились. В серых глазах степняка, обычно холодных, капитан увидел теплоту и участливость.

— Что ж. Тогда идем вдвоем.

* * *

Капитан был в стельку пьян, но здоровяк Мыреш и после двух стаканов ракии был чист, как стеклышко. Он чувствовал, что его командир из-за всей этой беды с болотными ведьмами потихоньку поддается безумию. Ловить ведьму в одиночку — подумать только! — вдали от городских стен Адриан и полдня не продержится. А тут еще и пьяный... Дойти бы до надвратной башни! Там ему можно дать сонной травы, да самому уйти в Гнилов лес. Отчего-то казалось, что допросить проклятую тварь с болот — хорошая идея. Должно быть, многих проблем удалось бы избежать, будь у Чизмеграда разведка. У шелудеев, как в городе называли оседлых степняков, слезка была в крови, но совет старейшин всего пару лет как разрешил им носить обувь. Негадная война с кочевыми степняками продолжалась до сих пор и, несмотря на то, что беженцы Великой степи уже не раз доказывали свою лояльность городу, на них до сих пор глядели искоса.

— Как ведь забавно выходит, — сказал капитан. — Мой дед воевал с твоим, а теперь ты самый верный солдат! После старшины, конечно. Радонич — самая душа стражи! Как помру, быть тебе старшиной, Мыреш! Ей-Небо! Гончая забрала у меня жену и дочь, да и сына у меня не случилось. Некому дело по крови передать. Вот и выходит, что Живодраг капитаном станет, а ты — прирожденный старшина. — Адриан выдавил из себя горькую усмешку. — Первый в истории Чизмеграда степняк, доросший до офицера! Во как!

— Молчи, пан капитан, пьяный язык враг трезвому уму. От ракии отойдешь, будешь жалеть.

— Нет! — крикнул капитан и тут же сделал глубокий глоток. — Вот увидишь.

Вдоль Заездной улицы мимо Грайного переулка они повернули к городским воротам.

Когда они дошли до надвратной башни, было уже поздно собираться наружу: на город напали.

— Сучары! — орал старшина Живодраг. — Вы уже сюда как к себе домой... Огонь, бесоголовые, стреляй, еб вашу душу! — Старшина не скупился на резкие слова, но для них сейчас было самое время.

Капитан словно бы протрезвел. Как будто и не было шести с лишним десятков прожитых лет; по лестнице на стену влетел с легкостью пятнадцатилетнего сорванца.

— Дай сюда, пацан! — капитан отобрал подозрную трубу у наводчика гранатометной баллисты. — Опять ведьмы...

— И опять с рогатинами, еби меня болото! — один за другим гаркнули выстрелы. Вечек высадил полный барабан своего карабина и крикнул от удовольствия, когда удалось подстрелить ведьму. На этом он не остановился: не тратя время на перезарядку громоздкого оружия, он по очереди доставал из подсумков гранаты, поджигал фитили и ловким движением зашвыривал смертоносные кругляши далеко за стену.

— Подняться всем на стену! Остальные — вглубь города, дальше от стены! Дальше я сказал, мать вашу! Хотите, чтобы вас как форель — запекли в глине? Прочь, прочь!

Стройные шеренги ведьм все наплывали, спереди их прикрывал живой щит полудемонов: уродливые твари принимали на себя картечь и пули, едва успевая ответить. Но их было много, слишком много! Будто каждый ублюдок, доселе дремавший, прикинувшись болотной кочкой, решил покорить Чизмеград. На картечь они отвечали огненными плевками, в ответ на пулеметные очереди стреляли ядом из своих кожных желез. Полудемоны умирали за стеной, люди умирали на стене. Еще немного и болото одержит верх!

Ведьмы стали немного решительнее; полудемоны надежно укрывали от пуль своими громадными телами.

— Кажись нам край, капитан... — сказал Вечек, досыпая порох в камору барабана. — Я буду стрелять и молиться, молиться и стрелять! Помогите нам Небо!

Капитан Дьекимович прекрасно понимал, что еще немного, и некому будет держать оборону. Ведьмы со своими горнами сварят заживо всех, кто спрячется за стенами, полудемоны добьют всех остальных, а уж потом... Но нет, совсем не хочется думать о том, что город, выросший посреди

болот и четыреста лет служивший главным перевалочным пунктом между Шошом и Новепортецом, может вот так запросто сдаться. Капитан знал своих людей: многие — отребье, один хуже другого, но каждый из них любил свой неприветливый город и каждый будет драться до последнего вздоха.

Ведьмы, уверенные в своем успехе, подошли ближе и затрубили.

— Храни нас Небо... — Капитан прищурился, взяв на прицел рыжеволосую бестию.

Земля вскипела, но не в Чизмеграде. Почва забурлила под ногами ведьм, повалились в кипящее месиво полудемоны. Истошно вопя, колдуньи побросали свои горы, тщетно пытаясь выбраться из горячей ловушки.

Но земля продолжала кипеть, а звук уже сам по себе, без горнов, эхом гулял в морозном воздухе.

— Я что, схожу с ума? — Мыреш потер глаза тыльными сторонами ладоней.

— Нет, белобрысый, — голос Вечека был ехидным, как и всегда, — я тоже это вижу. Вижу, и ни хрена не понимаю! Я что, зря что ли по себе заупокойную прочитал?

Спустя несколько мгновений горячая грязь затвердела и треснула, как сухая хлебная корка. На свет показались подслеповатые востроносые лица. Кто в черных балахонах, кто в доспехах, сделанных из корневищ железного дерева. Шуры!

Кряхтя и отплевываясь, держась за руки своих солдат, на поверхность вышел сам Старший Хранитель. Добротная кольчуга не скрывала, а лишь подчеркивала каскады жировых складок на грузном теле. Впереди него, собирая грязь коленями, полз переводчик.

— Старший Хранитель будет говорить только с капитаном Дькимовичем!

Облака закрыли Солнце, и Старший Хранитель немного приободрился. Чуть поодаль, так, чтобы не услышать разговор, стояли солдаты со спицемерами наизготовку.

— Твой город мне должен, капитан, — Хранитель протянул бумагу. — Здесь все по тарифам Соглашения Трех Городов. Статья двадцать четвертая, пункт шесть: «Если кому-

то из соседей угрожает опасность и один из городов в состоянии это предотвратить, он обязан сделать это незамедлительно. В этом случае помогающей стороне от стороны, получившей помощь, полагается материальная компенсация, эквивалентная ее троекратным затратам», — жирный шур перевел дух, его мучила одышка. — Мы тоже участники соглашения, так как охраняем подземные границы. С вас пятьсот серебряных динаров.

— Вот ведь гнилое болото! — Адриан глядел за стену, с омерзением подмечая, что многие из ведьм еще живы. С них — сваренных в грязи заживо — лоскутами слезала кожа, мясо отваливалось кусками, но смерть не спешила забирать их с собой. — И с вами нельзя, и без вас нельзя! Спасибо, конечно, но под моей властью лишь двадцатая часть городской казны, да и то, наверное, на бумажках у стряпчих. Я не могу тебе отдать пять сотен серебром прямо сейчас, нужно утрясти вопрос с казначеями в крепости Совета.

Из-за облаков выглянуло солнце. «Слнце слэпэсь! — засуетились солдаты Старшего хранителя. — У тэмонь!»

— Нам бы в тенок, солнцеход, — хранитель тяжело выдохнул, — мы насчет света неодобряем.

— А, да, конечно... — Капитан как замороженный наблюдал за умирающими ведьмами. Было что-то притягательное в этой картине смерти.

Небольшое войско неуверенно шагало по стене, наглухо задвинув забрала шлемов. Оказавшись в сыром подземелье, они заметно приободрились, довольно зафыркали, с удовольствием открывая свои маленькие глазки.

— Если хочешь знать, — хранителя мучала тяжелая одышка. — Ведьмы снова ограбили один из наших гарнизонов. Вернее как: мы позволили себя ограбить. Вот только геоманты заговорил горны. Каким был заговор — ты видел. И у нас для тебя подарок, капитан. — Старший хранитель хлопнул в ладоши. На свет факелов вывели человека с мешком на голове, который тут же сняли.

— Ведьма! Мать твою... Живая, — капитан испытал облегчение: не придется рисковать и идти на поиски твари сквозь болота.

— Ты можешь не давать деньги прямо сейчас, — пробасил хранитель. — У переводчика с собой бланк долговой расписки. Заполнишь — pošлю старейшинам почтового крота.

— Что скажешь, пан Вомчич? — спросил капитан у законника, которого только-только впопыхах привели в казематы.

Старик поправил пенсне на длинной переносице, прищурился и недовольно цокнул.

— Все в соответствии с законом, пан капитан. Мы им и вправду должны. Думаю, старейшины не решатся нарушить Соглашение Трех Городов.

Адриан макнул в чернильницу гусяное перо, вписал в бланке сумму долга и поставил рядом размашистую подпись.

— Великолепно! — Хранитель гаденько улыбнулся.

Щуры не попрощались. Просто прошагали по коридору, затем геоманты достали какие-то штуковины, похожие на бубны, другие воспользовались горнами: странная музыка щуров заставила землю вздрогнуть. Почва лопнула пузырем, образовав широкий тоннель. Подземники скрылись в нем, а затем тоннель затянулся, словно огромная рана, оставив на поверхности лишь небольшой след.

Капитан не спеша брел по кирпичному коридору. Все его мысли сейчас были о предстоящем разговоре: старейшины, пусть и сто тысяч раз мудрые люди, очень далеки от народа. Даром что крепость совета — «город внутри города», ее обитатели не привыкли часто видеть гостей. Но судьба в этот день решила немного поиграть в кости: по коридору шел Ене Радищош, главный шоршеткалок.

— Отец наш! — Адриан упал на одно колено. — Что тебя сюда привело? Где твоя охрана?

— Вставай-вставай, капитан. Не время и не место, — старейшина похлопал Адриана по плечу. — Я слышал, к нам наведались щуры. Где они?

— Вы... Вы разминулись с ними, отец наш. Они выставили счет за помощь, вот. — Адриан протянул бумагу.

— Хм, — шоршеткалок почесал в густой молочно-белой бороде. — Пятьсот динаров. Это еще щедро! В былые времена они целыми мешками выносили из города золота. Видимо, ты

нравишься этому старому курдючному крысу — Старшему Хранителю. Будут ему деньги! Сейчас же распоряжусь отправить почтового крота!

— Благодарю, Отец наш. Я распоряжусь, чтобы тебя проводили обратно в крепость совета.

— Сам пойду, — противно проскрипел старик, сверкнув зелеными, как болото, глазами. — Про эти ходы знают только шоршеткалоки!

Радищлош скрылся за поворотом и исчез. Колдовство — не иначе! Впрочем, только ленивый в Чизмеграде не говорил о любви старейшин к таинственным силам.

Адриан уже вышел во двор, когда его окликнул старшина.

— Капитан! Пан капитан! — Старшина бежал со всех ног.

Дьекимович чувствовал, как растет ком в горле и слабеют колени. Сиречь такие вот оклики никогда ничем хорошим не заканчивались.

— Адриан! — старшина дышал сбивчиво и с хрипотцой. — Слепец пропал!

* * *

Личный состав вытянулся по стойке смирно. Дежурные по казематам дрожали, как осенняя листва: каждый знал, что капитан, такой дружелюбный и открытый в обычные часы, превращается с беспощадного зверя стоит кому-нибудь выкинуть фортель. И сегодняшний фортель для многих из них станет последним.

— Кто охранял степняка?

Из строя вышли два человека: немолодой дюжий сержант и рядовой без усов, совсем еще щегол.

Адриан достал револьвер из кобуры и лихо крутанул барабан. Прозвучал выстрел: тяжелая свинцовая пуля немилосердно разорвала голову сержанту, забрызгав строй розовой патокой. Второй выстрел дал осечку, и капитан достал шашку из ножен.

Несмотря на хилую конституцию, шея рядового оказалась крепкой. Отрубить голову удалось лишь со второго удара.

— А вас, ублюдки, я лишаю жалования на полгода! Вы, — капитан указал на стражников, дежуривших у соседних камер. — На хуй из стражи. Сегодня же подпишу бумаги, и палач вас разует! Босые будете милостыню просить!

Белки глаз капитана налились кровью. Он так и стоял, тяжело дыша, сжимая в побелевших кулаках пашку и револьвер.

Адриан тихо сполз по стеночке, когда последний из стражников убрался подальше. Если старый толстый щур не врал (а он явно не врал), миру в его нынешнем виде осталось недолго.

— Вставай, сын Неба, — Густой бас отца Васимара громом гремел в тишине подземелья. — Сейчас не время опускать руки.

— Как раз сейчас самое время! — возразил Адриан. — Уж седьмой десяток пошел; целую вечность ждал — когда же Чизмеград заживет спокойной жизнью? Теперь вот провожать его в могилу буду, вместе с ним все уйдем.

— А я и подумать не мог, что капитан стражи, мой старый знакомый капитан, бесстрашный капитан, может оказаться такой тряпкой. Уж впору самому брать карабин и идти через болота.

— Ну и что ты предлагаешь, отец поднебный? Упустили мы все, в болоте оно уже, в самой трясине!

— Утри сопли, — отец Васимар неодобрительно покачал головой. — Я слышал, щуры привели тебе живую ведьму. Допроси ее! И поверь человеку, что всю жизнь борется с колдовством и бесовщиной: чтобы набрать силу от нового артефакта, колдуну как бы нужно «вступить в наследство», а это может, слава Небу, занять недели и месяцы. В это время тварь будет уязвима, как рак сбросивший панцирь.

Старый клирик, гораздо старше немолодого уже капитана, сумел найти нужные слова. Адриан почувствовал легкое эхо надежды.

* * *

Голую ведьму растянули на дыбе. Мучители невольно залюбовались ее красотой: стройное, правильно сложенное тело, фарфорово-белая кожа. Но в то же время пульсирующие зеленоватые узелки под ее кожей и отсутствие пупка говорили о том, что это уже не человек. Все болотные ведьмы когда-то были людьми: либо похищенными детьми, либо добровольными послушницами, либо же они рождались на болоте.

— Я все равно ничего не знаю! — шипела ведьма.

— Вре-ешь, ку-у-рва, — лениво протянул Вечек, растягивая дыбу. Стражник с волнением смотрел на аккуратное безволосое лоно пленницы, в глазах его гуляла недобрая искра.

— Говори, кто организовал эти набегі? Где сейчас слепой мальчишка? — гремел отец Васимар.

— Известное дело — новая Хозяйка болота за этим всем стоит. Это даже не тайна! — ведьма крепко зажмурилась от боли. — Ай! Пожалуйста, не тяните так.

— И где же нам искать эту твою Хозяйку болота?

— И это тоже не тайна! Она приручила ходячую топь, демона Буульбааза. На нем ее дом. Но демон все время в движении. Я если бы и знала, где Хозяйка сейчас, все равно бы вам точное место сказать не могла. Буульбааз, если ему сделать приятно, может ползти очень быстро! Пожалуйста, лучше убейте... Как же больно.

Руки и ноги ведьмы побелели, а грудь и лицо напротив — налились багрянцем. Болотная тварь шипела, бешено вращая глазами. Жуткое и вместе с тем жалкое зрелище.

— Вы... можете разорвать меня пополам, отдать псам или выбросить за стену, — каждое слово давалось ведьме с трудом. — Но я все равно ничего вам не скажу! Потому что не знаю! Не знай-у-у-у!

Вечек еще раз крутанул колесо и с удовольствием вслушался в треск сухожилий.

— Убейте меня, но когда Хозяйка болота вновь пойдет на город, она поднимет меня из праха, и тогда я перегрызу горло каждому из вас! Ай! А-а-а-ай! — Вечек снова крутанул колесо, изо рта ведьмы потекла кровь.

— Одна пойдет что ли? — Вечек плотоядно улыбнулся. — Сами себя в грязи сварили! Никто не уцелел!

— Довольно, — прогрохотал отец Васимар. — Должно быть, она и в правду не знает ничего. Дыба может расколоть каждого! Но уже достаточно и того, что она сказала. Убей ее, Вечек, мне все равно как ты это сделаешь.

Капитан и архижрец вышли из каземата, громко хлопнув дверью. Ведьма почувствовала, как слабеют веревки дыбы. Все ее тело прострелило острой болью, она с трудом разомкнула веки и вскрикнула: Вечек стоял перед ней со спущенными штанами и размахивал огромным, как дубина, удом.

Заключенные в казематах еще около часа слушали истошные вопли. Но здесь этим никого не удивишь: чужие мучения давно стали частью арестантского уклада.

* * *

Адриан не любил бывать в гостях у архижреца. Дом его был грязен, а для зажиточного человека убранство двухэтажного терема было чрезвычайно убогим: минимум мебели, несколько стеллажей со старинными книгами и целые горы религиозной атрибутики.

Отец Васимар был древним стариком, но каким-то чудом он сумел сохранить остатки былой мощи: высокий как тополь, крепкий как скала. Он до сих пор вставал раньше петухов, чтобы облиться холодной водой, сам рубил дрова и вместе с вольнонаемными разгружал возы с едой для приходской столовой. Нищие боготворили его, богатые несли ему деньги, а старейшины-шоршеткалоки тихо ненавидели.

Архижрец суетился. Из разных мелких шкатулочек и мешочков он выуживал амулеты и повязывал их на одежде — сначала своей, а затем и капитана. Он хотел было надеть бусы из лапок бесов на шею Мыреша, но степняк отстранился, неодобрительно цокнув.

— Это тоже кодовство, отец поднебный, пусть и незлое. Нам вера любое запрещает.

— Как хочешь, — архижрец пожал плечами, — но обереги лично мне не раз спасали жизнь, да и капитану тоже. Советую подумать. Дорога дальняя и опасная.

Мыреш неодобрительно фыркнул и отвернулся к окну.

Деревянная дверь со скрипом отворилась, и на пороге, впустив в тепло кусочек метели, стояли Вечек и молодой мужчина в синих штанах и драном полушубке. Они были похожи, но тот — в синих штанах — был бородат, худ и жилист.

— Бес ты глиноголовый! — отец Васимар неодобрительно покачал головой. — Зачем босоногого привел?

— Познакомьтесь... — Вечек пристыженно переминался с ноги на ногу. — Это Слободан, мой родной брат.

Старшина крутанул пустым барабаном револьвера и щелкнул курком.

— Это хороший человек, отец Васимар. Ты не смотри, что без обуви. Когда колдун-смертовод обманом проник в наш город двадцать лет назад, он хорошо себя показал. Беса ловит ловко! И что-то твой двоюродный брат тогда не постеснялся брать деньги у акробатов, когда те заказали заупокойную по своему атаману.

— Слышал я эту историю, — отец Васимар скривился, — это давно было, нынче времена другие.

Несмотря на плохо скрываемое презрение, отец Васимар все же повязал несколько оберегов на руки и шею акробата. То же самое он проделал и с Вечеком.

— Слободан знает, как ходить по болоту. Есть топи, что зимой снегом заносит, но замерзать не замерзают. Брат уже четверть века по болотам демона бьет. Уж кого, как не его брать в проводники?

— Я только за, — сказал капитан, снаряжая револьверы, — Мыреш говорит, что Гнилов лес хорошо знает, да он в нем только летом бывал. А Клан Неба и зимой на демона ходит.

Отец Васимар тяжело вздохнул и окинул взглядом гостиную: седой капитан возился с четырьмя револьверами, безумец Вечек снаряжал свое нежно любимое ружье и проверял гранаты, здоровенный степняк точил топоры. Один лишь акробат молча уселся в углу и лениво наблюдал за всей этой сутолокой.

— Да уж, компания у нас собралась... — проворчал архижрец.

* * *

— За что, пан капитан!? Ты мне не доверяешь? Я столько лет отпахал в страже верой и правдой... И вместо меня ты берешь с собой сраного степняка и этого психа, который не прочь трахнуть свое ружье?

— Не забывайся, старшина! Я все еще твой командир. Не пори горячку, что ты как баба? На тебя подчиненные смотрят!

— Виноват, — Радонич прочистил горло. — Но ведь как, пан капитан? Мы ведь столько лет плечо к плечу, сколько демонов-полудемонов искромсали, колдуна-мертвовода из города вышвырнули...

— И поэтому твое место здесь, старшина. На кого я оставляю стражу? После тебя самый опытный боец — Мыреш. Но кто послушается рядового, да еще и шелудея? Я упустил слепца, я отвечаю за город головой, мне и идти в болота. Ты — надежный тыл, я не встречал еще человека надежнее. Если не вернусь, ты станешь следующим капитаном. У стряпчего готовы все бумаги.

Старшина глядел на Дьекимовича зло и одновременно со страхом. Как же ему хотелось пойти с ними! Как хотелось!

— Открыть ворота! — скомандовал старшина и отдал честь.

Старшина Радонич в окружении стражников наблюдал, как пятеро путников покидают город. Он ощущал себя брошенным и преданным — это говорила обида, но умом он понимал, что капитан поступает правильно.

— А я тебе говорил, пан капитан, что отойдешь от ракии — будешь жалеть! — Мыреш посмотрел на Дьекимовича со смесью грусти и нежности.

— Ты это о чем, воин?

— Ты говорил, что я прирожденный старшина. Но этому не бывать! Никто из нас не вернется домой, ты об этом знаешь.

Шли до первых сумерек, а потом встали лагерем. Продираться сквозь Гнилов лес ночью — самоубийство. Еще днем Мыреш зарубил полудемона, а ловкач Слободан свернул шею парочке бесов. Лес проверял на прочность непрошенных гостей, как привык это делать сотни лет подряд. Больше никто не нападал, но каждый из путников чувствовал, как за ним наблюдают сотни недобрых глаз.

— Этот голубой шар, — в рыжих лучах костра широкое лицо отца Васимара сделалось зловещим. — Артефакт, доставшийся мне от шоршеткалоков еще в те времена, когда Адриан сосал мамкину сиську. Говорят, это сердце могучего демона и мои братья, жрецы Неба, сумели заговорить его на поиск очень и очень могучих нечестивцев. Сейчас оно едва горит, а это значит, что мы далеко от цели. Твоя задача, босоногий, вести нас безопасным путем, но так, чтобы этот шар горел все ярче и ярче. Понял?

Слободан кивнул. Он не очень понимал, почему и сейчас его зовут босоногим: его ступни грели обмотки из кабаньей шкуры. Впрочем, обувь в Чизмеграде они не считались.

— Ты это повторяешь уже раз пятнадцатый, отец поднебный, я еще до того, как мы город покинули, тебя прекрасно понял.

— Старость не радость, — сказал отец Васимар, подкинув поленце в костер. — А ты слушай и мотай на ус.

Слободану уже порядком поднадоело это мощный старик. Он только и делал, что ворчал на каждом шагу. Еще немного, и архижрец начнет поучать Слободана, исходившего Гнилов лес вдоль и поперек, как правильно искать дорогу.

Отец Васимар развесил обереги вокруг лагеря. Несколько раз подходили болотные гончие — уродливые твари о двух безголовых телах, сросшихся шеями. Быстро и ловко, как пауки, они пробегали совсем близко, ощупывая острыми языками невидимую границу, которую преодолеть не могли.

На часах стояли по очереди. Хвала Небу, эта ночь случилась без приключений.

* * *

Завтракали вяленным мясом, прямо на ходу. Голубой шар в руке отца Васимара разгорался все ярче.

Пейзаж не радовал разнообразием: голые деревья и замерзшие топи, как и десятки верст назад.

— Она знает, что мы здесь, — пробасил отец Васимар. — Все эти бесы, болотные гончие и прочая тварь. Это ее глаза и уши. Если она и вправду выстроила дом на спине этого ползучего демона, мы еще долго будем играть в догонялки. Как бы с голоду не подохнуть...

— Лес способен прокормить человека даже зимой, если знать, где искать пищу, — Слободан задумчиво ковырнул сосновой иглкой промеж зубов, — главное — не замерзнуть.

Голубая сфера становилась все ярче и ярче. Слободан шел впереди, осторожно прощупывая снег длинным шестом. В следующий раз, когда дерево пронзило ослепительно-белую толщу, булькнуло и почернело. Незамерзающая топь.

— Все, дальше ходу нет. — Акробат налег на шест, и тот с легкостью погрузился в болотную черноту.

И в это самое мгновение, будто по команде, из-под трясины выстрелили черные щупальца. Длинные, тугие, крепкие канаты мяса и сухожилий. Каждое щупальце усеивали сотни присосок. Ни у кого из путников не было времени сообразить, что происходит.

Под ногами загудело, заклокотала топь, снег тут же смешался с вонючей жижей. Над чернеющими просторами показалась гигантская пучеглазая голова.

Когда все пятеро спохватились, грязные щупальца уже спеленали каждого по рукам и ногам.

— Это большой демон, да не тот! — ехидничал Вечек. — Ошибся твой шар, отец поднебный.

Архиерец не ответил. Он внимательно следил за тем, как обереги обжигают черные щупальца, как хватка чудища слабеет в этот момент. Он читал молитву, называя имена всех путников по очереди, не забывая и про себя. Их окружило невидимое поле, и оно мешало спруту утянуть их на дно. Но

волшба эта отнимала силы у старика: сиречь стоило отцу Васимару на секунду прерваться, как болотный демон утаскивал их все дальше.

— Не молись за меня, отец поднебный! — орал Вечек. — Всех на дно утянет, а мной подавится! Слышишь? Не молись, я тебе сказал, сморщенная собачья жопа!

Безумный стражник принялся с остервенением скручивать шнуры пороховых гранат, всех, что удалось утащить на себе. Щелкнуло огниво, загорелся шнур, в морозном воздухе завоняло селитрой.

— Не молись!

Испытывая жгучее чувство огорчения, клирик послушался. Невидимый щит пропал, и спрут потащил Вечека к себе. Стражник зажмурился, он прижимал к груди любимое ружье с почти материнской нежностью. Какое-то мгновение: черная пасть беззвучно раскрылась, щупальце забросило стражника в эту бездну. Нет больше Вечека!

Отец Васимар продолжал молиться. Казалось еще мгновение, еще какая-то жалкая секунда и все, спрут продолжит свой дьявольский пир.

ВЗРЫВ! Ошметки черной слизи полетели в разные стороны, зловонная жижа пошла рябью.

Когда отец Васимар открыл глаза, уродливая голова больше не возвышалась над поверхностью топи. Видел он широкую спину Мыреша и мельтешащего акробата, который как заправский гарпунер запускал свой шест в волнующуюся черноту. Затем он что-то крикнул, степняк подбежал ближе, и они оба с силой потянули на себя. Кряхтя и чертыхаясь, они вытянули на твердый берег капитана.

Обессиленный Дьекимович лег на спину, тяжело дыша. Небо миловало — не утонул!

* * *

Этой ночью ни одна тварь не приблизилась к лагерю близко. Мыреш и Слободан запалили костер настолько большой

и горячий, что можно было просушить одежду и посидеть в одном лишь исподнем.

Капитану сделалось худо. Ему пожертвовали сухой спальный мешок и уложили на подстилку из елового лапника.

— Я ведь из-за Вечека акробатом стал. — Лицо Слободана было сосредоточенным. — Мы тогда оба мальчишками были. Я учился в гимназии, Вечек был кадетом корпуса стражи. Он насильничал девчонку, дочку какого-то беженца. Как назло свидетели нашлись. Не видать бы Вечеку черной униформы, если бы я вину на себя не взял. Мы же на одно лицо — сами видели. Вот и выбор у меня был, как у нас говорят, «Либо в казематы, либо в акробаты». Столько надежд было, столько планов... Я пожертвовал своей судьбой ради брата, а он сегодня отдал должок.

— Небо не всегда признает благородство, — устало вздохнул архиерей, — иногда синеву затягивают грозовые тучи, и Небо становится черным. Но даже в грозовой туче есть добрый урок: дождь, исторгнутый этой тьмой, питает жизнь, дает ей силы. Вот так и с братом твоим, босоногий: был безумцем, но достойным защитником своего отечества. Тебя спас. Небо простит, и ты прости, на душе легче станет.

Слободан кивнул.

— Жижки наглотался, вот и болотнянку подцепил. — Мыреш потрогал лоб капитана тыльной стороной ладони: горяченный! — Лечение нужно, иначе ближайшие дни на ноги он не поднимется.

С этими словами степняк скинул с себя исподнее и повесил на ветку возле костра. Порывшись в котомке, достал маленькую баночку жира, зачерпнул немного. Из мешочка сыпанул в ладонь какой-то травы и смешал с жиром, а потом стал быстро-быстро растирать по коже пахучее месиво.

Под удивленные взгляды архиерея и акробата он забрался в спальный мешок и крепко обнял Дьекимовича.

— Вместе с моим теплом пропотеет, жир даст еще тепла немного. А там уж травы возьмутся. Завтра хотя бы идти сможет.

Слободан всю ночь простоял на часах. Ему не привыкать: когда атаман объявлял долгую охоту, бывало, и по три-четыре ночи не спал. А сейчас сам случай бодрил: в темноте сверкали глаза, множество голодных глаз... Лагерь по-прежнему окружал непроницаемый щит: амулеты и молитвы отца Васимара творили настоящие чудеса. Но старику явно было погано! Он весь как-то осунулся, будто бы состарился еще на десяток лет и ростом ниже стал. До самой зари он так и просидел на пенечке, тихо бормоча себе под нос.

Мыреш все же разложил палатку недалеко от костра и уволок в нее капитана. Несколько раз за ночь он повторял свой ритуал с травами и обтиранием.

— Тебе нужно все время молиться, чтобы эти штуковины работали, отец поднебный? — спросил Слободан.

— Нет, достаточно одного раза, пока не снимешь. Я за нас молюсь. — Из складок плаща показалась трясущаяся морщинистая рука, в ладони старика разгорался голубой шар.

— Небо высокое...

— Да,— старик кивнул, — он близко. Вот только кто — он? Я знал, что Сердце не даст нам точного результата, как и не знаю я, сколько старших демонов может прятать болото.

— Поспать тебе надо, отец поднебный. Так и ноги протянуть недолго.

— Мне и так недолго осталось, босоногий. Нам главное найти эту проклятую ведьму. Одна она сейчас осталась, щуры знатно подсобили ее войско-то в грязи сварить! Может и остался кто еще помимо нее, да это по пальцам пересчитать. Моя сила в этих амулетах живет, — архижрец обвел поляну широким жестом, — не по зубам она им!

Акробат сел рядом на корточки и запалил трубку с изрубленной травой-бодрцом. Кисловатый дымок приятно щекотал ноздри.

— Покури, отец поднебный, полечге станет.

Архижрец принял трубку, глубоко затянулся и выпустил дым носом. И вправду стало легче.

Адриан пришел в себя только к обеду. Он с искренним удивлением заглянул в глаза степняка, пока тот обнимал его своими ручищами.

— Мыреш, — просипел капитан. — Я из-под тебя не вылезу. Пусти, будь другом.

Степняк развел в стороны могучие руки, и капитан пулей выскочил из палатки. Он спешно натянул портки и начал собирать одежду, развешанную на ветках.

В голове у капитана гудело, в горле — будто песка наглотался, каждая косточка болит. Но он все же был цел, а главное — были силы идти.

Кряхтя, капитан оделся, проверил португею с револьверами и накинул форменную шинель.

— Спасибо, Мыреш, поставил на ноги. Но больше такого не надо. Я и в аду бы не хотел валяться с голым мужиком в одном спальнике.

Все прыснули со смеху. Степняк слабо улыбнулся.

— Собираемся. Нечего землю зазря греть. Доставай свой шар, отец поднебный. Надеюсь, в этот раз он куда надо выведет.

* * *

Пахло подгнившим деревом, легкий ветерок приятно обдувал коротко стриженую голову. Слепец понял, что его держат в каком-то сарае. Вездесущая солома лишь подтвердила эту догадку.

Калека осторожно встал. Вытянув руки, он сделал несколько шагов и уперся в холодную металлическую сетку.

— Я не хочу делать тебе больно, сынок, — сказал человек по ту сторону клетки. Голос его не был знакомым, говорил он с сильным чизмеградским «оканьем». — Лучше тебе отдать то, что она просит. Ты же знаешь правило: только по добровольному согласию.

— Нет!

— Подумай, мальчик. В моих силах выправить тебе гражданство Чизмеграда. У тебя будет свой дом, ты ни в чем не будешь нуждаться. Просто отдай свои руки! Клянусь, ты испытаешь великую радость, избавившись от них! Просто представь: больше не увидишь чужую смерть.

— Нет! Не будет лучше. Вы хотите приручить смерть, вы хотите стереть города в пыль! Я это чувствую... Вижу...

Послышалось возмущенное сопение, человеку стоило большого труда сдерживать гнев.

— Ты будешь умолять, чтобы мы отняли у тебя руки. И твои... ноги нам в этом помогут.

Слепец вскрикнул: ступни обожгло. В кожаные сапоги будто лавы залили. Больно!

Ремешки до хруста затянулись на щиколотках, кто-то начал выкручивать сапоги в разные стороны, но кости каким-то чудом оставались целыми. Было невообразимо, чудовищно, адски больно!

— Пожалуйста, прекратите меня мучить. Лучше убейте... Умоляю!

— Н-е-е-т, братец. Смерть или жизнь — только в обмен на твои руки! Отдавай по доброй воле, и все закончится сразу же.

Боль немного притупляла сознание, но слепой степняк все же слышал, как невдалеке затопали маленькие ножки.

— Дедушка! — раздался звонкий детский голосочек. — Они идут сюда! Они убили Черное щупальце. Дедушка, нам страшно!

— Не бойтесь, мои милые, — человек горько и искренне вздохнул, — тяжело нам придется без сторожа болот, но Хозяйка его оживит, как только сила к ней перейдет. Обязательно оживит.

На какое-то время воцарилась тишина. Слепец прислушался: ветер играет на щелях промеж досок, как на пастушьей флейте.

— Мне не нужно, чтобы ты сдох, мальчишка. И я сделаю все, чтобы ты жил. Отдыхай! Но вскоре я вернусь, и ты пожалеешь, что родился на свет. Советую подумать над моим предложением.

Слепец громко охнул, когда его ноги упруго хрустнули, приняв привычное положение. Пожалуй, в большем дерьме он еще не оказывался.

* * *

Слободан с недовольным видом прощупывал почву под снегом. Про себя Адриан отметил, что, должно быть, акробату неудобно, да и неприятно идти по земле пешком.

Отец Васимар едва-едва переставлял ноги. Привычная стать куда-то подевалась, в этой сутулой и дряхлой развалине сейчас с трудом угадывался тот мощный старик, что еще пару дней назад одной молитвой мог обратить в бегство целую стаю бесов.

— Солнце к закату клонится, — Мыреш глянул на багровеющий огненный диск, — пора разбивать лагерь.

Пока молодые ставили палатки, архижрец уселся на сваленный ствол сосны — перевести дух. На чистом куске белой парусины он разложил охранные обереги и стал молиться.

— Сбереги нас, о, высоко небо! Да защити от гнева лукавого, да от твари кровожадной... — неторопливо бормотал отец поднебный.

Уставшие, голодные, не спавшие вдоволь несколько дней, путники ослабили бдительность. Сиречь привыкли, что при свете дня болотные твари не нападают. Каждый размеренно занимался своим делом, и никто не заметил, как аляповатая фигурка о двух туловах притаилась за сугробом, как беззвучно вытянулся шипастый хобот из сочленений на уродливой шее.

Болотная гончая припала к земле, бесшумно перебирая всеми восемью конечностями. Прыжок!

Тварь напала на старика со спины: отец Васимар лицом вниз полетел в груду берегов.

Зашипело. Морозный воздух мгновенно наполнился запахом паленого мяса; на шее архижреца висела целая гирлянда старинных оберегов, которые, к счастью хозяина, сработали мгновенно.

— Курва! Ай-кош, ай! — Мыреш метнул топор в гончую, но промазал. Степняк в два прыжка сократил расстояние

между ним и гончей, и одним точным, выверенным ударом перерубил твари шею.

Отец Васимар с трудом перевернулся на спину. Он был невредим, но испуг выбил из него последние силы. Старик кашлянул, в уголках губ проступила алая пена: плохо дело.

— Нутром пенишься... — холодным голосом сказал Мыреш. — Сердцу, значит, уже все... Стало быть, прощаемся, отец Васимар.

Степняк присел рядом и положил голову архижреца себе на колени.

— Простите меня, — привычный густой бас старика «высох» до едва различимого сипения — Подвел! Еще ночь обереги продержатся, а уж потом — не поминайте лихом. Шар берегите, тут недалеко осталось идти-то. Даст Небо — тот демон! Чую, что тот... Ну, братцы, ТАМ увидимся, в вышине...

Глаза старика остекленели, из уголка рта по бороде побежала кровавая слюна. Отец Васимар последний раз выдохнул и затих. Возлюбленное Небо отражалось в его стекленеющих очах.

Ночь прошла беспокойно: нечистые твари осмелели, и посреди темноты кто-то обязательно вскрикивал, напоровшись на непроходимый барьер. Чудовища неусыпно следили за каждым шагом чужаков, за каждым шагом нелепых и слабых существ, что без зубов и когтей умудрились отвоевать себе место в этом неприветливом мире.

Наутро, по чизмеградской традиции, отца Васимара похоронили в болоте. Слободан нашел незамерзший клочок топи, и тело клирика бросили с силой в самую глотку болота, в самый омут! Постояли — подождали, пока пузыри не перестанут бугриться на черной глади. Если перестало бурлить, значит, душа уже на Небе и можно навсегда прощаться.

— В воздух! — крикнул капитан.

— В воздух, — тихо прошептал акробат.

— В воздух... — нехотя повторил степняк-иноверец.

Голубой шар все разгорался, лихая троица прибавила шагу и не останавливалась на привал добрые сутки, пока в воздухе не стало заметно теплеть.

— Демоново это! — тараторил акробат испуганно. — От него жар! Его нутро огнем горит.

И прав был Слободан: еще пять или шесть верст, и стало видно, как рваный край ковра, сплетенного из дерна, корней и валежника, шевелится, будто брюхо исполинской улитки.

— Я дальше не иду, пан капитан, — глаза Слободана округлились от ужаса. Ему была противна сама мысль — ступить вот на ЭТО. — Теперь вы сами. Прости, но я долг свой отдал, я брата потерял! Не могу я туда идти, не могу, прости!

С этими словами Слободан побросал торбы, одним прыжком сиганул на одну из верхних веток сосны, а затем исчез в кронах.

— Трус... — Адриан сплюнул себе под ноги. — Не станешь ты атаманом с таким слабым хребтом! Катись ко всем чертям, пацан! Слышишь? Уноси ноги!

Еще несколько мгновений капитан орал в пустоту. Слободан по-обезьяньи прыгал с ветки на ветку и вскоре скрылся из виду.

Буульбааз медленно полз чуть поодаль. Адриану и Мырешу удалось его нагнать в несколько прыжков и забраться на хвост. Ветки, сухие листья и снег: все было как у настоящей топи, только эта почему-то двигалась сама собой.

— Давай, смотри в оба! Сейчас вот совсем не время подыхать.

Мыреша уже достали постоянные разговоры о смерти. И часа не проходило, чтобы Дьекимович не ляпнул что-нибудь про то, что они не вернуться в город. Степняк и так это знал, но совершенно не понимал — зачем размусоливать очевидную истину?

Чем дальше заходили стражники, тем жарче становилось. Спустя примерно версту пешего хода Мыреш и Адриан сбросили с себя шинели и шапки с зелеными кокардами.

Снег растаял, земля высохла и растрескалась. В воздухе витал едва уловимый запах серы. Демон неторопливо полз сквозь Гнилов лес; его гибкое и пластичное тело каким-то чудом огибало встречные деревья. Ложные веточки, чешуйки,

похожие на опавшую листву, бугорки в виде шишек: все это ходило ходуном — демон дышал.

На горизонте, словно отморозенный палец покойника, выростала черная башня. Обереги под гимнастерками шевелились и глухо потрескивали: должно быть, отец Васимар был прав. Шанс и вправду есть. Ведь дошли же! Осталось немного поднажать. Осталось самую малость...

— Ты не обязан этого делать, Адриан.

Капитан чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда буквально из ниоткуда возник Ене Радиццош, старший шоршеткалок.

— Отец наш... — в голосе капитана смешались уважение, страх и ненависть. — Ты? Здесь!? А... Кажется, я начинаю понимать.

Мыреш достал свои топоры и приготовился к бою.

— Мыреш! Ручной степняк нашего бравого командира. Опустит топоры, соломеннобородый. Я не хочу причинять тебе боль.

Мыреш сделал рывок и тут же упал: его голени с сухим треском крутанулись в разные стороны.

— Обуви! Наше мастерство — навык филигранной работы и волшба. Нам подвластны пути и судьбы. Неужели ты думал, что можешь всю жизнь править в Чизмеграде единолично, капитан?

— О чем ты, Радиццош? — Адриан нарочно не стал говорить «отец наш». Какой же он — «наш», мерзкий выродок, защитник ведьм?! — Я только и делал всю жизнь, что поддерживал порядок в городе, передавал преступников в крепость совета — вашим мастерам-палачам. Я пахал, как раб-каторжанин. О какой власти ты говоришь, предатель?

— Не притворяйся дураком, Адриан. Ты еще больший дурак, чем пытаешься казаться! Ты стал перетягивать на себя сутану власти, возомнил себя военным правителем, стал вести себя как отец-вседержитель. Назревал бунт, я это чувствовал!

Так вот оно что! Какой чудовищной и нелепой оказалась причина этой короткой, но кровавой войны. Шоршеткалоки, с каждым годом становившиеся все дальше от народа, решили вернуть собственный авторитет, пожертвовав авторитетом стражи.

— Сукин ты сын! И все это ради того, чтобы удержать проклятушую власть? Ты жалок... Скольких жертв можно было избежать! Даже твоих любимых ведьм можно было спасти!

— Ты не понимаешь... Они ДОЛЖНЫ были захватить город, а я должен был его СПАСТИ. И тогда народ снова поверил бы мне, все было бы по-старому. Я столько лет потратил, чтобы найти к ведьмам подход. Воцарился бы мир, пусть и не без жертв с обеих сторон.

Адриан зарычал, сделав решительный шаг навстречу мастеру-шорсеткалоку. Радищлош сделал легкий пасс рукой, и капитан застыл на месте.

— Обувь! Твои сапоги я сшил вот этими вот руками. Каждый лоскуток кожи помнит мои прикосновения.

— Ты предал свой народ! Как же Хозяйка болота? Что будет, когда она заберет руки слепца?

— Каждый получит по заслугам! — шорсеткалок улыбнулся. — Я сошью сапоги из кожи каждого стражника, будь уверен! Конечно, многие из совета встанут на вашу сторону, но что они такое перед лицом силы, победившей смерть?

Радищлош был многословен. Яд и пафос сочились из него словно сок из раненной березы. Старик все говорил, говорил...

Адриан молился про себя, чувствуя, как обереги наливаются силой. Попробовал пошевелиться — сапоги будто приросли к шкуре демона под ногами. Но руки! Руки снова слушались.

Адриан запустил ладонь в промежуток между пуговиц на гимнастерке, и, резко выхватив револьвер, нажал на спуск.

В морозном воздухе выросло облако порохового дыма. Шорсеткалок завалился набок. Лицо его выражало удивление и скорбь. Старик вздохнул пару раз и, набравшись мужества, умер.

— Мать твою! Ай! — крикнул Мыреш, когда его ноги с резиновым звуком приняли привычное положение. — И почему я не удивлен, черт возьми?

Адриан ничего не ответил. Сейчас он почему-то испытывал жгучую обиду от того, что он — капитан Дьекимович — столько лет служил совету верой и правдой, а его обвинили в подготовке бунта. Беспочвенно обвинили.

До жутковатой башни оставалось несколько сот шагов. Адриан припустил быстрее, но вдруг почувствовал, как обереги под шинелью нагрелись и загудели. Он обернулся: из «зарослей» ложного кустарника на него смотрели две рыжеволосые девчушки. Они что-то шептали, и от этих слов Мыреш застонал и упал на колени: из его глаз, носа, ушей и рта хлынула кровь.

— Прекратите, маленькие чудовища! Хватит! — Капитан выхватил два револьвера. Как и всякий вояка, Адриан привык к убийствам, но вот убивать детей ему до сих пор не приходилось. — Прекратите! Не заставляйте меня!

Мыреш орал дурняком! Его глаза, и без того все время выпученные, сейчас грозили вылезти из орбит.

— О, Небо высокое! — капитан тяжело вздохнул.

Курки револьверов щелкнули, раздались два выстрела, и два маленьких головы разлетелись кровавыми брызгами. Легкие тела едва слышно ударились оземь.

Старшина бросился на помощь степняку, но было уже поздно. Огромный белобрысый мужчина лежал на спине, кусая кровавую пену.

— Мыреш! Мать твоя — задница, жопа — твоя голова. Ну почему!? Почему ты не взял обереги у архижреца?

— Ко-кол... — в груди степняка клокотало. — Колдовство! Нам... Нельзя. Всемогущий Конь-Великан его исп... Испугается и не даст себя оседлать на пути в последнее пристанище. Но... Умирать страшно, капитан. Выполнишь мою последнюю просьбу?

Адриан упал на колени рядом со степняком.

— Постараюсь.

— Поцелуй меня, капитан. В губы. — Мыреш слабым движением утер кровь с лица. — Пожалуйста... Всего один поц... Поцелуй. И я умру спокойно.

— Ты из этих... Так ты...

— Любил тебя всю жизнь. И сейчас люблю. Как же горько оставлять тебя одного! Но я... Я слышу стук копыт, капитан. Последние мгновения, пожалуйста...

Пересиливая себя, капитан нагнулся и крепко прижался губами к холодеющим губам шелудея. Степняк немного подался вперед и тут же обмяк. Кожей лица Адриан почувствовал его последний выдох.

Капитану хотелось заплакать, развалиться на части, лечь и умереть. Но он чувствовал, что до решительной победы остался последний рывок. Еще немного поднапрячься и, возможно, большая беда обойдет многострадальный Чизмеград стороной.

Проверив запасную пару револьверов, капитан уверенно зашагал в сторону башни.

* * *

Черная башня, похожая на высушенный крючковатый палец, не имела дверей и окон. Вход зиял непроглядным мраком, недвусмысленно намекая на то, что гостей здесь не ждут и никогда не ждали.

Адриан достал из котомки Сердце демона — сейчас оно горело ровным голубым светом — и немедленно шагнул в темноту.

Вверх вела неширокая винтовая лестница. Капитан неторопливо брел по ступеням, в одной руке сжимая верный револьвер, а в другой держа светящийся шар. Он вслушивался в каждый звук, но не слышал ничего кроме собственных шагов. Пусто.

Каждые несколько десятков ступеней заканчивались широкой площадкой. Здесь сохранилась мебель, было множество предметов повседневного быта, вдоль стен высились книжные стеллажи. Здесь жили и, должно быть, когда-то были счастливы.

Адриан уже было отчаялся кого-то здесь найти, как вдруг наверху кто-то истошно заорал. Судя по голосу, кричал мужчина.

Капитан пулей метнулся вверх, не жалея натруженных ног, не чувствуя тяжести в воспаленных легких.

На крыше стоял зарешеченный сарай. Сквозь металлическую сетку виднелось лицо старого знакомого. Слепец! Рядом с ним суетилась эфемерная фигура, казалось, сотканная из самой тьмы. Она деловито потянула пленника за руку и одним выверенным движением оторвала ему кисть.

— Брось, тварь! Брось! — Адриан дважды выстрелил, но пули не причинили чудовищу видимого вреда.

Черная фигура зыркнула на капитана провалами пустых глазниц и улыбнулась багровым беззубым ртом. Все так же небрежно тварь с явным удовольствием отгрызла себе ладонь и приладила на культю пятерню слепца. Хрустнуло, обескровленные пальцы зашевелились.

— Я — буду смерть! — прокричала Хозяйка болота.

Адриан снова прицелился и нажал на спуск. Тяжелой пуле оставалось всего ничего до цели, когда тьма рассыпалась на сотни навозных жуков. Насекомые непроглядной тучей взметнулись в воздух, на мгновение заслонив собою вялое зимнее солнце. Они сделали несколько кругов над башней, да и унеслись прочь.

Капитан метнулся к клетке. Слепец был все так же жалок и отвратителен. Усевшись на подстилку из грязной соломы, калека баюкал культю, жалобно подвывая.

— А я говорю, что от тебя будут одни проблемы! — капитан несколькими уверенными пинками проломил деревянную стенку клетки.

— Она говорила, что пощадит тебя, твоих спутников и больше никогда не тронет город, если я отдам хотя бы одну руку! Я не мог не отдать! Не мог! Я хочу жить. Пожалуйста, забери меня отсюда. У меня есть амулет-проводник. — Слепец достал из кармана своего рубища широкую щепку, испещренную символами. — Пришлось прогрызть себе палец на ноге, чтобы сделать заговор на крови... Я только на крови колдовать умею... Назови имя города, и амулет нас выведет!

Адриан с омерзением принял щепку у слепца и, подставив сильное плечо, помог калеке подняться на ноги.

— Я отдал ей только одну руку! Она не сможет гасить жизнь. Она не сможет воскрешать умерших, сможет только поднимать трупы! Это только полсилы, это другое, другое...

Слепец продолжал жалобно скулить, рассказывая о своих злоключениях.

Адриан отошел от калеки на несколько шагов и взвел курок револьвера. Слепец, услышав знакомый звук, замер, вытаращив молочно-белые глаза.

— Ты... Ты ведь не собираешься?

— Прости, мой друг, но я не могу больше рисковать.

Выстрел мгновенно сразил несчастного: большая голова лопнула, как переспелый арбуз. Осколки кости попеременно с мозгами разлетелись в разные стороны.

Адриан уже почти спустился вниз, когда демон заворочался. Верно, почуял пропажу хозяйки. Буульбааз протрубил, рыкнул, и все вокруг начало трясти.

— Чизмеград! ЧИЗМЕГРАД, курва! — Капитан в сердцах кричал на амулет.

Щепка нагревалась, указывая направление: идешь верным путем — холодная, свернул не туда — жжется.

Адриан бежал со всех ног, чувствуя, что сейчас древний демон способен если не на все, то очень на многое. Почти на каждом шагу, прямо под ногами, возникали небольшие зубастые пасти, вырастали кочки, травы и кустарники пытались впитаться в ноги. Но обереги отца Васимара до сих пор работали!

Адриан все бежал и бежал, неся и неся, пока не оказался за пределами Буульбааза. Хвала Небу, демон полз совсем в другую сторону и даже не пробовал развернуться.

Лишь оказавшись в значительном удалении от проклятого живого болота, капитан дал себе отдохнуть. Привалившись к стволу многовековой сосны, он тяжело дышал, утирая кровь с лица и одежды.

Капитан держал в руке щепку-компас. Широко раскрытыми глазами он смотрел на мир, зная, что, возможно, сегодня его последний день на белом свете. Но он не собирался дешево продавать свою жизнь: вдалеке осторожно пыхтели болотные твари, под мозолистыми пальцами патроны послушно заходили в каморы револьверов. Полтора барабана — это уже кое-что.

Егор Емельянов Последняя Стража

Оливер крался возле дома старосты. Крепко сжав зубы от напряжения, он прислушивался к каждому шороху. Их деревня была небольшой, и к своим двенадцати годам Оливер изучил ее вдоль и поперек, знал все секретные места и тайные лазы. Сестры нигде не было! Оставалось проверить лишь заросли шиповника возле дома старосты да гниющий сарай пьяницы Джока неподалеку. Абби была где-то рядом.

— Она здесь! — раздался крик Гранта возле сарая. —
Каший!

— Грант мертв, — почти сразу же крикнула Абби: кашций убивал быстро, сестре надо было лишь досчитать до трех, указывая на жертву.

Оливер чертыхнулся и крепче сжал свой меч — прутик, очищенный от мягкой коры выше «рукояти». Неудивительно, что Абби так улыбалась, вытащив камешек с «монстром» из мешка. Хуже кашция только волшебник, убивающий за секунду, но волшебника хоть победить проще.

— Нечестно! — как обычно заспорил Грант. — Ты быстро считаешь.

— Честно-честно. Лежи и не двигайся.

Теперь «Последних Стражей» осталось двое — сам Оливер и Нокс, сын мельника — глуповатый малый, но шустрый. Если договорятся, зайти с двух сторон и...

— Один-два-три! Нокс мертв!

— Как ты меня заметила? У тебя глаза на затылке, что ли?

Оливер осторожно выглянул из-за угла и быстро осмотрел поле боя. Грант и Нокс лежали неподвижно, лишь вздымалась от дыхания грудь, да Грант, как обычно, изредка покашливал.

— Выходи, Оли, — крикнула младшая сестра. — Убью тебя, и пойдем уже на реку мальков ловить. Ты обещал!

Прижавшись спиной к гнилой стенке сарая, Оливер отчаянно шевелил мозгами. Чтобы убить «монстра», надо сорвать с Абби красный платок, вот только в отличие от других монстров, кашций сам выбирает, где этот платок повязать. Он может даже спрятать его под одежду; но ведь Абби — девочка! Что теперь делать?

Оливер вернулся к дому старосты, поднял с земли увесистый камень и со всей силы бросил его в окно. Звон разбитого стекла казался громче колокола в городской церкви. Зато после установилась такая тишина, что Оливер слышал, как стучит его сердце.

Вначале казалось, что ничего не произойдет, но в итоге из глубины дома послышалась отборная брань, разбитое окно громко распахнулось, и на землю посыпались остатки дорогого стекла. Из окна выглянул староста и быстро оглядел окрестности. Заметив Абби, он сердито нахмурил седые брови. Старик уже явно был не в том возрасте, чтобы бегать за детьми и махать розгами, но вот побраниться и пожаловаться он был горазд.

— Да что ж вы творите-то, окаянные! Куда родители смотрят? Абби, где твой отец?

От неожиданности Абби растерялась, сделав шаг назад под напором кричащего старика, замотала головой.

— Это не я. Я же просто... это не я.

— Уж я до кузницы его дойду, все выскажу. Уж он-то тебе уши надерет. И про то, что яблоки у меня воруете, расскажу, и про то, что вечером песни горланите.

Последние вещи явно делали Logan и его дружки, было глупо обвинять в этом десятилетнюю Абби, но та от несправедливости будто потеряла дар речи и лишь молча качала головой. В это время Оливер выскочил из укрытия и бросился к сестре прямо сквозь заросли шиповника, не обращая внимания на порезы. Увидев его, Абби удивленно открыла рот и хотела что-то сказать, возможно, начать считать до трех, но Оливер резко дернул рукой, и прутик ударил ее по щеке, заставил осесть на полуслове. Повалив сестру на землю, Оливер тут же сорвал красный платок с ее шеи. Порезы на его руках и ногах жгли и кровоточили, рубаха местами порвалась, но Оливер тут же вскочил на ноги и, улыбаясь до ушей, поднял «меч» над головой.

— Ага! — крикнул он. — Победа!

— Чертовы дети, — сказал староста, закрывая ставни, — все твоему отцу расскажу.

Однако ворчание старика не могло омрачить радость Оливера. Гранд и Нокс подошли к нему, хлопая по плечу и одобрительно кивая, лишь Абби продолжала лежать на земле. Оливер заметил, что ее плечи мелко дрожат.

— Абби, ты чего?

— Дурак, — пытаюсь скрыть слезы, Абби зажала ладошкой тонкую красную полоску на щеке, — больно же.

Вскочив на ноги, девочка побежала в сторону отцовской кузницы.

— Абби, я... я не хотел, — сказал Оливер, но сестра не слышала его. — Прости меня.

— Девчонки, что с них взять, — заметил Нокс. — Давай, Оли, теперь ты монстром будешь.

— Я только за Последних Стражей играю. Я не монстр.

В этот момент Оливер понял, что все еще держит сделанный из прутика «меч» над головой, и стыдливо опустил

руку. За спиной он услышал мерзкий, блеющий смех и обернулся.

— Что, скириец, геройствуешь? — осклабился Логан; его дружки поддержали вожака новой порцией смешков.

— Я имперец, Логан, такой же, как и ты. Мы все здесь имперцы.

— Ты меня с собой не ровняй, скирийская мразь. Валите лучше обратно на юг к своим виноградникам и не портите нашу сильную кровь.

— Я так низко, Логан, не нагнусь, чтобы с тобой сравняться. А кровь твою портят не скирийцы, а nepотребства с овцами.

Стоящий рядом Гранд охнул, а Нокс тихонько захихикал. Логан же побагровел лицом и бросился было на Оливера с кулаками, но приятели придержали, и один из них, Дуги, что-то шепнул на ухо.

— На язык ты бойкий, полукровка, — Логан смачно плюнул Оливеру под ноги. — А как с мечом?

— Ему еще четырнадцать лет нет, нельзя ему с мечом, — тихонько вступился Грант.

— А хавальник свой поганый открывать можно?

Логан был всего на три года старше, но вырос высоким и крепким не по годам. Он вошел в тот возраст, когда позволялось трудиться наравне со старшими; работа в шахте сделала его мышцы тугими, похожими на толстые канаты. Только дурак мог выйти с таким один на один. Оливер дураком себя не считал и примирительно поднял руки.

— Слабак, — процедил сквозь зубы Логан.

— Чего еще ожидать от сына шлюхи и труса? — Добавил Дуги с едкой улыбочкой.

Оливер резко перевел взгляд на Дуги, скрипнул зубами.

— Что ты сказал?

— Горцы похищают только шлюх, так моя ма говорит, — ухмылка Дуги стала еще шире. — Потому твою мамашу и утащили, а ее нет.

— Раздвинула ноги перед скирийцем, — добавил Логан. — Шлюха и есть.

Ногти впились в ладони Оливера — так крепко он сжал кулаки! Мгновение он смотрел прямо в жестокие глаза Логана, после чего тихо и вкрадчиво произнес:

— Давай свой меч.

Все вместе они пошли в дому Мердока, отца Дуги. Говорят, когда-то давно Мердок был славный мальчик, все девки по нему сохли, пока он не сходил на войну три года назад и не вернулся с богатой добычей и без одного уха. Он никогда не рассказывал о войне, просто стал много пить и изредка разговаривать с самим собой. В хорошие дни он помогал жене и учил всех желающих держать щит и орудовать мечом. В плохие дни просто сидел на крыльце с бутылкой, глядя в никуда запавшими глазами и игнорируя ползающих по нему мух.

— Нам нужны тренировочные мечи и щиты, па.

Мердок ответил не сразу, несколько долгих мгновений он пытался сфокусировать взгляд на сыне.

— Кому нам?

— Логану и Оли.

Мердок отрицательно покачал головой, и Оливер вышел вперед.

— Я хочу, это мое решение. Дайте мне чертов меч.

Пьяница ничего не ответил, но махнул рукой в сторону дома. Дуги скрылся внутри и вскоре вернулся с двумя деревянными мечами и парой круглых щитов. К тому времени новость пожаром облетела всю деревню и вокруг собралось порядочно зрителей. Было даже несколько взрослых, но они ничего не говорили, только смотрели.

Щит был тяжелым и слишком большим; Оливера отбросил его в сторону, чем вызвал смешки и издевки со всех сторон. Он взял меч двумя руками и встал так, как ему показывал дядя пару лет назад. Увидев это, толпа разразилась новыми шуточками, а Логан осклабился:

— Красиво встал, полукровка. Ляжешь тоже красиво, как твоя мамаша?

Оливер ничего не ответил. Он знал, что не сможет победить, пусть даже дядя и показал ему в свое время ему пару приемов. Логан был выше, сильнее, лучше вооружен и лучше подготовлен. Но с самого Освобождения и по сегодняшний день Последняя Стража сражалась с теми, кто взмахом руки обращал города в пепел и прах, с теми, кто сильнее, кого нельзя победить. Сражалась и побеждала.

«Если шансов победить нет, то и сражаться не нужно, — говорил дядя, вернувшись с очередного похода Безземельного

Короля, — нужно валить ублюдка еще до начала и бить до самого конца».

Логан стоял спиной к Оливеру, демонстративно разминался и подмигивал девчонкам. Разделявшие их несколько шагов Оливер преодолел в мгновение, замахнулся и со всей силы нанес удар по правой голени здоровяка. Логан взвизгнул как раненая свинья, упал на одно колено и выронил меч. Не давая ему опомниться, Оливер вновь замахнулся и ударил противника по шее слева, а потом в правый бок, по руке, по спине, в живот. Краем глаза Оливер видел, как пара человек кинулись их разнимать, но Мердок им не позволил. Учебный меч был тяжелым, Оливер быстро устал, но продолжал бить скорчившегося на земле противника.

— Как ты назвал мою мать? Как ты ее назвал, ублюдок? Давай, повтори!

— Оливер..., хватит, — прошептал Логан разбитыми в кровь губами, — пожалуйста.

Замахнувшись для очередного удара, Оливер остановился, медленно опустив меч. Люди вокруг стояли в полной тишине: никто не шутил, не разговаривал и будто бы даже не дышал. Оливер бросил меч Мердоку, и пьяница кивнул ему с легкой улыбкой. Руки Оливера дрожали, дыхание сбилось, пот катился ручьями — жалкое, должно быть, зрелище, но люди расступились перед ним. Он старался идти ровно, но ноги были неестественно легкими, его слегка пошатывало. Завернув за один из домов, Оливер прижался спиной к стене, глубоко дыша.

Дружки Логана появились через пару минут, но в этот раз Оливер не стал убегать. Последние Стражи не убегают от волшебников, меч и свое мужество противопоставляя всемогущим вырождакам и их жутким тварям, что силой превосходят и десять рыцарей. Последняя Стража не отступает, а значит, не отступит и он.

Оливер отошел от стены и успел поднять руки, но это не помогло: кулак Дуги прилетел в лицо. Сильный удар — в глазах заплясали искры; сделав пару неловких шагов назад, Оливер упал на землю, больно ударившись локтем. Подняться ему не дали.

Кажется, их было четверо. Удары сыпались со всех сторон; Оливер, почти ничего не видел из-за поднявшейся

пыли. Не было смысла прикрываться, оставалось лишь кататься по земле в надежде, что очередной удар не придется в пах или в живот.

— Поднимите его.

Голос Логана, холодный и спокойный.

Оливера рывком поставили на ноги. Весь мир качался, и почему-то очень хотелось пить. Горячая струйка стекала по затылку Оливера за ворот рубахи — должно быть, содрали кожу на голове. Щекотно!

Логан медленно проковылял в его сторону, морщась от боли каждый раз, когда приходилось наступать на правую ногу. Он то и дело вытирал кровь с разбитых губ. Какие все-таки здоровущие у него кулаки! Одной рукой Логан держался за ребра, тяжело дыша. Он неотрывно смотрел на Оливера, сейчас его взгляд напоминал о собаке мельника, злющей псине с оторванным ухом. Она громко лаяла на каждого, кто приближался к мельнице, но по-настоящему пугала, когда тихо рычала и скалила зубы, собираясь укусить.

Логан улыбнулся, зубы его были в крови.

От резкого удара голова Оливера дернулась. Стало трудно дышать — нос заложило; вскоре кровь потекла по лицу и попала в рот. На вкус как железо. Оливер дернулся, пытаясь вырваться, но дружки Логана держали крепко.

Удар в левый бок. Все тело будто пронзило острой, сковывающей болью.

Удар в голову. Вспышка света в темноте. И снова удар.

— Ну как, полукровка, нравится тебе нечестный бой?

Удар в живот. Больно дышать, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Хорошо, что удавалось сдерживать слезы.

— Понравилось?

Оливер осторожно выдохнул. Стоять на ногах он был уже не в силах, как и сопротивляться, но вот поднять голову он еще мог.

— А много ли чести... драться с тем, кто слабее?

Снова удар по лицу. Уже почти не больно.

— Отпусти его, Логан, — голос Абби где-то позади, серьезный и грозный. Грозная десятилетняя девочка! Смешно...

— А что будет, если не отпущу? Что ты мне сделаешь, сопя? Наябедничаешь?

— Няябедничаю, — легко согласилась Абби. — Девчонкам с этим гораздо проще: папе своему расскажу.

Логан засмеялся:

— И почему меня должен пугать хромоногий трус?

— У Кэлума спроси — почему.

Даже Оливер невольно усмехнулся. Отец и Кэлум как-то повздорили, и вскоре Кэлум лишился руки, но все знали, что это случайность и отец тут ни при чем.

— Брешешь, сопяя. Все знают, что Кэлум в шахте руку потерял. Несчастный случай!

— Не брешет, — тихо сказал Дуги, — мне отец сказал. Такие раны получают не в шахте.

Логан зарычал и ударил еще раз. Оливер согнулся от боли, невольно застонав.

— Можешь забирать это тощее дерьмо, все равно я с ним закончил... на этот раз.

Их шаги быстро затихли вдалеке; рядом прошуршали юбки Абби.

— Больно?

Заботливая улыбка говорила, что все между ними в порядке, хотя след от удара прутиком все еще алел на ее щеке. Оливер почувствовал большое облегчение, глядя на младшую сестру, его разбитые губы невольно растянулись в улыбке.

— Нормально, — соврал он. — Дядя говорил, что надо бить до конца, но я сглапил. В следующий раз все иначе будет.

— Ага. В следующий раз они тебя убьют.

Оливер попытался встать, но Абби мягко остановила его:

— Лежи лучше. Я ведьму позвала, она придет скоро, потом домой пойдем. Я похлебку сварю! А ты отдыхай пока, тем более что как новости услышишь, точно опять упадешь.

— Какие еще новости? — поморщился Оливер. — Староста до отца дошел?

— Дошел, конечно, злющий как черт, но я не про то. Мне Грант сказал, его отец только что из города приехал, — Абби наклонилась поближе и зашептала, словно сообщала важный секрет. — Последние Стражи к нам едут. Настоящие! Сам Кроуфорд Одноглазый придет.

Кроуфорд тяжело дышал, опираясь на полторный меч, стараясь не нагружать больное колено. Его волосы, уже почти полностью захваченные сединой, были мокрыми от пота и липли к лицу, а в бороде застряли комья земли. Кроуфорду было на это наплевать. Все мышцы болью умоляли не повторять произошедшего.

Дом на окраине городка, возле которого все произошло, медленно разгорался, но никто не пытался его тушить: простые люди попрятались по своим жилищам и еще не успели поверить в то, что страшное осталось позади. Деревья в саду были сломаны или выкорчеваны, вся земля вокруг перепахана бешеными ветрами. Стена соседнего дома рухнула, когда в нее попало несколько вылетевших из земли валунов. Позади Кроуфорда мухи с настойчивым жужжанием слетались к трупам бездомной дворняги.

Восстановив дыхание, Кроуфорд огляделся в поисках товарищей.

Сивард Счастливый разговаривал с семейной парой, чей дом с каждым мгновением все больше сдавался на милость огня. Мужчина рыдал, стоя на коленях, пока его жена безучастно смотрела вдаль, нервно заламывая руки. Сивард прятал нижнюю половину лица под черным платком и оттого был больше похож на бандита, чем на Последнего Стража. Едва ли он был подходящим человеком для разговора с родителями девочки, но у Кроуфорда просто не было сил подойти к этим людям после того, как он сам указал на их дочь.

Страж Гарет сидел на большом поваленном дереве возле сломанных качелей. С мрачным сосредоточением он чистил лезвие меча. Высокий широкоплечий юноша с честным взглядом и мужественной челюстью — он выглядел как самый настоящий герой, если не считать мертвой девочки у его ног. Несчастной было лет девять или десять, а может и одиннадцать; странно, что за столько лет он так и не научился определять их возраст.

Кроуфорд медленно нагнулся, стараясь не напрягать ушибленную спину, подобрал с земли свой арбалет и медленно двинулся к Гарету. Осколки льда, оставшиеся от роя ледяных кинжалов, хрустели под его ногами, а проклятое колено болело

при каждом шаге, не давая разогнуть ногу полностью и вынуждая прихрамывать при ходьбе.

Множество слов крутилось в голове Кроуфорда, но все они казались неправильными, чужими. Когда он подошел, меч юноши блестел чистотой, но тот все равно продолжал с усилием тереть лезвие.

— Все будет хорошо, парень, — сказал Кроуфорд, поморщившись от банальности этих пустых слов. — Все будет хорошо.

Некоторое время Гарет молчал, продолжая бороться с одной ему видимой кровью на лезвии. Кроуфорд уже стал думать, что парень так ничего и не скажет.

— Ребенок, — сказал он в итоге. — Просто напуганный ребенок. Я видел страх в ее глазах. Она боялась меня, мастер Кроуфорд, даже больше, чем я ее.

— Как и все они. Вот это, — Кроуфорд жестом обвел многочисленные разрушения вокруг них, — сделал ребенок. Поверь мне, ты не захочешь встретить взрослого волшебника.

— Поэтому проще убивать детей? — Гарет все же оторвал взгляд от меча и посмотрел в единственный глаз Кроуфорда.

— Да. Она не ребенок, Гарет, она выродок. Нечеловек. И чем они старше, тем больше трюков узнают и тем опаснее и амбициознее становятся. Уже сейчас она могла повелевать стихиями и подчинять себе волю животных. Взрослая же волшебница легко поработит твой разум или просто превратит в жидкость все твои кости.

— Она боялась нас.

— Потому что пока мы сильнее. Со временем страх в их глазах исчезает, и его сменяет презрение. А потом их амбициям становится тесно в родном городке.

Вздыхнув, Гарет поднялся и убрал меч в ножны. Похлопав его по плечу, Кроуфорд направился к другому подчиненному. Отец девочки встал с колен. Сивард продолжал что-то говорить, но его жесты стали резче, правая рука покоилась на рукояти ножа. В итоге женщина пробормотала что-то и, глядя в землю, протянула Сиварду связку колец — преимущественно медных, но встречалось и серебро. Забрав деньги, Сивард оставил несчастных, отошел в сторону и, достав из поясной сумки несколько сухих черных листьев, стал крошить их себе на ладонь. Когда Кроуфорд подошел к нему, тот уже убрал с

лица свой черный платок. Больше ничего не скрывало уродливые шрамы, растянувшие лицо Счастливого Сиварда в несмыслимой жуткой улыбке. Резко вдохнув порошок из раскрошенных листьев, Страж поднял голову и встретил осуждающий взгляд Кроуфорда.

— Листья чернослеза расплавят твой мозг, если будешь дышать ими так часто.

— Какой-нибудь маг наверняка сделает это раньше, — губ у Сиварда почти не осталось, многие зубы были выбиты или сломаны. Он всегда говорил медленно и очень тихо, словно змея шипела. — Ты что-то хотел?

— Те люди дали тебе деньги. Почему?

— Девчонка не просто швыряла в нас всякое барахло и камни. Она управляла холодом и теплом! Даже сумела подчинить разум собаки.

— Да, я тоже заметил, — кивнул Кроуфорд. — Ее обучали или она смогла обучиться сама, общаясь со своим демоном. Но при чем здесь деньги ее родителей?

— Обучение требует времени, особенно если учишься сам. Ее укрывали. Наказание за укрывательство — смерть.

— А добровольное пожертвование убедило тебя, что родители ничего не знали о разговорах дочери с демоном?

— Или что она подчинила их разум. Я позволю тебе выбрать версию поубедительнее, Старший Страж. Я ведь не жадный.

С этими словами Сивард честно отсчитал половину доставшихся ему колец и протянул их Кроуфорду.

— Я думаю, ты отдашь мне все.

Сивард склонил голову на бок и вернул кольца обратно в свою связку.

— Я думаю, что не дам тебе ни хера, мистер Одноглазый.

Кроуфорд ударил резко, без замаха. Сивард не успел перехватить удар, и из разбитого носа хлынула кровь. Рука Счастливого потянулась к ножу на поясе, но Кроуфорд перехватил ее и выкрутил, вынуждая Сиварда выгнуться, открыться. Второй удар пришелся Сиварду точно в горло. Он согнулся, закашлялся и в этот момент Кроуфорд ударил его локтем по затылку. Сивард упал лицом в грязь, и Кроуфорд придавил его коленом к земле, поморщившись от стрельнувшей боли в проклятых суставах. Не давая Сиварду встать,

Кроуфорд быстро обшарил его сумку и вытащил связку колец, после чего отпустил.

Сивард перевернулся, потянулся было к ножу, но рука Кроуфорда уже сжимала рукоять меча. Лезвие слегка вышло из ножен: простое и понятное предупреждение. Глаза Сиварда сузились.

— Убьешь меня, Старший Страж? — спросил он.

— Увидим.

Кроуфорд знал, о чем думает лежащий на земле Сивард. Он разглядывал Кроуфорда, его крепкую, несмотря на возраст, фигуру, его напряженную позу, но в особенности его седые волосы и морщины. Сивард думал о том, что Кроуфорд уже не молод. Его реакция уже не та, что раньше, хватка стала слабее, удары медленнее. Но вместе с тем седина очень редкое явление среди Последней Стражи. Она означала, что занимаясь убийством магов, монстров и отступников, Кроуфорд был достаточно хорош, чтобы дожить до седых волос. В сущности, все мысли Сиварда вертелись вокруг одного простого вопроса — достаточно ли стар Кроуфорд, чтобы шансы были не в его пользу?

Рука вечно улыбающегося Стража медленно уползла с рукояти ножа.

— Виноват, Старший, увлекся.

— Сделаешь так еще раз, и я скажу, что волшебница была столь искусна, что смогла взять под контроль твой скользкий разум. Она не оставит нам выбора, понимаешь? Сивард медленно кивнул. Он был хорошим Стражем, он знал, как выживать.

Кроуфорд отнес деньги родителям девочки, но те даже не глянули в его сторону. В итоге Кроуфорд просто оставил связку колец у их ног. Соседи уже вылезли из своих домов и начали тушить разошедшийся пожар.

Работа Последних Стражей в этом городе была закончена.

Внезапно мать погибшей девочки схватила Кроуфорда за руку; ее тонкие пальцы крепко сошлись на запястье.

— Она никому не вредила, — сказала женщина, и голос ее задрожал, — наша Кирсти была хорошей девочкой. Она любила животных, пироги с яблоками, качели. Все было хорошо, пока вы не пришли.

Муж поспешил увести ее в сторону, пока она не сделала что-нибудь непоправимое.

— Собираемся, — махнул подчиненным Кроуфорд. — Еще одна деревня и сможем вернуться в Хайтгард.

Дым и крики безутешной матери провожали Последнюю Стражу.

Староста узнал о приезде Последней Стражи лишь немногим раньше Оливера, но когда поздним вечером три всадника въехали через ворота, их уже ждали накрытые столы, доверху уставленные различными яствами. По такому случаю деревенский люд принарядился, встречая гостей во всей красе. Даже отец Оливера неловко приковылял вместе со всеми, оставшись, правда, в своей пропитанной потом одежде. Оливеру было неловко это признавать, но внешний вид Стражей его слегка разочаровал. Один из них, что прятал нижнюю половину лица под платком, и вовсе был похож на разбойника с большой дороги. Второй, хоть и выглядел поприличнее, но видом был глуповат и его куда проще было представить с косой в поле, чем с мечом в бою.

Но больше всего разочаровывал легендарный Кроуфорд: почему-то только сегодня до Оливера дошло, что историям про Одноглазого уже много-много лет. Остальные ребята окружили молодого Стража по имени Гарет: тот ловким движением достал из ножен меч, а после, рассмеявшись, угостил струхнувшую ребятню конфетами. Некоторые, из тех, что посмелее, упрашивали другого Стража показать, что же он прячет под своим платком. Но Оливер весь вечер глазел на Кроуфорда и пытался разглядеть в этом сонном старике хоть тень величия. Даже татуировка Стражей, кольцом охватывающая шею каждого из них, у Кроуфорда пряталась под густой бородой. Вблизи его изуродованная пустая глазница выглядела еще жутче, хотя ее легко можно было бы спрятать за повязкой.

Когда все вдоволь наелись и знатно выпили, кто-то начал стучать по столу и хлопать в ладоши. Простой и незамысловатый мотив, известный каждому с детства: хлопок в ладоши — удар по столу, хлопок — удар, хлопок — удар. Ритм

тут же подхватили остальные, и уже через мгновение вся деревня хором затянула песню:

Крысы терзали честный люд;
Плоть или сталь — все сожрут.
Но сломались зубы этих господ —
В деревню пришел одноглазый кот.

Ты не спрячешься и не убежишь;
Ты не спрячешься и не убежишь;

Грозен и страшен у кота вид,
Повидал он много страшных битв.
Но не стоит его бояться нам,
Враг он лишь злобным грызунам.

Ты не спрячешься и не убежишь;
Ты не спрячешься и не убежишь;

Острые когти разорвут врага,
Погаснут навеки жадные глаза.
Леворукого выродок должен знать:
Ему не спрятаться и не убежать.

Ты не спрячешься и не убежишь;
Ты не спрячешься и не убежишь;
Одноглазый кот поймает мышь.

Под конец песни толпа разразилась аплодисментами и радостными криками; застучали по столу кружки. Лишь когда Одноглазый тяжело поднялся со своего места и поднял руку, все успокоились и затихли.

— Последняя Стража и я лично благодарим славных жителей Девисхила за столь теплый прием, — где-то за дальним столом начала подниматься новая волна веселого шума, но одного взгляда хватило, чтобы все снова стихло.

— К сожалению, большая беда привела нас к вашему порогу! И перед тем как устраиваться на ночлег, я хотел бы обговорить ее со старостой поселения.

В дом старосты Стражи шли в тишине. Однако даже после ухода героев народ не спешил расходиться. Внезапное празднество продолжилось. Оливер как раз намазывал варенье на третий ломоть хлеба, когда его нашли Абби с друзьями.

— И что в нем такого великого? — спросила Абби. — На вид просто старик.

— Вот дуреха, — ответил Нокс, — все же знают, что Одноглазый убил тысячи магов.

— Едва ли тысячи, — заметил Грант, — но много. Может, даже больше сотни...

— Магистр, — прервал его Оливер, задумчиво глядя на дом старосты. — Многие Стражи убивают волшебников, но Кроуфорд среди тех немногих, кто убил магистра. И единственный, кто сделал это в одиночку, в открытом бою.

— Брехня. Нельзя убить мага в одиночку.

— Из арбалета стрелять надо, прямо в жбан. И на магистра надо десятка три Стражей.

— А вот он взял и один пошел, — резко вскочил Оливер. — И победил.

Быстрым шагом он пошел прочь. Варенье больше не хотелось.

— Оли, ты чего? — крикнул Грант, но Оливер не обернулся.

Стремясь уйти как можно скорее, Оливер налетел на массивную фигуру и, подняв глаза, встретился с суровым взглядом отца.

— Я сказал тебе наколоть дров этим утром, — тяжелая рука кузнеца легла на плечо Оливера. — Дело идет к ночи, и я вижу синяки на твоём лице, видел разбитое окно в доме старосты, — рука сжала плечо чуть сильнее, — и след от прута на щеке твоей сестры. Но нарубленных дров так и не увидел.

— Пап, это же... — Оливер широко развел руки, с глупым видом хватая ртом воздух. — Последняя Стража. А тут какие-то дрова...

Кузнец нахмурился, но убрал руку с плеча сына.

— Завтра мы поговорим обо всем, что ты натворил.

Оливер нервно соглотнул и поспешил отойти. Взгляд его замер на доме старосты, на окнах с закрытыми ставнями. Три настоящих Стража внутри этого дома готовились к бою, пока

он торчал тут, намазывая варенье на хлеб, споря с детьми и извиняясь за какие-то там дрова.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Оливер подошел к зарослям шиповника. Убедившись, что никто не смотрит, он нырнул в колючие кусты и незаметно проскользнул на задний двор старосты. В самом доме все окна были закрыты, но вот дверца чердака была распахнута настежь. Нужно лишь найти достаточно высокую опору, чтобы оттолкнуться...

— Ты чего тут делаешь? — раздался позади него шепот, показавшийся в этот миг колокольным звоном. Абби каким-то образом нашла его.

От неожиданности Оливер подпрыгнул, повалив какую-то корзину со старым тряпьем. Абби чуть было не вскрикнула, но ловкая ладонь брата вовремя легла поверх ее рта. Оливер ждал, что в любой момент из-за двери может появиться Последний Страж. Но все было тихо, и в итоге мальчик с облегчением убрал руку.

— Твое какое дело, чем я тут занимаюсь? Давай, топай домой.

— Вот так, да? — надулась сестра. — За Стражами, небось, пришел подсматривать. Вот возьму и расскажу всем, что ты ночью у дома старосты отираешься. Вот прям щас!

Тем не менее, она продолжала стоять на месте. Так они и простояли, сверля друг друга взглядами, пока Оливер не припомнил тяжелую руку отца и не сдался:

— Ладно, твоя взяла. Идем со мной, но чтоб тихо и потом — никому. Ни единой душе, ясно тебе? Абби медленно кивнула и провела кончиками пальцев по прикрытым векам; это означало «Да заберут боги мой свет, коли я солгала». Оливер хотел одернуть ее и напомнить, что Единый бог старые клятвы не принимает, но в итоге просто кивнул в ответ и стал искать способ добраться до чердака.

Взглядом он обшарил двор: доски, заклепки, ведро со смолой и прочие инструменты бондаря. Глаза остановились на большой пустой бочке, в которой при желании мог бы поместиться он сам. Староста работал редко, но получал при этом, ни много ни мало, целое золотое кольцо за каждую такую бочку. Сам старик всегда говорил, что платили ему медью и нечего тут выдумывать. Вот только Оливер сам видел, как тот

за щекой золотое кольцо прятал, когда возвращался с ярмарки. Лишь Леворукий знает, где староста находил дураков, согласных золотом платить за такую ерунду.

Поставив бочку под чердачной дверцей, Оливер приставил к ней коробку с тряпьем и забрался наверх. Пустая бочка сильно качалась, но если не делать резких движений, стоять вполне можно. Подсадив сначала Абби и дождавшись, когда она заберется внутрь, Оливер подпрыгнул и ухватился за край.

Синяки и ссадины с готовностью напомнили про драку этим утром; Оливеру пришлось сжать зубы, чтобы не застонать от боли. С трудом подтянувшись на руках, он ввалился внутрь, подняв небольшое облачко пыли. Пришлось пересилить себя, чтобы не чихнуть. Боль усилилась и, тяжело дыша, Оливер привалился к стене, чтобы перетерпеть.

— Больно? — прошептала Абби, попытавшись нащупать в темноте его руку.

— Нормально, — отмахнулся Оливер. — Теперь иди за мной, но только шаг в шаг. Тут каждая вторая доска скрипит так, что на том конце деревни услышат. Абби кивнула, и они осторожно двинулись вперед. Оливер усиленно напрягал память, пытаясь вспомнить правильные доски: прошел уже почти год с тех пор как он крался по этому чердаку в последний раз.

— Восемь, десять, одиннадцать, пятнадцать, — шептал он себе под нос.

— А ты откуда знаешь-то, куда ногу ставить?

— Мы с Грантом и Ноксом сюда лазали раньше, смотрели, как жена старосты с Уилли Дубиной гольшом обжимались.

— Фу-у-у.

— Да с другой женой, с той, что потом была... недолго. Молодая которая, красивая.

— Та, что в Запретном лесу пропала?

— Да, она.

— Все равно фу. А чего, кстати, Уилли дубиной-то называли?

— А я откуда знаю? Наверное, потому что тупой был, как дерево. Его старшие девчонки так называли — у них и спроси. И перестань меня отвлекать!

Когда молодая жена старосты пропала в Запретном лесу, спустя пару дней на ее поиски отправили Уилли. Самый сильный воин в деревне, так сказал староста про тощего Уилли. И тот согласился, взял и пошел прямо в сердце Запретного леса. И тоже сгинул. Умного человека, все же, Дубиной не назовут. С тех пор Оливер и его друзья на этот чердак ни ногой — незачем было. За такое время немудрено и забыть, в каком порядке идут нескрипучие доски. Но Оливер помнил все как нельзя лучше.

Так они добрались до места над главной комнатой. Из щелей в полу просачивался свет, и в его лучах было видно, как кружатся пылинки. Было подозрительно тихо: ни звона затачиваемых клинков, ни боевых песен Последней Стражи — ничего. Лишь тихий шорох, скрипы и неразборчивое мычание.

Оливер лег на пыльный пол и прильнул к одной из широких щелей. Единственное, что он увидел, так это морщинистую руку старосты, сухую и дрожащую, которую кто-то прижимал к полу. Указательный палец был странно выгнут.

— Ну что там? — Абби легонько пнула Оливера. — Чего они делают?

Оливер не ответил. Тень накрыла руку старика, после чего кто-то разжал дрожащие пальцы и приставил гвоздь к раскрытой ладони.

— Обычно люди начинают говорить в это время, — Оливер едва разобрал слова Кроуфорда. — Предлагают деньги и убедительно лгут.

Староста ничего не ответил, и через мгновение молоток опустился на шляпку гвоздя. Старик сдавленно застонал, брызнула кровь. Оливер и раньше видел кровь, после драки или поранившись во время игры, но в этот раз все было иначе. Это была какая-то другая кровь, не такая, к которой он привык. Ее было совсем мало, и в то же время очень много.

— Конечно, вы не обычный человек. Обычный человек ни за что не согласится переправлять магов через границу, и не важно — сколько золота ему предложат. Нужно действительно ненавидеть Империю, чтобы помогать врагам всего человечества.

Еще один удар. Оливер услышал хруст и вздрогнул.

— Старый солдат, как я понимаю. Война закончилась двадцать лет назад, на вашей земле родилось и выросло целое

поколение, что считает себя имперцами, но для некоторых война никогда не заканчивается, верно? Некоторые люди просто не могут проиграть, даже когда поражение — очевидный и свершившийся факт.

Удар. Рука старосты дернулась, и наконечник гвоздя царапнул деревянный пол. Но старик не издал ни звука. Сам не зная почему, Оливер хотел, чтобы тот закричал.

— Кто помогал тебе? Где вы передавали волшебников? Назови мне имена, место; все, что знаешь.

Звонкие удары следовали один за другим, каждый следующий догонял предыдущий, и гвоздь все глубже уходил в дрожащую плоть. Сквозь этот громкий перезвон Оливер услышал короткий, судорожный всхлип. Сначала он подумал, что староста, наконец-то, нарушил молчание и лишь через несколько долгих мгновений догадался повернуть голову в сторону.

Абби лежала рядом, ее хрупкое тело била нервная дрожь. Она судорожно дышала и будто бы пыталась что-то сказать, но выходили лишь тихонькие всхлипы. Сестра продолжала смотреть.

Звон прекратился.

— Церковь настаивает на этом, на гвоздях и прочем, — услышал Оливер голос другого Стража, громкий и шипящий, словно бы говорила ядовитая змея. — Говорит, что хочет, чтобы предатели рода людского были ближе к огненной тюрьме Леворукого в земных недрах.

Оливер осторожно, стараясь не скрипнуть досками, приблизился к Абби и попытался поднять ее, но та застыла словно мертвая.

— Абби, вставай. Не смотри туда, не надо. Идем уже.

Глаза и горло Оливера защипало, воздух наполнился запахом дыма.

— Но все, что говорит Церковь — брехня. Все, чего она хочет, так это не дать предателям легкой смерти от дыма. Церкви нужна смерть от огня и страшные крики для соседей.

И староста закричал. Оливер и подумать не мог, что голос человека может звучать вот так, изо всех сил старался не представлять боль, что способна вызывать такие крики.

С трудом, но Оливеру удалось поднять Абби на ноги. Пол под их ногами становился все теплее. Слезы стекали из широко

распахнутых глаз сестры; Оливер понял, что Абби сейчас заревет в голос.

— Ты обещала мне, помнишь? — Оливер крепко прижал сестру к себе, обнял и медленно повел к выходу. — Ты поклялась вести себя тихо. А я обещал тебе пойти ловить мальков. Вот завтра и пойдем, первым делом, как проснемся.

Оливер довел Абби до дверцы, изо всех сил стараясь не кашлять, помог ей спуститься, невольно застонав от боли, когда сестра повисла у него на руках. Глаза Оливера слезились от дыма, кружилась голова, а сдерживать кашель становилось все труднее и труднее. Практически ничего не соображая, он перелез через проем и свесился вниз, ногами стараясь нащупать бочку. Опора предательски ускользала из-под ног.

Не в силах больше держаться, Оливер разжал пальцы и упал вниз. Лишь одна его нога попала на бочку, и он тут же повалился на землю вместе с ней, больно ударившись головой. Сквозь треск пламени и крики старосты плач Абби был едва слышен. Огонь разгорался, с дикой жадностью пожирая дом. Вскоре крики предателя оборвались.

Оливер с трудом заставил себя подняться, схватил Абби за руку и повел в обход гнилого сарая пьяницы Джока. Абби продолжала тихонько всхлипывать.

— Ну, ты чего реवेशь-то? Он же отступником был, понимаешь? Предал нас всех за золото волшебников. Получил, что заслужил.

Абби ничего не ответила, но плотнее прижалась к Оливеру. Идти так было неудобно, но он, тем не менее, обнял сестру за плечи. Абби почти успокоилась, когда они вышли из-за сарая и присоединились к остальным жителям деревни, столпившимся напротив дома предателя. Никто не обратил внимания на появление двух детей: все как один были зачарованы пляской огня. Каждый слышал о том, что отступников надлежит живыми предавать огню, но никто в их деревне не думал, что когда-нибудь увидит этот огонь.

Оливер смотрел вместе со всеми и чувствовал неприятный холодок внутри. Он не признался бы в этом даже под пытками, но какая-то часть его жалела ворчливого старика. Оливер все еще видел перед собой сухую дрожащую руку, из которой торчит окровавленный гвоздь, и слышал в

своей голове крики старосты, но тихие, словно раздающиеся откуда-то издалека.

«Нет, — одернул себя Оливер, — отступник получил по делам своим. Весь род людской предал за несколько золотых колец. Даже имя его не произнесу более».

Не секрет, что в горах волшебникам жилось куда вольготнее, чем в славной Империи. Горцы, эти грязные дикари, к прислужникам демонов относились с уважением, ценили их помощь в своих подлых набегах, кланялись им как королям. Неудивительно, что родившееся в Железной Империи маги старались тайком пересечь северную границу. Оливер слышал про контрабандистов, что за деньги помогали выродкам сбежать от Последней Стражи и легионерских патрулей, но никогда не думал, что кто-то из его соседей замазает руки в подобной грязи. Подлые, алчные предатели, и он делил с ними хлеб, слушал их гнилые слова — от одной такой мысли во рту появлялся гниlostный привкус, и Оливер с отвращением сплюнул в сторону.

Дом старосты стоял особняком, никто не пытался его тушить. Несколько искр долетели до сарая Джока, но сырое гнилье не загорелось бы и от брошенного факела. Когда же обваалилась крыша и огонь начал потихоньку ослабевать, Кроуфорд Одноглазый развернулся к людям.

— Милостью императора, — сказал он громко, — нам даровано право ночлега в любом доме. Однако мне бы не хотелось доставлять неудобства хозяевам. Может быть, у кого-то есть лишняя комната?

Никто не поднял руки и не подал голоса: в деревне многие жили большими семьями, когда три-четыре поколения ютились под одной крышей, и мало у кого был свободный угол. Оливер знал только одну маленькую семью в деревне.

— Мастер Страж, — он поднял руку, чтобы привлечь к себе внимание, и вздрогнул, когда пустая глазница Кроуфорда уставилась прямо на него, — вы можете переночевать у нас.

Отец ни словом, ни делом не выказал какого-либо недовольства в адрес гостей. Но Оливер чувствовал напряжение в его взгляде и не мог понять причины. Разве

каждый день появляется возможность принимать в своем доме Последних Стражей?

— Благодарю за ваше гостеприимство, мастер, — сказал Кроуфорд и протянул руку.

— Можно просто Финн, — ответил отец, обмениваясь со Стражем крепким рукопожатием.

— Спасибо вам, мастер Финн. Редко когда люди приглашают нас в свой дом.

— Боятся, что мы увидим их маленькие секретки, — прошипел Страж по имени Сивард и подмигнул Оливеру.

— У нас никаких секретов нет, — ответил Оливер, взглянув прямо в глаза Стражу с черным платком на лице. — Нам бояться нечего.

— У всех есть секреты, юноша, — улыбнулся Кроуфорд и дружелюбно похлопал Оливера по плечу. От его хлопков поднялось небольшое серое облачко. Только тут Оливер заметил, что их с Абби одежда вся грязная и покрыта пылью с чердака старосты.

— И всем есть чего бояться, — добавил Сивард. — То, что ты не знаешь секретов твоего отца, лишь означает, что он умеет их прятать.

Лицо отца осталось абсолютно спокойным, и он жестом пригласил Стражей пройти вглубь дома. Гости, оставив оружие у входа, проследовали за ним и вошли в гостиную, осматриваясь по сторонам. Взгляд Кроуфорда, однако, зацепился за круглый металлический щит. Большой и невероятно тяжелый, весь покрытый вмятинами и царапинами, он висел на стене, сколько Оливер себя помнил.

— Хороший щит, — сказал в итоге Кроуфорд, проводя пальцами по неровной поверхности щита. — Сколько?

— Не продается, — ответил отец.

— Вопрос был не о цене.

Отец тяжело вздохнул перед ответом:

— Четырнадцать, прежде чем я перестал считать.

Оливер недоуменно покосился на отца, но тот не стал давать никаких объяснений, и оставалось только гадать, что значит эта цифра. Кроуфорд же понимающе кивнул и отошел от щита.

— Я уже видел такие щиты, — сказал Сивард. — Очень давно. У тех, кто носил их, были и хорошие мечи, большие и острые, из скирийской стали. А здесь только щит.

— Меч тоже был. Я перековал его в гвозди.

— Скирийскую сталь? — подал голос третий страж, Гарт. — В гвозди?

— Получилось добротнo, — пожал плечами отец. — Я их потом при строительстве новой комнаты использовал. Кстати о ней: Абби, достань из сундука в моей комнате одеяла для наших гостей. Мы постелем им в комнате вашей матери.

Абби не ответила даже кивком, но в итоге вышла из комнаты и пошла куда велено. Тяжелое молчание, казалось, можно было пощупать.

— Нечасто встретишь свободную комнату в деревенском доме, — сказал в итоге Страж Гарет. — В моей семье мне было сложно даже минуту побыть одному.

Отец вздохнул и медленно захромал в сторону кладовой.

— Я строил ее пару лет назад, когда жена носила под сердцем третьего ребенка. Совсем недолго, живот еще даже не начал толком округляться. Она говорила, что я слишком спешу с постройкой, но я не мог удержаться. Как-то раз уехал на день в город, взял с собой Оливера и Абби, задержался с ними на ярмарке. Когда мы вернулись, все уже закончилось и горцы были далеко. Ничего нельзя было сделать. На следующий день я продолжил делать пристройку — надо чем-то занять руки, чтобы держать пустой голову. Молоток все же лучше бутылки.

Никто ничего не ответил. Оливер же будто впервые увидел своего отца. Он все еще оставался хромым кузнецом и тем, кто приказывает нарубить дрова, запрещает ходить по краю Запретного леса или приручить лисенка, но ко всему этому будто добавилась новая сторона, новая грань. Они с Оливером вместе потеряли человека, которого любили, но Оливер никогда не задумывался о том, как отец переживает из-за этого. Он всегда казался таким стойким и нерушимым, что легко было забыть одну очень важную вещь: он все же человек.

Отец дошел до кладовой, вытащил оттуда бутылку медовухи и несколько жестяных кружек.

— Может быть, добрые Стражи желают выпить на сон грядущий?

Стражи выразили согласие, и отец поставил на стол четыре кружки, наполнив каждую до середины. Мужчины сели за стол и взяли себе по кружке, но пить никто не стал.

— На какой войне ты повредил свою ногу, мастер Финн? — поинтересовался Кроуфорд, когда отец присоединился к ним за столом. — Судя по всему, это далеко не царапина.

— Вместе с братом я прошел несколько военных кампаний, — отец, прервавшись на мгновение, бросил быстрый взгляд на Оливера, — но лишь в качестве кузнеца. Ногу я повредил уже здесь, года три тому назад. Случайно уронил наковальню. Благо местная ведьма смогла меня подлатать: вышло не так уж и плохо, только при каждом шаге кажется, что в ногу гвоздей насыпали.

— Три года назад? — задумчиво повторил Кроуфорд. — Как раз тогда ваш наместник созвал ополчение, не поделив западные границы с соседом.

— У вас хорошая память, мастер Кроуфорд.

— Ту войну сложно забыть. Я слышал, наместник забирал в армию едва ли не каждого, кто был старше двенадцати, делая исключения лишь для стариков и калек.

— Да, стариков и калек наместник благоразумно оставил в покое.

Оливер почувствовал жгучее чувство стыда и опустил взгляд. Три года назад в деревне почти не осталось мужчин, только старики, дети и его отец. Многие мужчины потом вернулись с трофеями и рассказами о славных битвах, а все, что его отец мог рассказать, так это как гвозди да подковы ковать.

— Человек такой силы определенно мог бы сослужить добрую службу наместнику в его войске, но видимо у Единого бога были другие планы на тебя, мастер Финн. Все же наковальня не такая уж незаметная штука и падает нечасто, особенно у опытного кузнеца.

— Неисповедимы пути Создателя, — ответил отец.

— А что касается тебя, молодой человек? — Кроуфорд мягко улыбнулся Оливеру. — Не думал о военной службе в имперском легионе? Или собираешься продолжить дело отца и стать кузнецом?

Оливер заставил себя посмотреть прямо в лицо Одноглазому и глубоко вздохнул, как будто собирался нырять в

глубокую реку. Пути и замыслы Создателя воистину неисповедимы и возможно все, что произошло в этот день, было неспроста. Оливеру казалось, что он видит, как тысячи нитей «если бы» и «может быть» сплетаются воедино, чтобы дать ему редкий шанс.

— Я хочу стать Последним Стражем, — выпалил он и вскочил со стула: тот с громким стуком упал позади.

Улыбка Кроуфорда растаяла, а все его лицо будто сковало льдом. Голос Стража стал недружелюбным, с подобными интонациями он еще совсем недавно разговаривал с отступником.

— Вот значит как. Последняя Стража.

— Хочешь быть таким же красавчиком, как дядя Сивард? — с шипением спросил другой Страж, приподнимая свой черный платок. Оливер не удержался и взглянул на него.

Нижнюю часть лица Сиварда будто частично стерли: обрывки губ и кожи не могли спрятать осколки оставшихся зубов, и на первый взгляд казалось, что Страж широко улыбается.

— Вот из-за этого меня и прозвали Счастливым.

Увидев, как мокрый язык Сиварда скользит по остаткам человеческого рта, Оливер с трудом удержал в себе еду.

— Такого будущего ты для себя хочешь? — строго спросил Кроуфорд, поднимаясь со своего места и возвышаясь над Оливером, словно грозовая туча. Вслед за ним поднялись и другие Стражи, лишь отец продолжал сидеть и смотреть на Оливера прямым, жестким взглядом. — Хочешь отдать все и не получить ничего взамен?

— Ты сможешь убить человека? — спросил Страж Гарет. Его голос был тихим, словно ветер прошелестел в опавшей листве.

— Да, — Оливер посмотрел в лицо Кроуфорду, прямо в жуткую пустую глазницу. — Если есть какое-то испытание — я готов.

— Нет никакого испытания, только старый Страж у ворот. Но, может быть, нам нужно хотя бы одно. — Одноглазый взмахом руки указал на выход из дома, где Стражи оставили свое оружие, — Гарет, принеси мой арбалет.

Отец вздрогнул, его кулаки обрушились на стол, и тот жалобно затрещал.

— Довольно! — сказал он и поднялся.

Сивард змеей проскользнул ему за спину. Выхватил неизвестно где прятавшийся до этого нож и приставил его к горлу отца.

— Если ты хоть немного дернешься, — рука Сиварда как будто и не двинулась, но на коже под лезвием ножа появилась красная полоска, несколько капель крови побежали вниз, — то тогда немного дернусь я. Понятно?

— Мастер Кроуфорд, — Страж Гарет нерешительно поднялся, его голос был тихим, сдавленным, — может быть...

— Арбалет, Гарет!

Оливеру казалось, что его сердце ударило лишь раз, а молодой Страж уже вернулся с арбалетом.

— Держи. — Кроуфорд отдал Арбалет Оливеру. Хоть тот и был одноручный, чтобы дать возможность Стражу держать во второй руке меч, Оливеру пришлось держать оружие двумя руками. — Эту руку сюда, этой придержи здесь, смотреть вот сюда. Старайся, чтобы получилась прямая линия между этими тремя точками и плавно нажимай на спуск. И не дрожи. Хотя с такого расстояния не промахнешься.

— Не промахнусь во что?

— Абби! — крикнул Кроуфорд и Оливер ощутил, как внутри него все холодеет. — Иди сюда. Нет смысла прятаться: вижу край твоих юбок за дверью. Давай же, не заставляй меня идти за тобой.

Она вышла. Спина неестественно прямая, шаги маленькие, в больших широко распахнутых глазах стоят слезы, руки сложены на животе, пальцы нервно переплетаются.

Кроуфорд взял ее под руку, подвел поближе к Оливеру и велел замереть в пяти шагах от него.

— Стой здесь, — сказал он Абби, и слезы беззвучно покатались по ее раскрасневшимся щекам.

— Абби, — крикнул отец. Оливер обернулся на голос: красная полоса на шее отца стала шире, кровь текла немного сильнее.

— Тихо-тихо. Ты же вроде умный мужик, — прошипел Сивард и легонько похлопал отца по щеке. — Вот и делай умную вещь — сиди спокойно.

— Страж Оливер, — сказал Кроуфорд, и когда Оливер медленно повернул голову в его сторону, пальцем указал на Абби. — Убей волшебницу.

— Но она не волшебница! Это, должно быть, какая-то ошибка!

— Мастер Кроуфорд, я думаю, что...

— Молчать! Думаешь, мы приехали в вашу глушь ради одного отступника? Мы — Последняя Стража, те, кто убивают волшебников. И она — одна из них. Выродок.

Оливер посмотрел на Абби. Маленькая, дрожащая девочка, его сестра.

— Этого не может быть. Вы ошиблись.

— Последняя Стража не допускает ошибок. И я, Последний Страж, Кроуфорд Одноглазый, говорю тебе, что эта девочка связана с демоном.

Мысли смешались в голове Оливера. Мелькнула надежда, что все это просто испытание, но тяжесть арбалета в его руках была вполне настоящей, как и острота арбалетного болта.

— Подумай сам. Признаки магии незаметны, но очевидны, если присмотришься. Готов поспорить, она всегда знает, где тебя найти.

«Ты чего тут делаешь? — раздался позади него шепот, показавшийся в этот миг колокольным звоном. Абби каким-то образом нашла его».

— Честь и мораль ничего не значит для волшебников.

«Наябедничаю, — легко согласилась Абби».

— Они знают и видят вещи, которые не могут знать или видеть.

«Как ты меня заметила? У тебя глаза на затылке, что ли?»

— И они все испытывают страх перед Последней Стражей. Хотя каждому известно, что праведникам нет причин нас бояться.

«Ну, ты чего реवेशь-то? Он же отступником был, понимаешь? Предал нас всех за золото волшебников».

Абби молчала, лишь тихонько плакала и смотрела на него, даже не пытаясь оправдываться.

— Олли... — сказала вдруг она.

Оливер нажал на спуск плавно, как ему говорили.

Щелчок.

Болт вылетел в сторону Абби, но не достиг цели, упав возле ее ног.

Тишина стояла несколько тяжелых мгновений. Абби перестала плакать, зачарованно глядя на арбалетный болт у ее ног; Оливер вслушивался в прерывистое дыхание сестры. А потом она закричала. Так, как кричал староста, когда огонь пожирал его плоть. Так, как человек никогда не должен кричать.

Отец резко схватил руку Сиварда, держащую нож, вывернул, и, ударив Стража локтем в лицо, бросился к дочери. Боли в ноге он словно не чувствовал, двигался быстро. Никто не пытался его остановить. Схватив Абби, отец унес ее в малую комнату, ни разу не взглянув, даже мельком, на сына.

Кроуфорд забрал у Оливера арбалет.

— Она не волшебница, — сказал он.

Оливер почувствовал, как кружится голова и слабеют ноги.

— Но вы же сказали... Она делала все, что вы говорили.

— Она просто твоя младшая сестра. Это не делает ее виновной в чем-либо.

Оливер перевел взгляд на арбалет Стража.

— Повредил спусковой механизм в бою этим утром. Не было времени и нужды чинить.

Чувствуя, как где-то внутри зияет бесконечная пустота, Оливер пошел в малую комнату. Дверь была приоткрыта. Отец стоял на коленях перед Абби, спиной к двери, и держал ее в своих объятиях, пока она вцеплялась в его могучую спину и громко рыдала, уткнувшись в крепкое плечо.

— Абби, я... я не хотел, — сказал Оливер, но сестра не слышала его. — Прости меня.

— Уходи, — сказал отец.

— Но я...

Отец повернулся, и впервые Оливер увидел его слезы.

— Пошел прочь!

Ошарашенный, Оливер сделал шаг назад, вышел из комнаты и закрыл дверь.

— Я не монстр, — прошептал он.

— Не обманывай себя, — проходящий мимо Сивард похлопал Оливера по плечу. — Мы те, кто мы есть, приятель.

Следом за Сивардом из дома вышел Страж Гарет. Последним хромал Кроуфорд. Оливер поднял голову.

— Это было испытание. Вы сказали, что это испытание. Я прошел его?

Кроуфорд потер морщинистый лоб перед ответом.

— Я не знаю, парень. Я правда не знаю.

Он ушел и закрыл за собой дверь. Абби снова закричала.

Оливер вернулся в гостиную, без сил привалился к стене и медленно опустился на пол. Абби кричала еще несколько раз за ночь, но потом успокоилась и затихла.

В темноте остались только Оливер и тишина.

Дмитрий Костюкевич | Роман Придорогин

Полные реки

1.

Мертвые лежали в домах, мертвые лежали на улицах и площадях Авиньона, мертвые плавали в Роне.

Свинцовые лица со впалыми глазами поднимались к небесам, но молитвы беспомощно жалили грязную изнанку. Смерть села в крови, легких и потрохах несчастных,

склоняла обезображенные наростами-язвами головы, опускала сухие руки, припудривала глаза стеклянной пылью.

— Папа слег, — шептали на улицах: то ли мертвые, то ли еще живые. — Папа слег и не может встать. Его кровать смердит, будто ночной горшок. Наши дни сочтены...

Город стонал, костлявые пальцы тянулись вверх. А внизу были крысы, легион голодных тварей, ждавших эпидемии, как грешники второго пришествия...

И дождавшихся.

* * *

Мор пришел в Европу с Востока. Великий шелковый путь привел его в Крым, откуда он отплыл под парусами итальянских судов.

Зима 1347—1348 годов обнажила жуткий недуг крупных портов южного побережья; наросты уродовали тела покойников на Корсике, Сардинии и Балеарских островах. Течения Средиземного моря играли кораблями, на борту которых не было ни одной живой души.

Хворь словно следовала движению солнца. Она не щадила ни людей, ни животных. Мертвых овец сгребали в кучи и жгли прямо на полях, чтобы тела не достались птице и хищному зверю.

Чума пришла, когда в крупных городах уже не хватало еды — три дождливых лета приравняли хлеб к золоту, — поэтому высокой смертности многие нашли свое объяснение. Вот только скоро скудные урожаи убирать стало некому; косцы и жнецы, которых не забрал мор, ломали огромные цены, не страшась даже королевских штрафов за лихоимство.

Чума скакала из города в город, словно исполинская блоха. За несколько месяцев осквернила Италию, почти всю Францию (в ноябре 1347 она появилась в Марселе), Арагон, Наварру. В январе 1348 года зараза уже хозяйничала на улицах Монпелье.

В марте хворь принялась опустошать Авиньон...

2.

Меня зовут Жоэль Маланфан. Я — генеральный инквизитор Франции. Родился в 1293 году в опутанном виноградниками Бордо... Впрочем, это не имеет значения. Разве что поможет отыскать надгробную плиту над моими останками, если их соизволили отдать земле и накрыть камнем, а не предать огню. Да и это видится мне невозможным, столь же маловероятным, как и вы — читающие мои записи спустя века в мире с широкими дорогами, проложенными поперек болот и могил.

Читатель моего посмертного будущего, надеюсь, ты разбираешься эти строки в добром здравии, а мир вокруг не задыхается от трупного смрада разлагающихся тел. Надеюсь, вы победили ужас моего времени.

...В Авиньон мы въехали на рассвете.

Тяжелые мысли крались за мной и моей свитой во время пути из столицы. Одного из воинов, Бедара, мы оставили в лесу в половине лье от городских ворот. Он до последнего скрывал кровоточащие опухоли под мышками и в паху. Нож Венсана, смею надеяться, принес Бедару облегчение, а не вверг в темные пучины.

Рона по левую руку производила поистине гнетущее впечатление. Я видел такое и раньше: трупы забили реку. Их было так много, что некоторые возвышались над водой, как прокаженные святые — куски плоти, сваленные друг на друга, омываемые ядом, жидкой смертью. Полные реки... Отравленные и смердящие.

Под стать реке был и город: полузаброшенный, пропитанный истекающими в землю ядами, которые теперь поднимались зловонными испарениями. Живые люди больше походили на тряпье; тряпье перекачивал ветер.

Моя страна...

Болезнь распозалась по Французской равнине; зараженные угасали в муках за две — три ночи, кому-то хватало и половины дня. В пути нас настигли слухи, что смерть распахнула ворота Сен-Дени, парижской коммуны.

Что это? Проклятие или неведомый доселе недуг, древний родственник оспы, тифа, холеры? Кто в нем повинен? Человек или дьявол? Что может взойти на раскаленных солнцем улицах, в протоках бегущего по брусчатке дерьма, в нищете, страхе и одержимости?

Парижский епископ, духовный глава города, до которого, возможно, уже дотянулись щупальца мора, месяц назад наделил священников неслыханным правом по окончании исповеди отпускать грехи всем, кроме должников. Прощение от его имени. К такой щедрости не было никаких посылов — ни в энцикликах, ни в папских буллах. Хворь была еще за порогом, но жалкий старик уже принялся готовить город к небесам...

Всевышний, если загоняешь ты нас в подземные стойбища, как овец, нужны ли тебе слова, распроданные за бесценок, скатившиеся по замызганным рясам?

Робость и излишнее смирение парижского епископа напомнили мне одного еретика из Монмартра, небольшой деревни ниже Парижа. Я казнил крестьянина за слова (небеса, тогда у меня не было сомнений в их порочности!), возмущающие простой народ. Он говорил, что «отпущение, имеющееся в христианском мире, близится к концу, и поэтому, если какой-нибудь человек придет к исповеди и отпущению грехов, то будет освобожден от грехов, если же он и не придет к исповеди, то все равно получит отпущение».

Мои спутники спрятали лица за повязками: по совету хирурга мы следовали этой сомнительной мере предосторожности.

В Авиньон меня позвал Папа Климент VI, Пьер Роже де Бофор-Тюренн. Корона незамедлительно ответила согласием: государю было не до религии. Проблем, которые предполагали мое личное присутствие в Авиньоне, центре католического мира, мне не раскрыли. А обещанную беседу с Папой мог посчитать компенсацией за «путь во тьме» только мечтательный идиот, но никак не пятидесятипятилетний человеческий обломок, которого волей судьбы закинуло так высоко. Но казна по-прежнему пополняла мой кошель, а парижский парламент признавал определенные права и влияние после того, как в 1329 году Филипп Валуа объявил в указе, что все герцоги, графы, бароны, сенешали, уездные и земские судьи, кастеляны,

приставы и другие судебные чины обязаны повиноваться инквизиторам и их комиссарам.

Мы въехали на Площадь Часов и пустили лошадей аллюром.

Я сразу же заметил человека в тяжелом плаще с капюшоном. Он появился из проулка возле ратуши и двинулся к фигуре распятого Христа за опрокинутой оградкой церкви. У креста он на секунду-другую приостановился, склонил голову. За ним выростало серое здание дома Всевышнего: высокий щипец крыши, барочное завершение башни на главном фасаде, культа недостроенной колокольни...

На голове прохожего не было шляпы с широкими полями, лишь капюшон, но не признать в нем чумного доктора мог лишь слепой или безумец. Клювастая маска и темный конус глухого балахона, в котором плыл человек, были излишне красноречивы.

Чумной доктор.

Вот как следовало облачаться инквизиции, чтобы внушать еще больший страх.

Маска в форме птичьего клюва защищала — на что надеялись сами доктора — от порченного воздуха. От чего она точно оберегала, так от болезненного смрада. Некоторые помещали губку с ладаном в ноздри и уши.

Доктор словно хотел, чтобы я увидел его и проследил взглядом. Своим появлением из теней подобно вору, остановкой под гипсовым распятием, небрежной легкостью походки.

Мои чувства отзывались на малейшие сигналы его движений, на детали одежды, едва ли достаточно глубокие, чтобы произвести столь сильное впечатление. Ни удаляющаяся процессия флагеллантов, публично бичующих себя кожаными плетями в надежде на слезы Всевышнего, ни папские жандармы на противоположной стороне площади не завладели моим вниманием. А человек в плаще и маске буквально приковал.

Не спуская глаз с идущего к церкви врача, я направил коня в обход сваленных в кучу столов. Лавки мясников и зеленщиков были брошены, перевернуты, облюбованы мертвецами и воронами. Ни криков зазывал, ни запахов снеди. Городской рынок превратился в кладбище, как и все вокруг.

И тут я услышал голоса: обрывки дыхания и боли. Кто-то жалобно стонал внутри церкви. В этот момент чумной доктор переступил порог и исчез в затемненном провале входа, куда не попадали солнечные лучи.

Различить число стонущих голосов я не мог. Чудом казалось уже то, что ветер вообще донес до моих ушей хоть какие-то звуки.

Я усмехнулся своей настороженности. К ней не было никаких предпосылок. Врач в маске вороны тоже слышал голоса и поэтому...

Внезапно стоны оборвались.

Я остановил своих спутников жестом. Фигура чумного доктора стояла перед глазами, несмотря на то, что я уже довольно долго вглядывался в сумрак центрального входа. Изнутри не доносилось ни звука. Тихие шаркающие шаги, вероятно, придумал мой возбужденный мозг.

Почему меня взволновал этот врач?

Хочу сказать, что никогда не разделял веру в то, что разносчиками болезни являются птицы, веру, из которой и родился костюм доктора. По дороге к площади мы видели двух или трех египетских божеств, на которых, несомненно, были похожи доктора сего скорбного времени... Впрочем, громко называя их «докторами», я всего лишь хочу избежать путаницы: кому, как ни мне, знать, что квалифицированные доктора ничем не могли помочь прокаженным, а пропитанные воском и камфарой плащи и маски с клювом надевали волонтеры...

Так что же заставило меня остановиться?

Мистик оставался спокойным. Этот шарлатан ничего не чувствовал. Впрочем, чувствовал ли он что-либо кроме монет, перекочевавших в его кошель из королевской казны? Все остальные просто делали свою работу — дрались, исцеляли, — он же играл роль ведуна. Если бы не прихоть Папы, видящего пользу в фигурах эзотерического толка, я сжег бы этого лицедея вместе с теми, кого обличал его перст.

Все молча ожидали моего приказа. Люди и кони устали. Они стояли посреди умирающего города и чувствовали тяжелые удары его больного сердца.

Я в который раз повернулся к притихшей церкви и увидел, что на меня смотрит маска вороны. Она проступала из темноты проема, так же, как и сжимающая трость рука,

затянутая в черную перчатку. По роду своей службы я знал «секреты» чумных докторов. Внутри жезла, который служил для соблюдения дистанции с прокаженными, помещался ладан, чтобы... отпугивать нечистую силу.

Глаза доктора прикрывали стеклянные вставки, их в свою очередь скрывали густые тени. Едва заметной капелькой света на невидимой издалека нашейной цепочке блестел поммандер, шкатулочка для ароматических трав.

Я обратил внимание, что наполненный лекарственными травами клюв странно отражает свет — резкими, яркими бликами. «Птичья» часть маски была изготовлена не из черной кожи или ткани. Так отбрасывает свет бронза.

Бронзовый клюв говорил о состоятельности врача... Но что ему надобно здесь? Возле церкви без прихожан? Смертельный риск, которому подвергались доктора, требовал значительных денежных компенсаций...

Мы смотрели друг на друга какое-то время — во всяком случае, я смотрел на чумного доктора.

А потом загадочная фигура — точнее, маска и рука с тростью — скользнула в жирную тень портала. Утонула в темноте.

— Вы видели? — спросил я у своих людей. — Чумной доктор. Там. В церкви.

Никто не видел.

— Проверьте внутри. Я слышал стоны.

— Господин, зачем рисковать понапрасну? — сказала Оже, хирург. — Там даже стены пропитаны ядом...

Я остановил его взмахом руки.

— Проверьте!

Денган и Венсан, два моих лучших солдата, спешили и направились к церкви, то и дело переступая через покойников.

Они вернулись с рассказом о мертвых послушниках и мирянах, устилающих мозаичный пол, о тяжелом смраде разложения, который, казалось, вот-вот выдавит пыльные витражи, глаза...

— Ни одной живой души, — сказал Венсан.

Тогда я послал Оже, который принес странные (но отнюдь не удивившие меня) вести: два послушника были теплыми. Они умерли совсем недавно. Несмотря на жаркую погоду, внутри дома божьего было достаточно прохладно, и тела быстро

отдавали тепло камню. Ума не приложу, чего стоило Оже касаться через тонкую перчатку чужой плоти, не моей или свиты, как подразумевали его обязанности, а холодной плоти авиньонских мертвецов. Страх передо мной? Или уважение? Я давно разучился различать эти чувства на лицах собеседников.

Двое несчастных почтили под расписанными библейскими сюжетами сводами церкви... возможно, незадолго до моего приказа войти внутрь.

После визита чумного доктора?..

Я тронул поводья, и мы продолжили путь. К Папскому дворцу.

Чтобы услышать о спасителе и убийце из уст епископа.

* * *

Внешне Папский дворец почти не отличался от крепости: высокие стены с узкими оконцами, дюжие стрельчатые арки, широкие бойницы. Внутри же гость попадал под власть настенных украшений, золота, фресок, шпалер.

Дворец складывался из двух зданий: из Старого дворца, работы по которому были закончены шесть лет назад при Бенедикте XII, и незавершенного Нового.

Молодой священник с раболепным выражением лица провел меня до высоких дверей, которые окаймляли два солдата. Внутри зала, вопреки ожиданиям, меня встречал епископ Авиньона.

— Генеральный инквизитор Маланфан! Рад, что вы добрались. Проходите, прошу.

Лицо епископа походило на залежавшуюся на солнце оливу. Он вывалился из кресла, опираясь на посох с утолщением из резного серебра в верхней части, и без энтузиазма пожал мою руку. Взаимно.

Я осмотрел великолепный просторный зал, состоящий из двух совмещенных больших залов. Стены покрывали чудесные фрески Маттео Джованнетти, в углах сваялись тени.

— Вы, видимо, разочарованы, не застав здесь Папы? — спросил епископ.

— Если его пресвятейшество отвлекли важные дела... — Я замолчал. — К чему лукавить. Я ожидал встречи с Папой.

Старый церковный бюрократ нетерпеливо повел посохом. Его словно раздражала скромность повседневной палки, которая, в отличие от богослужебного посоха, не была украшена драгоценными камнями и инкрустациями.

— Время маленьких ожиданий прошло, — сказал епископ, — мы все молимся о великом свершении. Избавлении от кары Божьей, прощении истинно верующих.

— Разумеется.

— Его нет в городе, Маланфан. Вы будете иметь дело только со мной. Присаживайтесь.

Я опустил на запоздало предложенный стул.

— Он отправился в Париж? — спросил я после паузы.

— О нет. — Епископ задумался, взвешивая: делиться или нет, и, если да, то какой частью правды. — Что ж... Наверное, вы должны знать. Столько лет идеальной службы... да... Климент Шестой в своем имении рядом с Валенсией. Его состояние вызывает... хм, некоторые опасения. Он заперся в комнате, постоянно поддерживает огонь.

— Он...

— Бойтся инфекции. Желая найти причину болезни, перед отъездом приказал вскрывать трупы, пойдя против канонического права. — В водянистых глазах читалось мнение епископа: чушь!

Я скрестил на груди руки.

— Вряд ли это можно назвать излишним. Мы практически ничего не знаем о «черной смерти»...

Епископ яростно ударил кулаком по подлокотнику.

— Она — кара Господня! За похоть и грязь души!

Повисло молчание. Я слабо кивнул, чувствуя себя паршиво, и сказал:

— Реки. В них кидают тела...

Епископ нахмурился.

— Тоже приказ его пресвятейшества. Упрекнуть хоть какие-то решения Папы было бы дерзостью. Он освятил реку, превратив ее в «чумной ров». Несчастных свозят туда телегами. Те, кто еще может...

* * *

Когда старик перешел к причинам моего визита, я испытал облегчение.

— Я хочу, чтобы вы нашли одного... человека, — сказал он.

Я ждал. Меня всегда просят об одном: найти и покарать.

— Мне нужен некий чумной доктор. — Слова епископа застали меня врасплох.

— Его имя? — сухо спросил я, чувствуя растущую ледяную опухоль в голове.

— Мне неизвестно его имя. Не утруждайте себя усмешкой, Маланфан... Я прекрасно знаю, сколько лекарей в inferнальных масках можно откопать в большом городе... Но этот врач, он *выделяется*... не только клювом из желтого металла и неуловимостью призрака...

— Приметы? Кто-нибудь видел его без маски?

— Нет, — устало сказал епископ; помолчал, глядя на свои сморщенные руки, а потом заговорил.

А я его внимательно выслушал.

Рассказ старика в подпоясанной малиновым поясом сутане отдавал уличными слухами.

Чумного доктора видели в разных частях Авиньона. Он появлялся словно из ниоткуда, чтобы зайти в дом, спуститься под мост или наклониться к харкающему кровью бродяге, а потом исчезал. Иногда его сопровождал темнокожий помощник.

Чумной доктор оставлял после себя бездыханные тела или чудесным образом отводил хворь в сторону.

Исцеленные путались в словах и чувствах, талдычили о свете, чуде и раскаянии. Мертвецы упорно молчали. Случайные свидетели шептали о мистицизме и фантоме.

И, разумеется, все это очень не нравилось Церкви.

— На земле есть место только одному спасителю, — яростно изрек епископ. — Отцу небесному!

«И только одному убийце, — опустошенно подумал я. — Инквизиции».

— Я хочу, чтобы вы нашли и уничтожили этого еретика!
— продолжил он. — Кем бы он ни был.

«А чего хотел Папа, когда звал меня сюда?»

— Без суда? — спросил я.

— Именно!

К концу беседы епископ сделался злым и рассеянным, даже испуганным.

— Недавно мне показалось, что я видел его во дворце, — прошептал он, когда мы прощались. — Маланфан, найдите его...

3.

В заднюю дверь постучали. Как было условлено: три удара, пауза, два удара.

Высокий худощавый человек, которого звали Суфиан, открыл неподатливую дверь.

— Вы раньше, мессир.

Доктор прошел внутрь. В комнате с низким потолком горели свечи. Тяжело пахло пряностями.

— Только немного яиц и ломоть хлеба, — оправдываясь, сказал Суфиан. — В этом городе царствует страх, а он не способствует торговле. И остаток вина.

— Этого достаточно, Суфиан, — успокоил доктор.

— Вас ищет некий человек из знатного рода. У него заболела единственная дочь. Он обещает щедрую награду за ее спасение.

— Ступай к нему. Проверь и осмотри больную. Нам нужно поостеречься.

— Хорошо, мессир.

Подойдя к столу, доктор отломил кусок хлеба. Сжал в кулаке.

— Монахи не заплатили. — Стоя спиной к Суфиану, доктор опустил капюшон и снял бронзовую маску. — Закрой плотнее дверь.

Доктор потер вспотевший лоб.

— Впрочем, не заплатили и прихожане, — сказал он.

— Отчего же?

— Бубонная рука старухи прибрала их раньше. Некому было заплатить. Иди, Суфиан.

Доктор присел на край кровати. Снял длинный, пропитанный воском плащ. Дотронулся до изуродованного лица. Воспоминания всколыхнули мутную заводь памяти...

«Поиск истины всегда труден и жертвенен. Особенно божьей истины, — напутствовал его, молодого и несмышленного, отец. — И предаю я тебя объятию судьбы с тяжелым сердцем. Но так случилось, и я знаю об уготованном тебе пути. Иди же, отправляясь в дорогу, но помни о семье, о том, что мы всегда будем ждать тебя».

Незаметно подкралась дремота. Сквозь тонкую ткань сна проступали образы: доктор видел умирающих людей. Они молили о спасении, они отрекались от всего дурного, они отчаянно жаждали лишь одного. Жить, вопреки всему. Он не раз видел, как чума превращала эту жажду жизни в мучительную смерть.

Хоровод лиц с вызревшей и давшей губительные плоды болезнью. Сколько их было? Десятки, сотни, тысячи?

А сколько спаслись? Лишь отсрочили неизбежное? То, от чего не уйти. Никогда...

Условленный стук в дверь.

— Мессир! — Суфиан тяжело дышал. — Вы оказались правы. Только усопшие не говорят о вашем приезде.

Врач поднял голову, ожидая разъяснений.

— Нам нужно покинуть город. Епископ ищет вас.

— Я не уеду отсюда, — сказал доктор, — прежде чем Всевышний не укажет мне иное. Что девушка?

— Она при смерти. Все явные приметы болезни.

— Отправляемся. Сейчас же.

* * *

Дом знатного и богатого человека всегда отыскать легче. В том числе и смерти.

Служанка впустила их в дом.

— Спасите моего единственного ребенка, молю вас! — В глазах разжиревшего сановника притаились слезы. Много слез. — Моя плата будет безмерно щедр!

— Не я исцеляю и не я умерщвляю, — сказал доктор. — На то воля Божья. Я лишь проведу ее к нему.

— Все, что угодно. Любые средства. — Слезы стекли по щекам сановника.

Доктора проводили в спальню.

— Оставьте нас, — сказал он.

— Она кашляет кровью, — причитал отец, закрывая за собой дверь. — Господь милосердный...

Следы крови на постели. Жар. Доктор дотронулся до лба бредящей девушки.

«Слишком поздно?»

Доктор взгляделся в изможденное страданием лицо. Так юна. Давно он не испытывал жалости к больным. К людям.

Он склонился над кроватью.

— Назови свое имя, дитя.

В ответ — булькающие хрипы. Ужасные хрипы.

— Дай Всевышнему узнать тебя. — Он взял ее за руку. Горит. Ускользает в небытие. — Отзовись Богу!

Девушка разлепила сухие губы, прошептала едва слышно:

— Эльза...

— Вот и славно, Эльза. Встань в согласии с Богом!

Тишина. Слышно, как в трубе осыпается сажа. За дверью — звуки шагов.

Незаметно лицо девушки меняет выражение. Уходит страдание, уходит боль. Так юна и красива. Трагедии жизни еще не успели осквернить ее лик.

Глаза больной закрыты. Поднимается и опадает грудь.

Доктор разбил вместилище духа и повел Эльзу к свету...

* * *

Доктор с трудом поднялся на ноги. Нестерпимо жгло руку.

— Суфиан!

Мужчина взял доктора под руки, помог выйти из спальни.
В глазах отца стояла мольба.

— Будет жить, — бесцветно пробормотал доктор. —
Будет.

— Слава тебе, Господь милосердный, волею твоею
свершилось чудо! Чудо, не иначе как акт божий! Как
благодарить вас за спасение?

— Не надо лишних слов. Плата вам известна.

4.

Пружина задних конечностей распрямляется,
выстреливая тело блохи к новой пище. Миг — полет. Она
седает шею жирной крысы и жадно прокалывает хоботком
теплую кожу.

Крыса. Ее плоть уже заражена.

Блоха истошно впивается в больное тело.

Зоб полон множащейся смерти.

Блоха испытывает перманентный голод. Она не может
насытиться.

И снова жертва — бродячая собака. Сквозь комья
свалявшейся шерсти, на пути к вожделенной трапезе. Кровь.
Так сладка, так навязчива. Голод ведет к цели. Насытиться,
наполнить брюшко жизнью.

Голод не унимается. Он растирает внутренности в пыль.
Донимает однообразием исчерпывающего зноя. Зноя голода.
Самого страшного из всех возможных. Он требует
удовлетворить похоть обладания чужой кровью. Зов,
довлеющий над всем. Западня, откуда нет выхода.

И снова крыса. Короткий путь, удобное место, прокол. И
жажда, усиливающаяся с каждым новым глотком.

Но что это?

И снова голод. И снова жертва.

И тут возникает он! Присутствующий пока лишь тенью,
краешком сознания. Но уже сбежавший из сладкого небытия.
Здесь же в обыденности свой мирской путь удобнее начинать с

меньшей твари. Это он знает наверняка. Блоха на краткий миг становится ему матерью.

Вдоль стены — много тел. Много футляров для Падшего.

Он выбирает самого гибкого и сильного, того, кто умер от ножа, не от хвори. Покойник в кожаной маске с прорезями для глаз и рта — такие надевают лошадам... такие надевают должникам, прежде чем пустить кровь.

Блоха прыгает на труп и зарывается в свежую рану. Глубже, глубже, глубже...

Где-то далеко скрипят колеса груженной трупями телеги, ветер чахнет в переулках и вонючих тупиках. Над мертвецами пируют мухи, некоторые вынуждены кружить над черными волнами собратьев, в ожидании освободившегося местечка.

С земли доносится рваный хрип...

Судорога ломает тело, бросает на стену. Скрюченные пальцы бьются о камни, разгибаются, заползают в забитую грязью и насекомыми щель.

Покойник в маске встает на ноги и поднимает к небу голову. Глаза в прорезях маски не живые, но они видят.

* * *

— Закрой ставни, увалень, — сказал трактирщик. — И не забудь про засов.

Слуга шаркающей походкой поспешил исполнить указания.

— Месье? — обратился, вернувшись.

— Чего тебе? — спросил трактирщик.

— Вы правда не боитесь?

— Чего? Заразы?

— Черной смерти. В переулках лежат мертвые. Сегодня в церкви...

— Что? — Трактирщик поморщился. Он был пьян. — Что в церкви?

— Вошли внутрь, — почти шепотом сказал слуга, — а там все мертвы. Хворь съела.

— А мне плевать! Меня беспокоит то, что мы вынуждены закрываться раньше положенного. И допивать прокисшее вино. Кстати, это скажется и на твоём заработке.

Трактирщик засмеялся. Смех перешел в кашель.

— Месье?

— Прибери все. И отваливай ко всем чертям. Без тебя тошно.

Осушив бутылку вина, трактирщик повалился на лавку.

— Черт бы побрал эту заразу. И чего мне теперь — закрыться до лучших времен? Или вылавливать клиентов в Роне? — Мысль доставила ему радость. Трактирщик зашелся в приступе рычащего смеха. — А что? Налью им за меньшую плату! Буду их благодетелем! Кто еще удосужится обсуживать покойников? — Он снова закашлялся. — Черт! Где ты шляешься, бесовское отродье?

Слуга не ответил. Слова трактирщика гулко покатались по пустой харчевне.

— Пора спать, — выдохнул трактирщик и через минуту захрапел.

— Трактирщик, — тихо позвал кто-то, возле самого уха, словно прожужжал. — Эй, трактирщик.

— Черт, — сквозь сон пробормотал трактирщик.

— Трактирщик, дай мне приют на несколько ночей.

Трактирщик резко сел.

— Это ты, жалкий увалень? Зачем вернулся? — Его голос дрогнул. Он понял, что ошибся.

— Не надо обидных слов, трактирщик, — сказал незнакомец. — Мне нужен лишь кров.

— Изыди, дьявол!

— Что, впрямь?

— Да кто же ты? — Трактирщик всмотрелся в темноту.

— Мне нужен ночлег, — насмешливо повторил незнакомец.

— Я не сдаю комнат. Где ты? Зачем прячешься? И как сюда попал? Погоди... — Трактирщик возился с лампой. Зажег, поднял. — Что с твоим... лицом? Ты болен? Дай рассмотреть поближе.

— Не утруждай себя. — Незнакомец приблизился, стягивая кожаную маску.

— О Боже правый... Что это? И не лицо вовсе... Кто ты? Ты не человек...

— Увы, но ты прав. Меня зовут Абарий. А хочешь узнать свое имя?

— Мое... имя? — поперхнувшись, переспросил трактирщик.

— Да. Твое имя — покойник. Иначе — мертвец, лучшая участь которого — сгнить в земле.

Трактирщик дернулся и повалился на пол.

— Изыди, дьявол! Изыди в подземь! Изыди!

Темные губы незнакомца растянулись, обнажая зубы-стилеты. Он пригнул на трактирщика, повалил на пол и впился в искаженное страхом лицо. Несколько глотков — и в теле несчастного не осталось крови. Абарий облизался.

— Зови меня просто — Падший.

* * *

Ранним утром Авиньон разбудил предсмертный шепот умирающих. Страшная повседневность. Не осталось ни одной семьи, которую несчастье обошло бы стороной. Все явственнее витал в воздухе тленный дух. Убийственный запах разлагающихся тел, которые не успевали предавать земле даже в общих могилах. Авиньон утопал в смердящем предвкушении новых жертв.

В предрассветной дымке зачумленного города появились двое. Они двинулись быстро, избегали площадей и подворья. В ремесленном переулке повернули к Роне. Вчера по приказу епископа в устроенных запрудах ловили умерших. Мортусы, ловко орудуя крюками и жердями, вытаскивали из Роны разбухшие тела. Могильщиков набирали среди осужденных. Отчаянные лиходеи опасного времени. Епископ пошел наперекор Папе, объяснив, что «даже чумные рвы время от времени надо чистить».

Где-то вдалеке слышался разговор сонных жандармов. Две фигуры спустились к лодке. Бесшумно опустили весла. Над рекой стоял тропный запах.

— Больна вся семья, — проговорил Суфиан, растирая сухие листья в порошок. — Если бы не ваше зачатье, и мне не миновать сей страшной участи. Их дом пропитан миазмами заразы.

— Ты верен мне, — сказал доктор. — Всевышний знает о твоей службе.

— Когда вчера я побывал у них, то... Не уверен, что к нашему приходу хоть кто-то еще будет жить. Но если все обернется удачно, наш доход будет солидным.

Суфиан налег на весла. Над рекой стелился туман. Облокотившись на борт, доктор позволил разуму короткий сон.

В молчании причалили к обрывистому склону. На холме возвышался двухэтажный дом в окружении дворовых построек.

Их ждали. На этот раз не было ни слез, ни криков, ни мольбы.

— Бери все золото, — прохрипел рыжебородый дворянин, глава некогда большой семьи. — Я хочу жить.

Суфиан остался в гостинном зале. Растер новую порцию порошка. Не спеша вдохнул.

Взяв за руку хозяина дома, доктор осветил их путь. Сегодня он делал это вопреки желанию. Рука так и стремилась выскользнуть из влажной хватки недостойного. Но вот — дорога открыта.

— Что мне делать? — испуганно спросил рыжебородый.

— Будь чистым, — выдохнул доктор. — Отставь прочь злобу, что тебя гнетет.

* * *

В безвременье услужливо царила пустота. Нечаянно воздвигались миры и столь же нелепым образом рушились. Перемежались рукотворные судьбы рас, народов, иных пресловутых гоминидов. Творился Хаос, являющийся не чем иным, как разрушенным Порядком, и господствовал Порядок — усмиренный Хаос. Небытие плавно перетекало в скоротечное бытие, чтобы тотчас обратиться вечностью. Во мраке,

мгновение назад бившем ярким светом, мерцали мириады человеческих жизней. Еще мгновение — и больше нет ничего. Лишь соревнующееся с прошлым будущее. И ничтожное настоящее, скромно прозябающее на обочине мимолетной данности.

Всполохи наделенной образами действительности озарили их лица.

Доктор и его подопечный молча созерцали естественные процессы мироздания.

Распростертая душа чумного больного раскинулась в окружающем пространстве. Безмятежно творился Божий акт.

— Я стал иным. — Голос больного показался доктору комариным писком. — Я всех простил. За все. Молю дать возможность искупить грехи на земле.

Доктор молчал.

Ломались ветки Древа Жизни.

— Я буду творить добро. Я раздам все до последней монеты. Я буду прославлять Господа.

Ствол Древа с треском расщепился пополам.

Доктору стало неловко. Он по-прежнему молчал.

— Буду терпеть любые лишения. Стану смиренным и кротким. Прошу лишь жизнь...

Разрушенное Древо рухнуло совсем рядом. Доктор выдохнул. Так и должно было случиться...

* * *

Суфиан склонился над доктором. До сознания долетали отголоски слов слуги. Доктор открыл глаза.

— Ваши приступы участились, мессир. Вам нужен отдых.

Приподнявшись на локтях, доктор посмотрел на тело рыжебородого.

— Он нам уже не заплатит, — сказал Суфиан. — Нужно спешить, мессир.

* * *

Повозка остановилась недалеко от рыночной площади.
— Мессир, откажитесь... — упрашивал слуга. — Утром вы были так слабы.

— Не мне решать, Суфиан.

— Я просто обеспокоен.

— Благодарю тебя. Кого мы ждем?

Под порывом ветра затрепетала штора. Доктор выглянул наружу.

Мимо пробежал испуганный паренек со сжатой в руке полудохлой курицей. Вдалеке в переулке послышались озлобленные крики. Из-за угла здания показалась фигура в темной маске. Доктор отпрянул назад. Незнакомец остановился, повел головой, словно принюхивался.

«Абарий, — подумал доктор. — Только не сейчас, когда я истощен».

Суфиан приказал трогаться.

— Это был Падший, — проговорил доктор.

— Тот, кто оставил шрам на вашем лице? Но кто он? Сатана?

— Падший. И больше ничего.

Жизнь человека можно сравнить со вспышкой молнии на небосводе. Ничто-вспышка-ничто. Никогда не повторяется этот ветвистый свет. Как и жизнь человеческая.

Всплывая из небытия, спустя короткий миг человек обреченно опускается туда обратно. Навсегда. Падший может проделать это бесчисленное множество раз. Он усомнился в божественном мироздании и теперь бесцельно блуждает между жизнью и смертью.

Абарий уже был рядом, шагал возле повозки.

— Рад снова увидеть тебя, доктор, — сказал Падший. — С нашей последней встречи минуло достаточно времени, но ведь вспоминаешь меня, глядя в зеркало?

— Боль давно ушла.

— Но гложет месть?

— Всевышний дал мне сил не предаваться низким страстям.

— Всевышний? — усмехнулся Падший. — Все так же следуешь его воле? Даруешь спасение?

— К чему пустые разговоры.

— Открою тебе один секрет, доктор. Ты ведь проводник?

— Если угодно.

— Значит, проводник. — Лицо Абария насмешливо скривилось. — Тогда до встречи. Закончим разговор в ином месте.

5.

— Переулки на окраинах полны мертвецов. Их попросту некому хоронить, — пожаловался трактирщик слуге. — Если так пойдет и дальше, я буду сливать свое пойло в сточную канаву.

— Во всем повинен Папа, — раздался в харчевне голос Падшего.

Глаза слуги испугано перебегали со странного гостя в маске на хозяина.

— У всеми чтимого Папы есть книга об искусстве чародеев, — продолжил Падший. — Однажды двое клеветов вопреки приказанию решили удовлетворить любопытство и раскрыть запретную книгу. Посему они, не помня себя, прочли одно из правил дьявольского искусства. Тотчас явились перед ними ангелы сатаны, вид которых привел юнцов в полное безумие. Они умерли, не проронив ни слова, а сонмы ангелов адовых расплозились по свету. Ведь Папа — и есть посланник сатаны!

Молчание нарушил порыв ветра, хлопнувший дверью.

— Где он... — Слуга обвел взглядом харчевню. — Исчез.

Кто-то глухо засмеялся в потемках зала. Тут же умолк.

В дверях стояла старуха. Она протягивала руки и тихо стонала. Лицо трактирщика искажил страх. Он пошатнулся, кружка упала на пол и разбилась. Слуга перекрестился и отпрянул в сторону. Старуха с воем бросилась вперед и, поймав изуродованными руками трактирщика, выдохнула на него миазмы черной смерти...

— Спроси ее о враче! — сказал я.

Леруа попытался. Закованная в чумные колодки (папская булла обязывала выставлять их на каждой улице) старуха смеялась и сыпала сдобренными слюной бессмысленными словами.

— Ачих чурум хайм, — произнес беззубый рот.

— Кто-нибудь понимает, о чем толкует эта курва? — спросил я.

— Нише сагат рууд.

— На каком языке она треплется?

Леруа пожал плечами, хотя я был уверен, что он понимает даже жабье кваканье.

Мистик, все это время изучавший старуху, прикрыл ладонью глаза и закричал:

— Я вижу! Она — ведьма!

Я сел на приставленную к стене трактира пустую бочку. Усталость и раздражение давили на глазные яблоки изнутри. Меня уже тошнило от этого города и его тайн.

Чумной доктор ускользал от меня и моих людей уже дважды. Мы потеряли его след у церкви Сен-Пьер, в другой раз — он просто вошел в здание суда и исчез. Всегда на дюжину шагов впереди, не человек — отражение, которое пытаешься схватить в зеркале. Его удачу, неуловимость можно было назвать чудом — или объяснить собственным проклятием.

— Ведьма! Выкидыш Ада!

Я поднял взгляд на сухое изломанное тело, извивающееся в колодках. Кровавая мокрота, отеки размером с апельсин под мышками и на шее. Иссущая боль и жар.

Так угасал бы Бедар, не упокой его в лесу Венсан. Изошел бы кровью, потерял бы в весе фунтов сорок — словно топором отхватили ногу.

— Она просто сумасшедшая, — сказал я. — Полумертвая сумасшедшая старуха.

— Нет, — оскалился мистик. — Она больна не только телом... В ней поселилась тьма!

— К чертям, — пробормотал я. — От жара у нее путается сознание.

«Ведьма» перестала смеяться, обратила ко мне свое сморщенное лицо и произнесла на французском:

— Меня поцеловал Падший. Теперь я его невеста! Пляшите!

— Господин... — позвал Богэ, сжимая в руке нож. Он ждал приказа.

Я же ждал слов мистика. Если бы тот сказал что-нибудь о проклятии небес, если бы начал уверять, что ведьму надобно немедленно придать огню, вырезать сердце или что-то еще, я бы... приказал отпустить старуху.

Но чертов фигляр молчал. Смотрел на женщину в колодках деланно испуганными глазами.

«Одной больше — одной меньше...»

Я кивнул Богэ, коснулся своего горла, провел под адамовым яблоком линию.

Солдат кивнул в ответ, двинулся к старухе. Пламя костра на секунду превратило лезвие его ножа в длинный оранжевый язык.

6.

Туман с Роны, поднимаясь, растекался по улицам. Можно было подумать, что сонмы душ дезертируют из отравленных вод. В таком нетрудно заблудиться, потерять дорогу, вернуться к заваленной трупами набережной вместо того, чтобы бежать как можно дальше...

Они — генеральный инквизитор Маланфан, воины Богэ, Венсан, Леруа, Монетт, хирург Оже и мистик Шамэ — ввалились в очередной коридор меж опустевших домов в надежде приблизиться к постоянно ускользающему чумному доктору хоть на несколько шагов.

Теплый и сырой смог висел над Авиньоном.

Маланфан, тяжело дыша, осмотрел улицу. Ни Денгана, нырнувшего сюда несколько минут назад, ни бронзовой маски с клювом не было видно. Зато появилась другая маска — кожаный чехол с прорезями для глаз и рта.

Незнакомец вышел из подворотни, остановился и повел закованной в кожу головой, словно приплюсываясь. Затем он резко повернул лицо в ту сторону, куда, судя по всему, ушел преследуемый Денганом врач, и двинулся «по следу» быстрым шагом. Его и Маланфана разделяло расстояние в десяток строений.

— Эй! — крикнул инквизитор, делая Богэ знак.

Абарий, кем без сомнений являлось существо в котарди с набивным рисунком и маске-шлеме, не повернулся, не остановился.

— Стой! Именем инквизиции!

Ничего.

По правую руку от Маланфана оказалась короткая улочка — оттуда появился Абарий минутой ранее.

В конце проулка на размокшей земле лежало что-то похожее на огромную кучу объедков: серо-красное, с осколками костей, покрытое мухами и крысами.

Инквизитор осознал, что смотрит на останки Денгана. Мороз подрал по коже, к глазам прилила кровь.

— Останови суку, — приказал Маланфан.

Богэ наложил на тетиву стрелу, поднял лук, прицелился.

Стрела попала в подколенную ямку и вышла через колено. Абарий пошатнулся, почти упал, потом развернулся к инквизитору и его поредевшей свите.

— Ты убил Денгана! — выкрикнул инквизитор, беспомощно, непонятно зачем, будто бы убийца не знал этого.

— И что?

— Ты умрешь за это!

— Обещаешь? Именем инквизиции? Тогда вот тебе мои слова, инквизитор: отступи. Пока не поздно. Пока милосерден Падший.

Из-за спины Абарий достал меч с длинным тонким клинком, сунул его под мышку, эфесом к инквизитору, таким образом снова освободив закованные в перчатки руки.

— Взять его, — сказал Маланфан. — И не рискуйте понапрасну.

Солдаты расположились поперек улицы. Венсан отошел влево, почти ко входу винного погреба. Рядом с ним, откинув в сторону лук и колчан, встал Богэ. Леруа и Монетт отошли вправо, Оже и Шамэ устроились на приступках цирюльни под

вывеской, на которой был нарисован таз с кровью. Мистик гадко кривил губы, изображал тошноту.

Инквизитор схватил его за ворот, закричал в испуганное лицо, кивая на незнакомца в маске, неподвижно стоящего посреди улицы.

— Ты что-то почувствовал?! От этого убудка плохо пахнет?!

— У него нет... тени... — Глаза мистика закатились. — Он и есть тень...

— Хватит! Беспольный кусок дерьма!

Маланфан швырнул мистика на ступени — тот беспомощно повалился набок — и повернулся к Абарию.

Существо в маске медленно поправило перчатки, поскрипывая котарди. Наконечник стрелы торчал из колена, словно экзотическое украшение, и, казалось, совершенно не беспокоит раненого. Более того, когда Абарий снова заговорил, в его голосе звенела усмешка.

— Вы задержали меня, хамски отнесли к моему времени. Но меня утешает мысль о предстоящем веселье. Я дал вам выбор — куда без него? — и вы предпочли смерть. Я прикончу вас ради забавы. И хватит тянуть.

— Что ты знаешь о чумном докторе? — спросил Маланфан. — Почему преследовал его?

Абарий шагнул навстречу четверке воинов. Он по-прежнему держал меч под мышкой.

— Я преследовал не его — тебя, инквизитор. Пусть же начнется пляска!

Богэ, Леруа, Монетт и Венсан стали наступать. Абарий взялся за рукоять меча.

А потом... они кинулись друг на друга, без криков, молниеносно, одновременно.

Первым умер Леруа.

Его бросило на грязную стену, с изломанным ртом и опустевшими руками, из рассеченного горла толчками била кровь.

За ним из сумасшествия сражения шагом отступил Богэ, покачнулся, рухнул на бок, попытался сцепить края ужасной раны на животе. Он отрывисто дышал, как пес с перебитым позвоночником.

Маланфан выхватил меч, махнул крест-накрест, вспоминая тяжесть клинка, и двинулся к дерущимся. Два его воина, проверенные временем и сталью рубаки, лежали в крови и грязи.

Движения Абария были стремительны и точны. Оставшиеся на ногах Венсан и Монетт пятились от него, защищались, делали выпады. Абарий наступал, не давая им передышки.

Венсан пропустил в плечо, упал на колено и выронил меч. Из перерубленной артерии кровь брызнула на ноги атакующего. Абарий без труда отразил выпад Монетта, занес меч и ужасным по силе ударом разрубил Венсана пополам от макушки до таза.

Монетт закричал.

Абарий выдернул из тела окутанный красной пылью клинок и увернулся от кричащего солдата. Монетт снова бросился на убийцу своих друзей. И умер от быстрой стали. Пораженный самым концом клинка. В лицо.

Богэ был жив. Он шарил в луже собственной крови, все еще вытекающей из вспоротого живота. Казалось, он ничего не видит.

— Где мой меч? — прохрипел Богэ.

Маланфан отказывался принимать происходящее. Только выбора у него не было.

— Пляска! — сказал Абарий, глядя вверх крыш. Он словно потерял интерес к осиротелому противнику.

Инквизитор подошел к копящемуся в крови Богэ, собираясь что-то сказать, но слова увязли в горле. А дальше — не было времени.

Существо атаковало длинной серией ударов.

Маланфан справился с ними, едва не достав клинком спрятанный под маской подбородок.

Абарий отступил, легонько склонил голову, будто бы с интересом рассматривая противника.

— Недурственно для старого рыцаря и беспринципного убийцы.

Руки инквизитора тряслись. Непродолжительная схватка отдавалась в каждой мышце. Он постарел... давно. И телом, и тем, что когда-то было способно на бесчеловечные, жестокие поступки, ведомое слепой верой. Не судьба забросила его так

высоко по лестнице иерархий: он сам сделал из себя генерального инквизитора.

«Для меня все кончено...» — подумал Маланфан.

Затем из-за его плеча вылетела стрела и пронзила шею Абария. Тот покачнулся, оступился влево, но устоял на ногах.

«Оже!»

Вторая стрела хирурга воткнулась твари в брюхо.

Шея и брюхо... За Богэ и Леруа.

Маланфан секунду смотрел на перья, торчащие из тела врага, словно обломки камышей, а потом ударил сверху вниз...

Клинок расщепил лишь воздух.

Каким-то непостижимым образом Абарий, раненный в шею, живот и ногу, отразил удар и даже исхитрился свалить инквизитора с ног.

Из разбитых в кашу губ текла кровь, в черепе стоял гулкий звон. Маланфан так и не понял, чем ему расшибли лицо: кулаком или рукоятью меча?

— Слуги никчемного бога, верящие только в ад на земле, — сказала существо.

«Он и есть тень».

Два красных уголька — глаза Абария — горели высоко над инквизитором. Он увидел блик света на стали.

Это не та смерть, на которую рассчитывал Маланфан. Если начистоту, он вообще не собирался умирать.

А потом сверху опустился тонкий клинок, и мир утонул в черной тишине.

Бога там не было. Не было ничего.

7.

Вечер опустился на измученный город. Придавил наковальней. Некогда богатый и процветающий, ныне Авиньон прозябал в запустении. То и дело окрестности оглашали дикие предсмертные крики.

Судя по всему, петиция к Господу, отправленная испуганными горожанами, так и не дошла до него. Или же он предпочел оставить овец на растерзание бубонной проказы.

Студенты-теологи разглагольствовали об истинной подоплате нагрязнувшего несчастья. Им виделся сегодняшний день, полный тягот, лишений и боли, не иначе как испытание, коего заслужили немногие. И коль скоро Авиньон выбран местом всеобщей скорби, стало быть, жители его смеют надеяться на истинное спасение. Второе пришествие станет для них избавлением от всех тягот и страданий. Их мнение разделяли единицы. Грязные, голодные горожане потеряли надежду, их мысли и помыслы замкнулись внутри скорлупы чахнувшей плоти. И каждый жил в ожидании самого худшего.

Лишь слухи о докторе-еретике и преследующем его генеральном инквизиторе подогревали хоть какой-то интерес к жизни и оттягивали стойкое ощущение надвигающегося хаоса.

Епископ заявил, что буйство страшной порчи давно бы сошло на нет, ибо Господь смилостивился над бедными авиньонцами и ниспослал избавление от болезни, но посланник дьявола упрямо распространяет среди жителей новые и новые семена заразы.

«Да не возропщете вы, жители славного Авиньона, услышав, что тяжесть выпавшей доли лишь укрепит нашу веру. Что именем Господа нашего утвердимся мы в любви к нему непреклонной. Что, несмотря на корчи дьявольские, ниспосланные тьмой, дабы утратить нас и лишит надежды, мы вопреки этому станем чище, откроем души наши и, с надеждой смотря в вечное будущее, склоним головы наши...»

Страх просачивался сквозь щели в дома мирян, гудел в темнеющих коридорах суда, оборачивался криком и бегством, стоило зазевавшемуся прохожему столкнуться в тесноте проулка с изрыгающим зараженную кровь бродягой. Страх витал повсюду. Не заразиться сегодня означало лишь кратковременную отсрочку, зыбкую эфемерную надежду прожить еще. День, неделю, месяц. Болезнь уйдет, верили те немногие, кто искренне полагал, что Господь не оставит их, но и они не смели надеяться, ибо надвигающийся голод был страшнее самой страшной хвори.

* * *

Тень высокого худощавого человека мягко скользила по выщербленным стенам домов, по грязным улицам, извивалась в изорванном свете факелов. Человек миновал несколько кварталов, прежде чем сбавил шаг, поднялся по крутой лестнице, ведущей к высокому одиноко стоящему зданию.

Испуганное лицо молодого священника заискивающе глядело из полумрака коридора.

— Это вы, месье доктор? — вполголоса проговорил он.

— Его верный помощник, — ответил Суфиан.

— Помощник? — переспросил священник.

— Поверенный во врачебных делах. Извольте провести меня к больному.

Священник выжидающе молчал. Из темноты за его спиной появились силуэты двух солдат.

Суфиан попятился назад. «Западня!» Рука нащупала холодный эфес сабли. Фигуры солдат стали еще отчетливее.

— Хорошо, следуйте за мной, — наконец кивнул служитель церкви.

Они долго петляли по длинным коридорам с низкими потолками. То и дело попадались запертые двери — тогда священник, громыхая связкой ключей, неуклюже отворял их. Он сильно волновался. Видимо какая-то важная персона находилась в полушаге от смерти. Заскрипели очередные ворота. Они вошли в овальный зал, в центре которого стоял каменный стол. — Оружие придется оставить здесь.

Изогнутый к обуху клинок сабли вспыхнул в отсветах огромного камина. И тут же превратился в мертвый металл — лег на стол в холодную тень ниши.

В комнате с наглухо зашторенными окнами царил полумрак, пахло какими-то снадобьями, винным спиртом и тем, что уже стало обыденностью — преддверием смерти.

В постели лежал епископ Авиньона. Суфиан сразу же узнал его. Воскресная проповедь на центральной площади города привлекла многих зевак. Изрыгая проклятья, он последними словами поносил мессира. И жаждал застать его в исцеляющем пламени костра святой инквизиции. И что теперь? Он жаждет совсем иного. Невообразимый поворот судьбы.

— Кто это? — выдавливая слова, словно гной, прошептал старик. Слабый свет то и дело выхватывал из полумрака его измученное лицо.

— Ваше святейшество, это поверенный того самого чумного доктора в бронзовой маске.

— Почему он?

— Доктор никогда не приходит первым. Прежде появляюсь я. — Суфиан наклонился к больному.

— Нехристь! Не тронь! — воскликнул епископ. — Уберите его! Уберите гада!

— Тогда я вынужден уйти. — Суфиан повернулся к двери. — Но знайте, его душа не вытерпит в теле и до утра.

Лицо молодого священника исказила судорога ужаса. Он отчаянно замахал руками. Епископ зашелся в приступе рваного кашля.

— Стой! — выкрикнул старик. — Стой... Держите его. — Епископ медленно стянул с кровоточащего тела покрывало. — Смотрите...

* * *

Суфиан торопился. Уж очень щедрая плата ждала доктора в случае излечения епископа. Суфиан ухмыльнулся. Еще вчера епископ заходил в припадке ярости при упоминании доктора. Сегодня же он уже трясется от другого припадка, а визита мессира ждет как манной небесной.

Равнодушная луна озаряла его путь. Перешагнув через излом стены, Суфиан приблизился к дому и постучал в дверь.

Ночной птицей что-то опустилось на его плечо. Он обернулся. Тотчас же острейшие стилеты вонзились в изумленного Суфиана. Он пошатнулся, судорожно дернулся и закричал:

— Мессир, спасайтесь!

Бездыханное тело опустилось на остывшую землю.

Абарий потянул носом.

— Вот и пришли. Спасибо, что показал дорогу.

Падший проник в дом. На кровати сидел доктор. Бронзовая маска, лишенная и намек на сострадание, безразлично глядела на вошедшего.

— Я знал, что этот день будет последним, — спокойно произнес доктор.

— Надо же, какая стойкость.

— Зачем пожаловал, Падший? — Доктор поднял голову.

— Да все за тем же, милейший. Хочу, чтобы ты, наконец, провел меня. К богу. Ведь ты проводник.

— Если иное не укажет мне Всевышний, этому не суждено случиться.

— Все так же непоколебим в своей вере, — усмехнулся Падший. — Похвально. Ты расскажи, как он, в добром ли здравии?

— Так же вечен и всеобъемлющ.

— Приятно это слышать. Значит, еще уйма времени, чтобы порезвиться. А потом он образумится. Как образумился, когда создал людей, когда наделил их той пакостью и гнусностью, кою они могут теперь похвастаться. Изворотливостью, лицемерием, невежеством, коварством и прочей душевной гнилью. Иначе какой это был бы миропорядок? Скука! Царствие ангелов на земле. Иное дело — человек!

— Близок час, когда человек изменится, — с верой сказал доктор.

— Куда уж! Станет умнее, красивее, благополучнее. Это да! Но эти пакости имеют природу иную. Неискоренимую. Ни при каких обстоятельствах. Поэтому — чем же я хуже Человека? И бог это поймет.

— Я не смогу провести тебя.

— Я знаю. Тогда прощай! Мой клинок уже необратим. Но я дам тебе время.

— И это знаю я. Три года, месяц или чуть меньше.

— Увидимся тогда, — кивнул Падший.

— В последний раз, — сказал доктор. — А что епископ?

— Епископ? Оставь его мне. Он заслуживает исключительно меня. Прощай. И до желанной встречи. В грядущем.

8.

Болезнь накатывала на Францию неумолимой волной. Попытки противостоять ей были обречены.

Перед надвигающейся хворью закрывали городские ворота, ввезенный товар не решались распаковывать, приезжих встречали копьями и решетками. Флюгер стал вестником смерти, ветер из зараженных краев превращал его скрип в надрывный хохот.

Многие искали заветное лекарство. Врач Пьер де Дамузи возложил надежду на пилюлю, формулу которой нашел в старом сборнике. «Никто не умрет, приняв ее», — заверял он. Но когда мор прошелся по его городу — убеждения испарились.

Авиньон задыхался в дыме многочисленных костров. Помутненные рассудки людей исказили реальность, приняв ее за вымысел. Обезумевшие горожане сбивались в толпы, ловили невинных и, обвинив их в порче, самовольно сжигали на кострах. Достаточно было странного жеста, случайного слова, чтобы толпа схватила и потащила беднягу к нагромождению хвороста и поленьев. Озаренные пламенем, взбудораженные воем несчастных горожане предавались неистовым танцам, которые нередко оканчивались массовым людоедством. Жаркое было принято подавать горячим.

Епископ умер, Папа бежал. У Авиньона появился новый правитель. Падшему здесь было весело.

А инквизиция? Добрые миряне оказались куда кровожаднее и изощреннее, нежели неистовые слуги Веры.

Они оказались — людьми.

* * *

Жозль Маланфан покидал Авиньон на рассвете.

На дороге у изрытого ручьями склона хромого Маланфана нагнала маленькая темная повозка. Генеральный инквизитор жестом приказал управлявшему лошадей пареньку остановиться.

— Кто там у тебя? — рассматривая плотную ткань, натянутую поверх повозки, спросил инквизитор.

— Никого, месье.

— Открой.

— Сию минуту, месье.

Паренек ловко соскочил на землю, грязными пальцами потянулся к накидке.

— Извольте, месье.

Повозка, выкрашенная изнутри в черный цвет, зияла пустотой. Маланфан согнулся и просунул голову внутрь.

Бронзовая маска чумного доктора тускло блестела в скупых отголосках дневного света.

Маланфан молча протянул руку.

Под маской скрывалось лицо...

Его уродовали шрамы и время. На нем явственно проявлялся отпечаток перенесенных невзгод, потерь, лишений. Одухотворенное, но вместе с тем язвительное, отстраненное. Лицо человека, повидавшего такое, о чем другие предпочитают не слышать. Лицо истинного слуги Всевышнего — и лицо трезвого и сомневающегося безбожника.

Под маской чумного доктора скрывалось лицо Жозля Маланфана. Генерального инквизитора Франции, рожденного в 1293 году в опутанном виноградниками Бордо...

— Приветствую тебя, Жозль, — сказал чумной доктор. — Присядешь?

— Не здесь. Только на камни мостовой.

— Что ж... Тогда я составлю тебе компанию.

Доктор выбрался из повозки и, прислонившись к колесу, посмотрел на инквизитора. Тот, кривя от боли губы, устроился на камне. Заштопанные раны налились кровью.

— Ты так и не вернул веру, — начал доктор. — Не сумел снова различить ее в людях?

— Люди сами себе боги и дьяволы, — сказал Маланфан. На его лице, несмотря на шрамы, угадывалась презрительная гримаса. — В них нет веры. Только кровь, злость и дерьмо. Они боятся друг друга и поэтому ищут в кресте заступника. Или плюют на него.

— Когда-то ты нес Его имя.

— Очень высоко над собой. Чтобы не видеть усмешки на знамени. Я был одержимым слепцом. Убивать во имя веры или

во имя золота — разницы никакой, разве что со вторым будешь сыт.

— Но Он не оставил тебя. Даже когда ты искренне негодуешь — Он рядом. Только протяни руку.

Маланфан рассмеялся.

— О нет, разумеется, нет. Он не оставил никого. И не оставит! Пляска смерти будет продолжаться всегда!

— Смерть — непрменный залог будущей жизни, — сказал доктор. — Конец, неизбежно влекущий и начало. И Всевышний не оставит никого. Обратившись прахом, будь смел воскреснуть в урочный час. И будь смел стерпеть мучения на земле. Те, кто в мучении постигает истину, не они ли и есть истинные творцы своей жизни?

— Истинные мученики? — Инквизитор плюнул под ноги. — Те, что болтаются на кресте, не прибитые? Это они — творцы? Или палачи, которых чтят превыше всего?

— Ты не веруешь, потому что предпочел истине заблуждение. Но заблуждение это досталось тебе по слишком большой цене. По цене прожитой жизни. Поэтому ты и не хочешь верить, ведь это будет значить лишь одно. Что жизнь прожита зря.

— Не страшно, когда заканчивается жизнь, прескверно, когда она так и не началась.

— Жоэль, Всевышний царствует...

— Он царствует, — перебил Маланфан. — И только. Вот только кто управляет? Скажи, чего стоит вера в безразличного создателя? Ничего!

— Даже неверие может быть для кого-то священным, — сказал доктор. — Я не хочу порочить его. Вера сама по себе настолько сильна, что порой исцеляет умирающих. И не важно, во что поверил человек. Пускай и в безразличного Создателя. Прощай.

Когда доктор скрылся из виду, Маланфан тяжело поднялся на ноги. Постучал тростью по камню, кивнул багрово-отечному небу — стая птиц летела на север — и, продолжая спорить с самим собой, захромал по Авиньонскому мосту, перекинувшемуся через оба рукава освобождаемой от мертвецов Роны, чтобы вскоре оставить за спиной все его девятнадцать арок.

Он просто желал убраться подальше отсюда. Осесть в местечке, которое не приметил маслянистое око чумы.

Только куда?

На все воля...

Может, в Брюгге?

Герман Шендеров
Великая блудница

Из гостиной раздались крики, как раз когда я пересчитывал недельную выручку. Неохотно я встал из-за массивного дубового стола, пригнув голову — так, чтобы не стукнуться о слишком низкий потолок мансарды, убедился, что халат плотно запахнут. С досадой я оглянулся на аккуратные шеренги баночек, занимавшие всю рабочую поверхность. Если в ближайшие полчаса не закончу с бухгалтерией — вырученные полтора галлона крови рискуют пропасть, а остатками потом не расплатишься даже с мусорщиками. Прежде чем покинуть кабинет, я прихватил

трость и распахнул окно; с моря дул холодный ветер: дополнительная страховка на случай, если придется задержаться внизу.

Старая лестница недовольно скрипела, через некоторые ступеньки приходилось перешагивать: я слишком хорошо знал эту прогнившую развалюху, которая теперь называлась «Заведением Мадам Кеции». Станным образом у гостей больше доверия к публичному дому, если им управляет женщина. Своему лупанарию я присвоил имя покойной прапрабабки по человеческой линии. В конце концов, «Заведение Папы Мейсона» не настраивает на игривый лад.

Когда я, наконец, обнаружил источник криков, Рабаль уже был тут как тут. Немой телохранитель, повидавший всякое, в непонятных ситуациях откровенно терялся и начинал глупо шлепать губами и пучить зенки. Прямо как сейчас!

Тусклый свет «ведьмовских глаз», задрапированных красной тканью, создающий необходимый для заведений подобного рода интимный полумрак, не позволил сходу разглядеть, в чем заключалась причина шума. Когда же глаза привыкли к полутьме, я, отбросив в сторону сделанную на заказ трость, бухнулся на одно колено перед неведомо как оказавшимся в нашем загаженном гетто чистокровным. Этот потомок Ткущего Мост заходил к нам и раньше, его заводили «бледные» сучки — женщины с малой долей Великой крови. Выдержав предписанную этикетом паузу, я дружелюбно развел руки в стороны и двинулся к гостю.

— Мы глубоко польщены вашим визитом, достопочтенный! Я вижу, возникло недопонимание с одной из моих кошечек? — покуда я расшаркивался перед напыщенным уродцем, взгляд мой выискивал виновницу препирательств. Ну, конечно, как всегда — Малышка Ева, самая прекрасная и самая капризная жемчужина моей коллекции. Стоя в кружевном белом пеньюаре, она с брезгливостью и злобой сверлила глазами клиента, надув пухлые губки и растерянно поглаживая живот.

— Папа Мейсон, пожалуйста! — обратилась она жалобно, заметив мое появление.

Даже беременная, она была во много раз привлекательнее других девочек. Было что-то удивительно сексуальное в том, что прямо под набухшей грудью зрело живое доказательство

того, что эту женщину кто-то трахнул. Кто отец ребенка я даже не мог предположить — девушка уже попала к нам такой, и теперь регулярно устраивала истерики, стоило клиенту оказаться хоть немного не в ее вкусе. Конечно, любой хозяин публичного дома уже давно выставил бы сучку на мороз, к хищным теням, но — хоть я и признавал это с неохотой — Малышка Ева была, прежде всего, моей любимой игрушкой.

— Пожалуйста! Папа, неужели я обязана?..

— С глаз долой! — одними губами произнес я, не переставая широко улыбаться.

— О, Великий, мне ужасно неловко, но, к сожалению, Малышке Еве нездоровится. Это все из-за беременности, полагаю, — я врала напропалую, прекрасно зная, что дело тут вовсе не в ее состоянии, а в некоей ненависти и даже презрении к чистокровным. — Уверяю, когда девушка разрешится от бремени, что по моим расчетам произойдет не позже конца недели, то будет готова обслужить вас, а вы получите немалую скидку.

Гостя моя речь не впечатлила. Возмущенно замахав конечностями, он что-то заверещал на высшем наречии, так что я не понял ни слова. Усеянная гроздьями глаз голова недовольно затряслась, когда он заметил, как я стыдливо развожу руками, как бы показывая свою невежественность и необразованность. В Рыболовном Квартале совсем немногие знали язык Великих.

Раздраженно пощелкав хелицерами, потомок древнего рода выпустил из рта длинный тонкий хоботок, который медленно двинулся ко мне. Памятуя о возможных последствиях подобного общения, я застыл и задержал дыхание, чтобы хоботок вошел ровно в зрачок и не повредил глаз.

«У вас в сознании точно такая же выгребная яма, как и на улицах. Терпеть не могу грязнокровок, возомнивших о себе невесть что! А теперь назови хоть одну причину, почему бы мне не вскипятить тебе мозги прямо сейчас!» — мысль сразу оформилась в моей голове, заложенная туда чуждым разумом.

— Если позволите...

«Не разговаривай! Думай! Здесь и так слишком громко!»

Крупные, забившие сознание слова заставили меня на секунду забыть, что я вообще собирался сказать.

«Если позволите, о великий потомок Ткущего Мост, я желаю прежде выразить почтение вашему священному роду, да не истончатся нити его! Мне очень жаль, что наш дом не может предоставить вам...»

«Ради этой девки я спустился в ваш гадюшник! — мысли аристократа вышибали мой разум полностью, превращая меня в немого слушателя, — Ведьма твоего квартала прожужжала мне о ней все сколопофоры. Я хочу овладеть ею, и я плачу чистой кровью. В чем же проблема?»

«О да, слухи о Малышке Еве разошлись далеко за пределы квартала, но, к сожалению, сейчас ее состояние не позволяет ей полноценно принимать гостей. Если позволите...»

«В таком случае, я утратил интерес к вашему заведению!» — последняя мысль казалась разочарованной и горькой на вкус.

Я уже почувствовал, как жгутик медленно вытягивается наружу, когда воскликнул — одновременно вербально и ментально, боясь упустить ценного клиента.

— Пойдите же! — я спохватился и захлопнул рот, зажав его для надежности ладонью, — «Вы проделали такой путь, спустились к нам с Моста-над-Бездной, чтобы уйти ни с чем? Нет, такого я допустить никак не могу!»

Я сухо щелкнул пальцами, и Мерипода, оторвавшись от воняющего тиной рыбака, развалившегося на бархатном диване, в мгновение ока соскользнула с ложа и шмыгнула к гостю, прижавшись к тому всем телом. Сородич Рабаля уже успел стащить с девушки платье, так что та осталась в одних чулках, и теперь можно было разглядеть ее родовые признаки — ряд тонких педипальп, начинающийся меж подтянутых грудей и теряющийся в густых лобковых волосах.

«Мерипода, конечно, не снискала славы в высших кругах, но, уверяю, ее умения поразят вас своей изысканностью!»

Опытная куртизанка не теряла времени даром, заключив гостя в объятия: из ее промежности вытянулись изящные паучьи лапы и принялись нежно разминать копулятивный мешок гостя. Мембраны на голове аристократа тихонько зашуршали, что у потомков Ткущего Мост являлось признаком возбуждения; когда держишь бордель, полезно знать анатомию клиентов.

Гость, видимо, сочтя меня недостойным ответа, все же принял подачку и, продолжая раздраженно пощелкивать, удалился в будуар Мериподы.

Продано! Но Еве придется отработать свою истерику. Приказав ей зайти через час ко мне, я удалился обратно в кабинет — пересчитывать выручку.

* * *

Малышка Ева знала свое дело на отлично. Ноги у меня все еще тряслись от приятной истомы, когда она вставала с колен, кокетливо вытирая рот. Откинувшись на кресле, я сквозь полуприкрытые веки благодушно рассматривал диковинную девушку. Готов спорить, она сбежала от какого-нибудь извращенца-аристократа из Великого Города сюда, в трущобы, опасаясь мести чистокровных. Было в ней нечто особенное. Может быть то, что в отличие от остальных женщин из Рыболовного Квартала, Ева не обращалась к ведьмам за той чудовищной хирургией, что не давала аристократам оплодотворять грязнокровок — такая беременность нередко стоила роженицам рассудка.

Пока Ева вытирала моим шелковым платком полную бледную грудь с голубыми прожилками вен, я привычно рассматривал ее изящную фигурку, гадая, к чьему роду она все-таки принадлежит. Разумеется, Ева происходила от людей, как и все грязнокровки, в этом сомнений не было, но видимых родовых признаков Великих я найти не мог. Кто она? Дочь Властителя Глубин? Да, у нее большие глаза, но не такие выпученные, как у Рабаля, а рот горячий и тесный. Потомок Черного Глашатая? Нет, таких светлокожих среди них не бывает. Может быть, ее родословная ведет к некрофагам? Что же, возможно, тем более, учитывая ее любовь к свежему мясу.

— Что с тобой не так, детка? — завел я старую шарманку исключительно для профформы, чтобы не думала, что она здесь на особых правах. — Почему, стоит прийти кому-то хоть

немного близкому к Великим, как ты превращаешься из ласковой кошечки в злобную фурию?

— Не знаю, Папочка. Просто когда я представляю, как они тычут внутрь меня своими яйцекладами... — Ева изобразила рвоту. — Ты ведь знаешь, аристократы часто... увлекаются. Боюсь, они могут навредить ребенку.

— Ты уже решила, что будешь с ним делать?

— Не знаю...

— Ну, в борделе мы младенца растить точно не будем, — хохотнул я, — Если хочешь, я найду для него достойный приют и даже приплачу, чтобы его как следует кормили и воспитывали. Сможешь видиться с ним, когда захочешь. Но только если останешься у меня.

— А ты веришь, что раньше все было по-другому? — вдруг спросила Ева, словно и не слышала меня. — Что мы возделывали землю, расплачивались металлом, а не кровью?

— Кто это «мы»? — хоть я и привык к ее фантазиям, они все же каждый раз вызывали недоумение. Странная она, эта Малышка Ева.

— Ну, все мы. Неаристократы. Там, где я жила раньше, есть легенда, — куртизанка мечтательно смотрела куда-то в потолок, поглаживая живот, — в ней говорится, что в чернейший день из глубин возникнет Зверь, с кровью столь грязной, что содрогнутся боги и захлопнутся пасти Султана Демонов. Возгорится яркое пламя и поглотит тех, кто правит, а Зверь с грязной кровью станет отцом тем, кого уничтожили и изгнали...

— Что за бред? — я помотал головой. — Понаберешься всяких россказней в подворотнях, потом работать нормально не можешь. Иди к себе! И смотри, чтоб завтра без фокусов, пусть придет хоть сам Великий Снящий!

Что ни говори, а расслаблять Малышка Ева умела. Стоило двери за ней захлопнуться, как мои веки принялись слипаться. Бросив недокуренную трубку на стол, я накрыл светильник из ведьминых глаз плотной черной тканью, еще раз проверил — работает ли холодильник с вырубкой, плотно ли прилегает бак с ворванью, и улегся на тахте в кабинете.

Спалось плохо. Владыка Снов слал мне беспокойные видения, которые я, сколько ни пытался, не мог расшифровать. Огромного величественного кита на моих глазах заживо

пожирали черви. Глубоко в пустыне рассыпались в прах циклопические пирамиды, издыхал в агонии каменный безликий сфинкс. Привычное светило сгорало, заменяемое ослепительно-ярким злобным оранжевым глазом без радужки и зрачка, выжигающим благословенные тени.

* * *

— Папа! Папочка! Вставай, скорее!

Я проснулся и вздрогнул. От взгляда горизонтальных, как у осьминога, зрачков Капры мне всегда делалось не по себе. Убедившись, что я проснулся, куртизанка нервно облизала нос и отошла от тахты, неловко постукивая копытами по половицам. Приподнявшись на подушке, я ощутил неприятную тревожность. Произошло что-то плохое.

Передо мной стояли все мои подопечные. На лице Рабаля отсутствовали любые эмоции, но беспрестанно шевелящиеся жабры выдавали волнение. Гроздь глаз на теле Лавинии взволнованно моргали; Релей встала слишком близко к вешалке, и щупальца на ее голове принялись оплетать деревянную конструкцию, будто ища опоры. Извивалась кольцами, шелестя чешуей, ревнивая Йита будто чему-то радовалась. Я сонно переводил взгляд с одной на другую, пока не осознал, что не вижу своей любимицы.

— Малышка Ева пропала, Папа Мейсон, — в извиняющемся жесте развела мохнатые черные руки Капра.

— Как пропала? — Я потряс головой, отгоняя остатки сна.

— Мы стучались в ее комнату, чтобы спускалась на завтрак. Думали, ей плохо, а когда зашли... — Рогатая куртизанка опустила взгляд.

— Нет-нет-нет, не может быть! — Я вскочил с тахты, прихватил ведьмовской светильник и спустился на этаж, где жили девочки. Дверь в комнату Евы была распахнута.

К ней я заходил нечасто — Малышка предпочитала приходить ко мне сама, ревностно охраняя свое личное пространство. Комната без нее казалась опустошенной. Белье на кровати измято и скомкано — значит, вчера она все же

ложилась. Немногочисленный скарб — несколько старых платьев, осколок зеркала в оправе, инкрустированный изумрудами гребень; все осталось здесь. Открытое окно впускало в комнату холодный ветер, развевающий рваные занавески и приносящий с собой тошнотворный запах с Рыбного рынка. Мою Малышку похитили.

— Долбаный аристократ! — прорычал я, озаренный такой простой и одновременно безнадежной догадкой. — Мерипода!

— Да, папочка? — Девушка взволнованно перебирала педипальпами — знала, что злить меня не стоит.

— Этот чистокровный, долго он пробыл у тебя? — Я угрожающе потянул полу халата в сторону, и Мерипода заслонила лицо руками, точно защищаясь от удара.

— Не больше четверти часа! — застрекотала она, желая поскорее закончить этот разговор, — Ты же знаешь, я умею быстро! Заил меня всю ихором, расплатился с Рабалем и ушел.

— Рабаль? — мое внимание переключилось на очередной плод нечестивого союза. Бастард Властителя Глубин тупо покивал и издал гортанный звук. В подтверждение сказанного, он ткнул пальцем на лестницу, ведущую в гостиную.

В холодильнике, над которым поблескивал иглами тронутый ржавчиной терминал оплаты, я с легкостью отыскал ампулу с кровью потомка Ткущего Мост: бледная жижа лениво клубилась в стекле. Мысленно я возблагодарил Пасть Бездны — к счастью, аристократ, вопреки обыкновению, расплатился собственными жизненными соками. А значит, теперь его можно найти.

— Девочки, сегодня у вас выходной, — проговорил я, вынимая ампулу. Плевать и на доход, и на иерархию. Никто не смеет похищать моих малышей, будь то хоть сам Черный Глашатай, - Отдохните, приведите себя в порядок. Если я не найду Малышку Еву - работы у вас прибавится. Рабаля я забираю с собой, так что на улицу носа не высовывайте и никому не открывать двери, даже мусорщикам!

— Папа, а так ли нужна нам эта Ева? — со спины неожиданно подползла Йита и, оплетая вокруг меня свое чешуйчатое тело, зашипела на ухо, щекоча язычком. — Стоит ли себя подвергать опасности ради этой фифы? Она не зарабатывает и половины того, что приносит тебе каждая из нас-с-с...

— А если бы пропала ты? Или вон, Капра, которой ты плачешься в жилетку после каждого более-менее чистокровного гостя? Ты бы тоже посоветовала никуда не ходить? — отвечал я, сбрасывая с себя тугие кольца чешуйчатой ревнивицы. — Тебя бы устроило, если бы какой-нибудь чистокровный ублюдок набил тебе брюхо своим семенем, и чтобы его дитя разорвало тебя изнутри, предварительно сведя с ума?

— Но мы ведь все продали свои женские органы Вспухшей Даме, в нас можно кончать сколько угодно, куда угодно, сколько заблагорассудится, — с другой стороны подошла обычно молчаливая Гастия из племени мусорщиков, и я отшатнулся: все дочери Князя Клоак пахли невыносимо. Когда я брал ее на работу, то надеялся, что мне удастся привыкнуть к вечному смраду выгребной ямы, издаваемому ее серым склизким телом, но меня все еще передергивало от одного ее присутствия. Не глядя, я сделал шаг назад и оказался в мягких и податливых объятиях Шоуи, которая тут же принялась меня обволакивать.

— Текели-ли, — жалобно пропела она.

Девочкам было страшно. Видя мой гнев, они не ждали ничего хорошего. Наверняка уже представили, как давешний аристократ наполняет мое тело желудочным соком, прежде чем подать на праздничный стол; у детей Ткущего Мост преимущественно наружное пищеварение. Но и бандиты Вспухшей Дамы не зря обходили мое заведение стороной — не будь я потомком самой Кеции Мейсон!

— Так, успокоились! — я не без труда выбрался из черной массы, которая с печальным чмоканьем все же меня отпустила. — Сейчас!

Из-за картины, на которой во всех подробностях изображалось сношение Великого с грязнокровкой, я вынул небольшую деревянную шкатулку. Открыв ее, я продемонстрировал маленький крысиный скелетик с человеческим черепом — реликт Старого Хаоса, верный фамильяр Мейсонов.

— Это — крайняя мера. Если вы поймете, что я уже не вернусь — напоите его кровью. Дженкин позаботится о вас! — Я протянул коробочку Капре — ей я доверял больше других.

— Если позволите, я пойду с вами, Папа, — проблеяла она, осторожно оттолкнув шкатулку когтистыми пальцами. —

Мне доводилось участвовать в ритуалах Козлоногой, я немного знакома с нравами аристократов.

— Зачем тебе это? — недоуменно произнес я, ставя гробик Дженкина на холодильник. — Ты не обязана.

— Но я хочу. Ева была добра ко мне, распутывала колтуны в шерсти и не ругалась, когда я жевала ее книги, — смущенно объяснила Капра.

— Хорошо. Но ты сама знаешь, чем это...

— Я знаю, Папа. Именно поэтому хочу пойти. Без вас мы пропадем, — сказала куртизанка и осторожно попробовала воздух на вкус, вытянув свой язык-лопату.

— Тогда прикройся. Шесть грудей хороши в борделе, но не на улицах Рыболовного Квартала. Рабаль, принеси костюм и трость!

* * *

Переодеваться при девочках я не стал — ни к чему им это лишний раз видеть. Одевшись в самый изысканный костюм из найденных в пыльном шкафу, (шелковая сорочка, бархатный алый фрак, алый же цилиндр и кожаное пальто) я придирчиво проверил, легко ли расстегивается ворот; не хотелось бы погибнуть в лапах паукообразной твари из-за застрявшей пуговицы.

Рабаль вооружился своим обычным набором: огромный китобойный гарпун, крюк-кошка на цепи и несколько зазубренных ножей, который он закрепил на груди в портупее.

Одежды у Капры не было — в своих лесах дочери Козлоногой Матери рассекали нагишом; пришлось использовать огромную бордовую портьеру на манер плаща. В руках она уже держала три факела. Мы надорвали оболочку на ведьмовских глазах, и те засветились холодным бледным сиянием.

Долгие прощания — лишние слезы. Мы постарались выскользнуть из заведения незаметно, хотя я слышал рыдания куртизанок, разносившиеся по зданию печальным эхом.

Улицы Рыболовного Квартала встретили нас своим обычным амбре из запахов тины и гнилой рыбы. Прижав

надушенный платочек к носу, я осторожно переступил через темную канаву у самого порога; не хватало еще попасться в собственную ловушку. Шоуи меня потом, конечно, узнает, но для начала протащит в дом через узкие трубы, а это очень неприятное путешествие.

Возле дома, как всегда, ошивались уличные девки в надежде, что смогут привлечь моих гостей более низкой ценой, но в глубине души наверняка мечтавшие получить меблированную комнату и стать одной из моих «кошечек». Я привычно оглядел «кандидаток» — ничего интересного. Снова те же рудиментарные крылья, торчащие как попало из спин, те же щупальца, беспорядочно разбросанные по телам, гнойные пузыри, закрывающие лица и, конечно же, изрезанные вены. Я с досадой фыркнул: кормить сборщиков податей собственной кровью — последнее дело.

Стоило о них подумать, как тень от фонаря забурлила, зашевелилась, раскинула в стороны тонкие ложноножки. Я поскорее бросил на брусчатку бутылек с кровью, и мы прошмыгнули мимо, чтобы тварь не успела сосчитать количество путников. За спиной раздалось сосредоточенное чавканье.

Капра жалась к моей спине, непривычная к уличной жизни, и даже Рабаль ускорил шаг, проходя мимо скопления сборщиков в тени подвешенной на крюке китовой туши.

Пока мы шли к Рыбному рынку, я залюбовался зрелищем того, как Ядерный Хаос, раскинувшийся над Землей, поглощал очередную звезду. Вечно жующая пасть крутилась среди черных облаков на фоне киноварного неба, растягивая и раскатывая яркое сияние какого-то несчастного светила, превращая очередной мирок в злоещее ничто. Багровое сияние едва освещало нам путь. Если бы не ведьмовские глаза, мы бы давно вступили в какую-нибудь хищную лужу.

Впрочем, на запах до Рыбного Рынка можно было идти, даже выколов себе глаза. Бедняга Капра с ее чувствительным носом была и вовсе вынуждена зажимать ноздри.

Под клеенчатыми крышами на прилавках беспорядочно валялись морепродукты: осьминоги, членистоногие, китовое мясо. Огромными батареями стояли баки с ворванью, со скучающим видом жевали сушеную рыбу торговцы золотыми украшениями.

Я поднял одну руку вверх, оттопырив указательный палец. Не прошло и секунды, как передо мной появился мальчишка с лицом, облепленным морскими желудями.

— Вам, я вижу, помощь требуется, миста? Поднести чего, али сбегать куда?

— Эй, приятель, сообщишь кое-кому, что я пришел с визитом?

— Ага, миста, только оплата вперед!

— Держи, сорванец, — я перелил из маленького изящного фиала пару капель в подставленную им грязную бутылку с обмотанным веревкой горлышком.

— Эй, дядь, еще плесни!

— Обойдешься, хулиган. Иди и передай кому надо, что Папа Мейсон хочет встретиться со Вспухшей Дамой. Выполнишь — получишь еще столько же!

Ловко шлепая босыми пятками по брусчатке, огибая особенно густые тени от палаток, мальчишка потерялся среди рыночных рядов.

Я как раз достал карманные часы, когда в бок мне вписался тяжелый деревянный ящик, мгновенно изгваздав пальто рыбьей чешуей. Я уже собрался было возмутиться, когда увидел обожженные кислотой пустые глазницы и торчащий из черепа металлический шип. Отойдя в сторону и подтянув за собой куртизанку, я освободил путь грузчику и его ноше: с рабами Владыки Озера смысла препираться не было. Принявшие его благословение теряли разум и волю, отправляясь навечно в Глубины Мертвых Снов.

Я выронил часы; они уже уползли куда-то под прилавок, когда я поймал за щупальце одно из отродий Клоачного Божества. Ходики мне были дороги как память. Сутки стали бесконечными, когда времена Старого Хаоса закончились, так что доставал я его больше «для важности», как до этого делал мой отец и еще раньше — мой дед.

Дитя нечистот, хоть и казалось бессловесным, все же недовольно заверещало, когда я потянул за цепочку. Но стоило наклониться так, чтобы он разглядел, у кого ворует, как серые ложноножки бессильно разжались и уползли под прилавок — никто не смеет красть у потомка Кеции Мейсон.

Когда я, наконец, оторвался от жидкой слякоти, густо устилавшей брусчатку Рыболовного Квартала, передо мной уже

стояла посыльный Вспухшей Дамы. Высокий субъект в широкополой шляпе молча нависал над нашей небольшой компанией. Все его родовые признаки были хирургически удалены, его глаза, отделенные от зрительного нерва, неистово вращались под полуприкрытыми веками.

— Следуйте за мной, пожалуйста, — он по привычке вывернул шею и слепо уставился на нас; слуги Вспухшей Дамы видели не глазами.

— Одну секунду, — ответил я. Мальчишка с морскими желудями уже стоял по правую руку от меня, подставляя бутылку. Я капнул обещанный объем из фиала и жестом отогнал попрошайку.

Долговязый в шляпе шнырял между торговыми рядами, словно путая след, и мне приходилось все время оглядываться, чтобы нерасторопный Рабаль вдруг не отстал. Наконец, мы очутились на какой-то загаженной аллее. Сборщики податей с шипением устремились в нашу сторону, заставив Капру мелко дрожать. Я уж было полез во внутренний карман за следующим фиалом, но бандит с вращающимися глазами жестом меня остановил.

— Гости Вспухшей Дамы не платят за проход по ее улицам! — высокопарно изрек он и резко полоснул себе по запястью лезвием выкидного ножа. Темная, в свете пожираемых звезд, кровь крупными шлепками приземлилась на булыжники, из тени вытянулись тонкие жгутики, жадно припав к образовавшейся луже. Раздались омерзительные сосущие звуки.

«Ее улицам! Надо же! Аппетиты этой старухи воистину неистощимы!» — думал я, спускаясь по сбитым ступеням вниз по аллее. В трущобах, где живут лишь бастарды, грязнокровки, отродья и вымирающие виды, Великие старались не показываться, оставляя в качестве своих наместниц ведьм. Рыболовным Кварталом правила Вспухшая Дама, чьи глаза свешивались с каждого светильника в квартале. Бутлегерство, оружие, наркотики, проституция — все здесь было в ее власти. Кроме дома Кеции Мейсон. Помню, когда-то она заявила в заведение, растекаясь омерзительной тушей по красному ковру гостиной, в окружении незрячих помощников, что тащили паланкин, и угрожала, требовала, напирала и прельщала. Лишь моя родовая принадлежность позволила мне отбить свой

маленький бизнес, а главное — не дать в обиду девочек, которых ведьма наверняка продала бы и самому Султану Демонов, предложи тот достойную цену. Нет уж, дырочками моих кошечек распоряжаюсь только я, и мой бордель никогда не будет родильным домом или праздничным столом для чистокровных!

Дом ведьмы находился у самой границы Рыболовного Квартала, примыкающего к облюбованному паукоподобными обитателями снов мосту. Между зданиями висела предупреждающая растяжка: в паутине мотался на ветру кусок жести, исписанный символами Великих, которые никто, кроме ведьм, прочесть не мог. Куда более понятным предостережением были болтавшиеся на полупрозрачных нитях высохшие, иссохшие до полной неузнаваемости трупы с разъявленными в беззвучном крике ртами. Здесь заканчивалась территория грязнокровок.

Капра с ужасом в осьминых глазах рассматривала высохшие останки, пока наш провожатый открывал дверь. По выражению лица Рабаля понять что-либо было невозможно, скорее всего, он ничего ужасного и вовсе не заметил — потомуки Властителя Глубин плохо видят на суше.

Наконец, бандит Вспухшей Дамы справился с дверью. Разместившись в проеме под верным углом, она распахнулась, будто пасть гигантского кита, со свистом впуская в себя воздух. Внутри затхло воняло плесенью и нечистотами. Беспорядочное сплетение лестниц, существующих в разных пространствах, туманило разум. Я дернул за ухо Капру, чтобы та не особенно глазела по сторонам — так недолго и с ума сойти. Лишь ведьмы и их слуги способны без вреда для себя обитать на пересечениях реальностей.

Стараясь смотреть только под ноги, мы проследовали по скрипучим ступенькам за нашим долговязым провожатым, освещавшим путь лампой, набитой ведьмовскими глазами.

Слуга сошел с лестницы и поманил нас за собой по пыльному коридору когда-то явно богато украшенного особняка.

В захлавленной спальне на огромной кровати с прогнившим балдахинном возлежала она. Из-за атрибутов могущества, которые поглотила, Вспухшая Дама уже давно была неспособна самостоятельно передвигаться. Все то, что

отнимала у своих слуг и клиентов, она делала частью себя. Стоило моей трости коснуться трухлявых досок в спальне, как мириады глаз, растущие у нее на боку, повернулись в мою сторону.

— Я ждала тебя, торговец пороком, — трубно возвестила она.

— А ты бы и не прочь поторговать и сама, не так ли? — лукаво заметил я, подтолкнув застывшую на пороге Капру; та едва сдерживала рвотные позывы.

— Пришел сдавать дела? Мудро-мудро, — голоса на разный лад струились из множества ртов на горбу старухи.

— Думаю, ты будешь последней, кому я предложу перенять бизнес.

— Жаль-жаль, — ведьма, наконец, соизволила повернуться к нам лицом. Словно муха на куче дерьма, ее все еще человеческая голова возвышалась над хаотическим скоплением чужих органов и краденых тел. — Зря ты так противишься. Новая эпоха грядет. Этот мир стар, болен, его почти доели. Ты не сможешь прятаться вечно в доме Кеции, уж поверь. Особенно там. Глашатай шепчет, что мир готовится принять нечто особенное, нечто новое...

— Он все время шепчет. И половину ты все равно толкуешь неверно.

— На этот раз все было по-другому. Он будто бы напуган. Почему-то просил передать это именно тебе, и есть у меня подозрение, что речь шла о твоей маленькой шляпке. Похоже, Глашатай положил на нее глаз, — прошипела ведьма и жеманно захихикала, точно флиртвала со мной.

— И что же? — за внешним безразличием я старался спрятать волнение, которое вызвало упоминание моей Малышки Евы. Значит ли это, что ее заприметил сам Ползучий Хаос?

— В доме неправильных углов, где сделал первый шаг султан, скрывалась дева без отца, что носит в чреве ураган, — монотонно зачитывала хозяйка Рыболовного Квартала, — родится зверь, закроет дверь, вернется старый мир, зажжет он пламя в небесах, начнет кровавый пир...

— Звучит гадко, — резюмировал я.

— Такова судьба мира, сутенер! — разразилась старуха каркающим смехом. Ей вторили рты, слюнявыми дырами зияющие на влажных боках. — Шепот Глашатая всегда верен!

— Нам просто нужно спасти нашу подругу, — робко проблеяла Капра, по-своему все же наивная: с ведьмами нельзя общаться напрямую.

— Что это там за козочка? — с хищной лаской пропела Вспухшая Дама. — Выйди, покажись, красавица!

Длинная, усеянная черными отростками рука потянулась к куртизанке. Та стояла ни жива, ни мертва — точно дитя перед сборщиком податей. Узловатый палец наматал угол бордовой ткани, после чего резко дернул, и моя девочка предстала перед ведьмой в одном белье.

— Неужели ты одна из тысяч Младых? — жадно зашипела ведьма. — Воистину, Мейсон, ты находишь жемчужины. Что ты делаешь в наших грязных доках, дитя? Признайся, старый кот, ты ведь не приводил ее ко мне?

— Не приводил и не собираюсь.

— Но почему? За матку дочери Козлоногой Матери я бы щедро заплатила!

— Она все делает под хвост, — соврал я, надеясь выдать шестерку за козырной туз. Весь женский ливер Капра выскребла себе сама, прежде чем сбежать из Чернолесья.

— Вот как, — ведьма, кажется, теряла к нам интерес. — Так зачем же ты пришел, Мейсон? Позлословить, похвастаться своими красотками?

— Нет, мадам, я здесь за помощью. Нужно найти одного аристократа. Кажется, он меня обокрал.

По ребрам Вспухшей Дамы прокатилась волна ухмылок, закончившаяся ядовитым смешком из ее собственного рта.

— И что ты сделаешь? Придешь к нему со своим мистером «Рыбья голова» и постучишь в двери? Тебя ведь даже из квартала не выпустят!

— Оставь это мне. Один раз ты меня уже недооценила. Ты сможешь его найти?

— А что получу я? — я безошибочно отследил алчный взгляд торчащих тут и там из влажной плоти глаз; значит, Капра ее явно заинтересовала.

— Я готов обменять на эту информацию свою лучшую «кошечку», — я властно подтолкнул вперед куртизанку, сдернув

с нее портьеру окончательно, — Всю целиком, вместе с маткой. Можешь вынуть ее женские органы и отправить на улицу, можешь подарить ее Темному Глашатаю. Мне все равно.

Капра не сопротивлялась: словно замороженная она глядела на ведьму.

— Не бойся, дитя мое. Мы найдем тебе достойное применение. Сначала я научу тебя видеть, но не смотреть, — заскрипела ведьма.

— Нет, сначала ты скажешь, где этот аристократ.

Вынув банку с беловатой переливающейся кровью, я швырнул ее ведьме. Емкость поймала ранее не замеченная мной рука под ее скулой — маленькая, видимо, детская.

— Здесь много. Он щедро заплатил, — завистливо подметила Вспухшая Дама.

Я обернулся — у входа в спальню стояли трое. Нехорошо. Я медленно принялся откручивать рукоять трости. Рабаль, заметив мои движения, положил ладонь на древко гарпуна.

— Не твое дело. Где его искать?

— Хм-м-м... Искать.

Запустив длинный, похожий на паучью лапу палец в банку, ведьма задумалась. Уровень крови в стекле понизился почти на дюйм, а палец продолжал пульсировать, всасывая драгоценное вещество.

— Но-но, хватит!

— Да, пожалуй... Его гнездо — ближайшее к нам, под первой аркой моста.

— Сосед, значит, — удовлетворенно хмыкнул я.

— Он сейчас возвращается с охоты. Сейчас он сыт, переваривание отнимает много сил. Если поторопишься — сможешь застать его врасплох, — задумчиво шамкала ведьма лоснящимися от жира губами, — у тебя есть шанс. Если будешь достаточно внимательным.

— Шанс?

— Шанс вернуться. — Вспухшая Дама ослабилась, обнажив гнилые пеньки зубов. — Иди ко мне, милая. Теперь ты — часть семьи.

Девушка застыла в ступоре, словно не веря в мое предательство. Глупая козочка! Заметив ее страх, я легонько ущипнул покрытую блестящей шерстью ягодицу, загодя отодвинувшись в сторону. С чудовищной силой ударило

копыто, отбросив одного из бандитов Вспухшей Дамы на лестницу. Его тело проломило деревянные перила и обрушилось вниз, в хаотичное переплетение балок и ступеней. Рабаль, весьма проворный, когда это требовалось, уже перерезал глотку долговязому в шляпе, что провожал нас к своей хозяйке.

— Предатель! Что ты вытворяешь! Черный Глашатай придет за тобой! — визжали многочисленные рты Вспухшей Дамы. — Все к спальне!

— Ты же не думала, старая дрянь, что я действительно расплачусь с тобой своей девочкой? — я медленно подходил к старухе, извлекая из трости длинный тонкий клинок.

— Ты не посмеешь! — шипела она, пытаясь отползти от меня на кровати. Где-то за спиной звенел металл, рвалась плоть, лилась кровь и кричал от натуги Рабаль, отбиваясь от слепых бутлегеров. — Если убьешь меня, Черный Глашатай отдаст тебя на корм своим гончим!

— Отдай фиал, пока я не отрезал тебе руку. — Кончик моей рапиры уткнулся в широкий воротник из высохших кишок под оплывшим подбородком.

— Ты не посмеешь, — ее шипение сменилось булькающим хихиканьем. — Ты не посмеешь оставить без света целый квартал!

С влажным шлепаньем ведьмовские глаза светильников принялись гаснуть один за другим, погружая дом в темноту. Я с отчаянием успел взглянуть на отступающего под натиском ведьминых слуг Рабаля, на ужас в глазах Капры и на расплывающуюся ухмылку Вспухшей Дамы.

— Вот поэтому не стоит слишком полагаться на глаза!

Только острый слух позволил мне увернуться от топора, просвистевшего у меня над ухом. Ведьма булькала и кряхтела где-то прямо передо мной, от дверного проема неслись стоны раненых. Густая темнота не позволяла сориентироваться, меняя местами верх и низ, право и лево, я бессмысленно топтался на месте, оглушаемый какофонией боя. Мысленно я успел попрощаться с жизнью — в голове встали образы моих «кошечек», которые со слезами на глазах поливают кровью скелетик Дженкина.

Вдруг раздался оглушительный треск, будто кто-то проломил доску. В комнату проник слабый багровый свет, очертив омерзительную тушу на постели, Рабаля, крутившего

над головой крюк-кошку на веревке, и мою козлоногую куртизаночку, продолжавшую новыми ударами копыт расширять отверстие в стене — наш путь к свободе.

— Это мое! — взмахнув рапирой, я направил остро заточенное лезвие вглубь скопления кишок у карги на груди, туда, где она прятала долгопалую черную руку с фиалом из моего холодильника.

Оглушительный визг разрывал барабанные перепонки, пока мы, один за другим, выпрыгивали из дыры, пробитой Капррой. Расстояние всего в два этажа — не так высоко. Мне удалось соскользнуть по водосточной трубе, куртизанка спрыгнула сразу на мостовую, приземлившись на свои сильные ноги, следом с громким шлепком вывалился Рабаль, тяжело приложившись всем телом о брусчатку.

Вскочив на ноги, я принял защитную стойку, ожидая нападения, но оно не последовало. Слуги Вспухшей Дамы тупо толпились в проеме, оставленном копытами Капрры, дергая головами. Будто некая неведомая сила останавливала слепых бандитов, и те могли лишь выкрикивать нам вслед бессвязные угрозы, беспорядочно вращая незакрепленными глазными яблоками.

— Почему они не спускаются? — настороженно спросила Капра.

— Это чужая территория, детка. Мы покинули квартал. Теперь мы в зоне отчуждения, — понизив голос, объяснил я. До моста оставалось не более полумили — было бы глупо привлечь стражей границы сейчас.

Придя в себя после падения, мы двинулись к циклопическому мосту, растянутому между двумя огромными башнями, выполненными в псевдоготическом стиле. Впрочем, отдельные детали разглядеть не удалось бы, подойди мы даже вплотную: все было заткано белой, колышущейся на ветру паутиной, а на самом верху продолжал свою бесконечную работу...

— Не смотри! — одернул я куртизанку, которая, судя по расширяющимся осьминожьим зрачкам, уже успела краем глаза заметить уродливую тушу Ткущего Моста, хаотично шевелящего неисчислимыми лапами. Капра потупилась, опустила голову и прошептала «Спасибо!»

Между немногочисленных домов гулял стылый ветер. Мы осторожно, стараясь не задевать сигнальные нити, шли по пустой улочке.

Наша компания уже приблизилась к набережной, когда за спиной раздалось хищное шипение. Обернувшись, я уже знал, что увижу. Но зрелище, представшее предо мной, оказалось еще ужаснее: сосредоточившись на том, чтобы не попасть в лапы паукам Лэнга, я совершенно не заметил, как Рабаль отстал.

Мой верный телохранитель боролся с капканом из сигнальных нитей, в который угодил ушибленной после падения ногой. Недостаточно ловкий для движения по суше, он вынужден был аккуратно, по дюйму вытягивать конечность из переплетения паутины, чтобы не потревожить местных обитателей. Теперь, когда я его видел, мог различить тихое жалобное кваканье, от которого натужно раздувались его жабры. Услышь я его мгновением раньше — рванулся бы на помощь, не раздумывая, но за спиной Рабаля уже плыл по воздуху безжалостный страж спокойствия чистокровных. Его хватательные щупальца обманчиво безмятежно покачивались под серым, давно пустующим брюхом, пока три других сосредоточенно отталкивались от воздуха и стен зданий. Скованный ужасом неизбежного, скрипя зубами, я мог лишь наблюдать.

Рабаль резко обернулся и замер, глядя прямо на серый сжавшийся желудок в локте от его лица; тварь явно была голодной. Машинально я рванулся было вперед, но обмяк в железной хватке Капры, удержавшей меня за воротник пальто.

— Не надо, Папа. Ему уже не помочь.

Это понимал и мой телохранитель. Отбросив в сторону зажатый в руке гарпун, он решился на отчаянный жест. Бледно-зеленая рука вскинулась вверх и осталась поднятой, дрожа от напряжения, другую же он вытянул параллельно земле и застыл в такой позе. Бедный глупый Рабаль, никогда не видевший ничего, кроме подводных глубин и Рыбного рынка. Он вспомнил универсальный жест, принятый между представителями разных родов для распознавания разумной жизни: показать своим телом прямой угол, основу всех математических изысканий. Несчастный, невежественный

Рабаль, откуда ему было знать, что звездные вампиры неразумны?

Хватательные щупальца впились в тело, запустив в кровеносную систему бедняги тонкие усики. На наших глазах серый желудок окрасился в темно-багровый. Тело моего верного слуги сотрясало, теряя жидкость, но оставалось в том же положении: одна рука вверх, другая вбок; отчаянная попытка воззвать к разуму существа, ведомого одним лишь голодом.

— Идемте, Папа! Пожалуйста! Идемте! Иначе все это было зря!

С болью в сердце я оторвал взгляд от медленно усыхающей фигурки в руках космического кровососа. Рабаля и вправду не спасти. Нельзя, чтобы его смерть прошла даром. Найдя в себе силы для последнего рывка, мы, уже не обращая внимания на сигнальные нити, побежали к мосту; пауки не посмеют вылезти, пока тварь на охоте.

Опутанный паутиной мост поражал воображение. Нити Ткущего искажали пространство таким образом, что весь его род смог разместиться на двух башнях, а часть его детей — видимо, самых нелюбимых — висели в коконах над водой.

— Она сказала, крайний в первой арке, так?

— Да, Папа, — ответила моя подопечная, указав антрацитовым ногтем на неаккуратное, покрытое черной слизью гнездо. Я охнул от досады: хоть это и было одно из самых низко расположенных гнезд, от земли его отделяло не меньше тридцати футов.

— Я смогу допрыгнуть до той ниши, но выше — никак, — нерешительно протянула Капра.

— Есть другой способ, — отмахнулся я, лихорадочно припоминая то, чему меня научила моя прапрабабка, пока не отправилась танцевать среди слуг Бога-Идиота. Я стукнул тростью по каменной кладке моста. Из наверхия выпрыгнул толстый кусок мела.

— Так, если предположить, что расстояние составляет тридцать два фута, округляем для ясности, — бормотал я себе под нос, рисуя схемы прямо на мокрой брусчатке.

— Что это...

— Не отвлекай! — рявкнул я на куртизанку. Обычно я на девочек не кричу, но сейчас было важно сохранять полную

концентрацию. — Итак, угол наклона гнезда приблизительно сорок градусов... Нехорошо; с прямым углом было бы легче. Соответственно, берем этот отрезок, умножаем... Дискриминант в минусе, здесь мы угол наоборот выпрямляем... Так, элемент перехода, приравниваем расстояние к нулю... Готово!

Даже немного вспотев от натуги, я с гордостью указал на вычерченную мной схему, вписанную концентрически в несколько сдвинутых относительно друг друга окружностей.

— Так что это все-таки, Папа Мейсон?— наконец озвучила свой вопрос Капра.

— Точка перехода. Ты же знаешь, что магия суть — математика. Мне удалось расшифровать часть записей Проложивших Путь, оставшихся от Кеции... Скорее, шагай внутрь, пока кальций не отсырел.

Мы синхронно ступили в центр схемы, и мир вокруг расцвел невероятными красками и цветами, для которых не было имени. Формы арки моста, бульжников под нашими ногами и коконов, дрогнули, исказились и потекли. Я почувствовал, как кровь сначала прилила к голове, потом кувыркнулся желудок, а после формы вновь стали твердыми, и мы вывалились в липкую массу жилища аристократа. Мой вестибулярный аппарат оказался покрепче, а вот бедную Капру выгнуло дугой, и из ее открытой пасти полилась желтая жижа.

— Первый раз всегда так, — я похлопал куртизанку по спине, шерсть на которой была жесткой, колючей, совсем не такой, как на животе и внутренней стороне бедер.

— Почему? — прохрипела она, пытаясь совладать с желудком.

— Что «почему»?

— Почему мы не сделали так сразу... Зачем нужно было терять Рабаля? Торговать мной? — Капра говорила сдавленно, отрывисто, все еще пытаясь откашляться от жгучей жижи, наполнявшей ей рот.

— Эй, я не собирался тебя продавать! Знай старуха, что ты не можешь забеременеть, тебя бы все равно не купили, — с глубоким чувством оскорбленного достоинства объяснял я, — это — во-первых, а во-вторых, чтобы попасть сюда из «Заведения», пришлось бы рисовать схему размером с целый Рыболовного Квартал! Я же тебе не чистокровный!

Она кивнула, удовлетворенная объяснением. На самом деле, я немного слукавил — мне бы просто никогда не хватило знаний и умений на подобные расчеты. Все-таки мозг грязнокровки слишком слаб для Высшей математики. Подобные вещи могла проворачивать Кеция Мейсон, но потому ее и чтят, как одну из Проложивших Путь.

Хибара аристократа не впечатляла убранством. Старая, полуразложившаяся паутина зияла дырами, в которые легко было провалиться. С потолка свисали несколько высушенных трупиков грязнокровок. Я внимательно осмотрел каждого, но ни один не походил на беременную женщину.

— Похоже, Малышки Евы здесь нет, — с облегчением в голосе проговорила Капра.

— Да. Но это не значит, что он не похитил ее для кого-то еще, — задумчиво проговорил я, распутывая один из особенно тугих коконов.

— И что теперь?

— Спрячемся иждеждемся хозяев.

Наконец, взрезав рапирой толстый слой паутины, мне удалось раскрыть этот сосуд. В нос тут же ударила невыносимая вонь. Особенно плохо пришлось Капре: тошнить ей было нечем, и теперь она просто выгибалась над полом, высунув широкий розовый язык.

— Это...?

— Да. Сюда он сбрасывает свои нечистоты, все верно, — ответил я, вороша клинком синевато-бурую гущу. — Земная пища для них слишком непривычная. Поэтому половину они частенько отрыгивают.

— И зачем ты это откопал? — от омерзения моя детка совсем позабыла о манерах.

— Здесь, моя дорогая, мы иждеждемся прихода похитителя.

Еще один приступ тошноты был мне ответом.

* * *

Надушенный платок пришлось отдать Капре, иначе она своими рвотными позывами нарушила бы всю конспирацию. К счастью, долго сидеть в отходах не пришлось. Всего лишь через пятнадцать минут, если верить моим до неприличия заляпанным часам, где-то поблизости раздался настороженный стрекот и недовольное шипение. Хозяин вернулся и явно заметил следы присутствия чужаков. Раздраженно шурша мембранами на щедро усыпанной глазами морде, он повернулся к кокону спиной, и я понял — пора!

Вскочив на ноги, я почти вслепую из-за дряни, залепившей глаза, ткнул рапиру куда-то в переплетение крыльев на спине твари. Разумеется, металл не мог причинить ей значительного вреда, но мне не удалось сдержать свою любовь к красивым жестам и старому этикету.

— Мы, сэр, пришли за моей собственностью, которую, как мне видится, вы изволили у меня умыкнуть! — злорадно провозгласил я. — Где Малышка Ева, уродец?

Я ожидал этого. Ожидал, что он резко развернется, бросившись ко мне, растопырив в стороны покрытые черной шерстью паучьи лапы, широко раскрыв свои влажные от яда педипальпы. Поэтому я уже распахивал заранее расстегнутую сорочку — не хотелось рвать дорожную ткань.

Аристократ быстро среагировал, отпрыгнув к противоположной стенке со всей силы, так что крылья надломились, прорвав в нескольких местах паутину, но спасти его это не могло. Черные чешуйки, капельки слизи, мелкие усики и волоски отрывались от его плоти и улетали прямо ко мне в живот, на котором расположился единственный мой родовой признак — наследие Кеции Мейсон и ее нечестивого любовника, который теперь освещал планету бездонным горнилом своей глотки, пожирая звезды и планеты. Миниатюрная копия этой пасти была моим животом и сейчас жадно поглощала плоть этого опустившегося аристократа — любителя грязнокровок. Когда чистокровный попытался выпрямить все конечности в жесте, взывающем к разуму, я прикрыл живот рукой, и попытка прекратилась.

— Это была лишь демонстрация силы. Я знаю, что ты меня понимаешь. Вздумаешь фокусничать — уничтожу раньше, чем успеешь позвать на помощь, — мои слова гремели,

словно падающие листы железа. — А теперь скажи, где моя Малышка?

Кажется, аристократ разразился длинной тирадой, шевелия хелицерами и потрескивая усиками. Проклятие! Ну, конечно, он не мог ответить — даже выучи он хоть одно слово на языках грязнокровок, его речевой аппарат все равно бы не справился. Что же делать? В отчаянии я оглянулся на Капру, и в глаза мне уткнулся обычно пугающий взгляд ее горизонтальных зрачков. На этот раз он не вызвал привычного ощущения жути — в этом взгляде сквозила влюбленность.

— Я могла бы поговорить с ним, Папа, — кротко сказала она, и я осознал, что эта идея пришла ей в голову еще тогда, в «Заведении Мадам Кеции», когда она попросилась со мной.

— Нет! Нет, Капра, об этом не может идти и речи! Я не доверю этому ублюдку даже твою задницу, а твой разум тем более! — я качал головой, внутренне уже соглашаясь на любую жертву, лишь бы вернуть Еву.

— Все хорошо, Папа Мейсон. Мне ничего не угрожает. Он слишком боится и не посмеет причинить вреда, — увещевала меня дочь черных лесов, а чистокровный, будто поняв, что мы обсуждаем, уже вытянул тонкую розовую трубку в нашу сторону.

— Если ты с ней что-нибудь сделаешь — уничтожу, — злобно прошипел я.

Влажный жгутик нырнул на страшной скорости прямо в горизонтальный зрачок моей девочки. Рогатая голова легонько дрогнула, и Капра застыла, поглощенная разумом аристократа.

— Он говорит, что ничего не знает, Папа Мейсон, — бесцветным голосом проблеяла она.

— Бред! Он лжет!

— Нет. Он показал свои воспоминания. Евы в них нет.

— Тогда почему он так хотел с ней возлечь? Что в ней особенного?

Многочисленные конечности твари возбужденно заскрежетали.

— Он говорит, что слухи ходят уже давно. Слухи о чистокровной людского рода, что вышла из подземных глубин. — гулко, точно из глубины колодца, отвечала куртизанка. — Он — позор своего рода. Его фетиш — «бледные сучки». Услышав, что одна такая есть у тебя, он устремился в заведение.

— Это все ведьма? Она его направила ко мне? — переспросил я, невольно вспоминая пророчество Вспухшей Дамы.

— Это правда. Я слышу слова Черного Человека, нашептавшего будущее... Непорочно зачатый, звереньш чистой крови погасит горнило, — тело Капры начало странно подергиваться, — Грядет темный мессия, он вернет Старый Хаос, изгонит Великих, станет патриархом нового рода и изничтожит благословенные тени. Никто больше не будет платить кровью, а лишь презренным металлом... Темные Хозяева уйдут, уступив место новому тирану! О, черная Матерь, Извечная Козлица с тысячей младых! Иа! Иа! Бойся старой крови! Плаинх мланвах иххрааа...

Теперь сотрясалось все тело Капры. Я понял что происходит, но было слишком поздно. Я рубанул рапирой по влажному мостику, соединяющему головы моей девочки и аристократа. Чистокровный отстранился и с омерзительным писком забился в угол. Капра упала навзничь, но ее глаза продолжали бесконечно вращаться, а рот извергал странные, непрониозимые слова, не имевшие смысла:

— Абрхыгрх! Снящий не проснется! Планумх млаванх кгрххра! Ткущий не закончит мост над Бездной! Аы-ы-ы-ых!

Тело куртизанки выгибалось и содрогалось от ужасных картин, заполнявших ее сознание. По лицу моему сами собой текли слезы: злокозненный аристократ не вынес унижения от грязнокровок и отомстил, поглотив ее разум, наполнив ее мыслы картинами иных миров и непредставимых созданий, которые окончательно уничтожили личность моей ласковой, бесконечно доброй и преданной Капры.

Застонав, я осел на пол и уставился на лишившееся управления тело: копыта елозили по полу, когти скребли грудь, где между шестью соблазнительными округлостями скрывалось безумно колотящееся сердце. Сдерживая рыдания, я схватился за ее серые рога, которые я так любил ласкать раньше, подтянул голову Капры к себе и сильным резким движением положил конец ее страданиям. Влажный хруст шейных позвонков похоронным набатом отозвался у меня в ушах. Полный ярости, я повернулся к недовольно стрекочущему уродцу.

— Зачем? Зачем, тварь? — закричал я, разрывая рубашку на груди. Сколько чистокровный не тянул руки вверх и вбок, призывая разумное существо к контакту — я его не пощадил. Пасть Слабоумного Бога, чья жалкая, но смертоносная копия располагалась у меня на животе, проглотила его полностью, всосав и расколовшийся на части хитин, и тонкие струйки ичора, и бесконечные глаза, которые до последнего взирали на меня со смесью ненависти и мольбы. Все было кончено.

* * *

Возвращался я в Рыболовный Квартал один. Некому было утешить меня в моем горе. По привычке, доведенной до автоматизма, я поливал тени в углах заработанной в борделе кровью, тайно желая, чтобы им этого оказалось мало, и те пожрали меня целиком. Звездный вампир был слишком сыт и ленив, чтобы преследовать меня.

Рыболовный Квартал не затихал ни на минуту, казалось, я никуда и не уходил. Все так же шныряли меж прилавков мальчишки, все так же неразборчиво квакали друг на друга торговцы, все так же светила глотка-горнило Слепого Бога-Идиота в багровых небесах.

А вот с моим заведением что-то было не так. Сначала я даже не понял — что. В глаза бросилась открытая нараспашку дверь и удивительно пустой закоулок, обычно кишачий уличными девками. Сборщики податей сыто дремали в тених, не предпринимая попыток взять с меня плату за проход. Что произошло, я понял лишь когда обнаружил в канаве испеленную массу, когда-то бывшую плотью Шоуи. Я ткнул тростью в самую гущу серого жирного пепла, уже понимая, что привычного «Текели-ли» в ответ не услышу.

Зайдя внутрь, я пожалел, что не позволил аристократу вскипятить мне мозги вместо Капры. Возможно, хоть так я бы смог пережить это зрелище.

Все мои девочки были мертвы. Словно сломанные куклы, они валялись на багровом ковре, который маскировал истекающие из них жизненные соки. Вскрытая вдоль всей

длины Йита, свернувшаяся безжизненным клубком. Плоская, потерявшая форму Релея, лежащая на краю дивана, словно выловленный рыбаками кальмар. Пришпиленная острым куском железа к стене, как раздавленное насекомое скрючилась Мерипода. И повсюду жирными пепельными пятнами стекала плоть несчастной Шоуи. Убийцы не пощадили никого.

Мне хватило достоинства подняться в собственный кабинет, чтобы уже там кататься по полу и вопрошать Вседержителя, почему я не прикончил Вспухшую Даму, пока была такая возможность? Чертов эгоист! Рванулся за своей расфуфыренной игрушкой на чужую территорию, поссорился с самой мстительной тварью во всем квартале, оставил девочек без защиты и... все напрасно?

Шкатулка лежала там же, где я ее оставил. Поливая останки Дженкина слезами и кровью, я взывал к своим предкам с мольбами и угрозами. Желтый скелетик быстро оброс плотью, а после и шерстью. Маленькое тельце заворочалось в луже бледной крови аристократа, хлестнул по бархату шкатулки лысый хвост.

— Дженкин? — позвал я.

— И чего ты разнюнился, мямля? — миниатюрное неприятное лицо с торчащими зубами быстренько огляделось и вперило в меня темными злыми глазками. — Что тут за бардак?

— Некто осквернил дом Мейсонов и уничтожил все, что мне дорого! — горько ответил я, размазывая слезы по лицу. — Помоги!

— Никогда не думал, что буду наблюдать такое жалкое зрелище: смотрите все, внук Кеции Мейсон — самой наложницы Султана Демонов — распустил сопли! — издевательски скрипел голос Дженкина. — Лучше бы я оставался мертвым! О, Нахав, зачем ты меня с ним оставила?

— «Дом неправильных углов»? Где это? — взяв себя в руки, строго спросил я.

— Ты идиот? — грубо и даже как-то раздосадованно спросила маленькая косматая тварь.

— Ответь, что такое «Дом неправильных углов»? — с нажимом произнес я.

— Точно идиот! Ты в нем находишься! Неужели ты даже не притронулся к записям Нахав? Так и не нашел ее тайник?

— Я обыскал весь дом. В подвале ничего не было, — недоуменно ответил я.

— А ты точно Мейсон? У них в роду вроде дураков не было!

— Точно! И ты обязан служить мне, крысеныш! — разозлился я.

— Ага. Припоминаю что-то такое. Я смотрю, талант к геометрии по наследству не передается, да?

— Просто скажи прямо — что такое «Дом неправильных углов»! — выкрикнул я.

— Идиот! — Дженкин спрыгнул со стола и побежал в один из углов моего кабинета, тот самый, о который я частенько бился головой. Поднеся ведьмовские глаза поближе, я увидел, что тот и вправду какой-то неправильный. Слово бы за ним скрывалось пространство. Но я точно знал, что никакого чердака не было: мой кабинет находился в мансарде, и надо мной находилась крыша.

Тем временем крысopodobное создание, ловко цепляясь за обрывки обоев, с легкостью добралось до странно тупого угла.

— Проход здесь, позор рода Мейсонов. Тебе нужно лишь слегка подправить угол, и он откроется, — проскрипел Дженкин из темноты.

Не осознавая полностью, что творю, я осторожно взрезал ножом для писем кусок бордовых обоев, усекавших угол. Три плоскости стен и потолка, наконец, сошлись воедино и вдруг раскрылись, подобно цветку, погружая меня в такой знакомый тошнотворный мир непроезжих цветов и неназываемых форм.

В себя я пришел уже на дощатом полу чердака, которого здесь никак быть не могло. Не было здесь и ведьмовских глаз — вместо них помещение освещала глотка Вечно Жующего, багровые лучи из которой проникали в комнату через огромное панорамное окно. Подняв голову, я увидел ее.

Куртизанка возлежала, раздвинув ноги, на старом жертвенном алтаре прапрабабки — моем наследстве. Белые, будто фарфоровые, бедра были широко разведены, пеньюар задран, обнажая темные набухшие соски, а влажное лоно широко раскрыто, словно голодная пульсирующая пасть в

окружении темных жестких волос. Слева от алтаря стояла темная фигура в фиолетовой мантии с полотенцем и хирургическими ножницами в руках.

— Я не ждала тебя так рано. Нашел все-таки, — произнесла Малышка Ева, недовольно надув губки.

Я попытался встать с пола, но невыносимая резь скрутила живот, и я вновь свалился в мусор и пыль. Сверху мне на плечо наступил тяжелый тупоносый ботинок. Из-за спины шагнули еще двое: лица скрывали капюшоны, а на груди болтались странные амулеты с распятой в кругу фигурой.

— Я даже рада, что тебе доведется увидеть первое в этом мире рождение человека, — насмешливо произнесла Ева и тут же застонала. Откуда-то из тьмы возникла рука в черной перчатке и стерла выступивший на лбу куртизанки пот.

— Человека? Какая глупость! Они вымерли столетия назад! — хрипло возразил я и тут же получил каблуком в скулу. Незаметно для остальных я начал убирать ткань сорочки с живота. Сейчас они пожалеют...

— Не старайся. Здесь это не сработает: посмотри на стены! — раздался помноженный натрое голос Вспухшей Дамы из-под капюшонов сектантов.

Подняв взгляд, я увидел бесконечные переплетения символов, составлявших собой какую-то математическую формулу. От их вида меня замутило.

— Как раз против таких грязнокровок, как ты-ы-ы! — Ева сорвалась на крик и тяжело задышала. Я видел, как напрягаются мышцы на ее бедрах, как боль искажает миловидные прежде черты. Пасть меж ее ног раскрылась шире, и из нее показалось что-то круглое и влажное.

— Головка пошла, — отчиталась одна из теней в балахоне голосом старой ведьмы. Под капюшоном поблескивали беспрестанно вращающиеся глаза слуг хозяйки Рыболовного Квартала.

— Зачем? Зачем все это? — спрашивал я, не зная, какого ответа жду.

— Зачем — что? — отвечала Малышка, перемежая свои слова стонами. — Зачем мы прятались годами в бункерах? Зачем меня клонировали из замороженного генетического материала? Ваши мерзкие щупальца добрались и туда. Плоть и

разум моих братьев и сестер были осквернены. Лишь мне удалось остаться чистой!

— Чистой от чего?

— Чистой от вашей космической скверны! Первый человеческий ребенок, рожденный в вашем мире — это первая печать на клетке твоих богохульных повелителей! — с торжеством выплевывала слова моя куколка с искаженным болью лицом, которое уже не казалось красивым.

— Но почему здесь? Почему в моем заведении? — отчаянно возопил я, ощущая не меньшую боль в животе, чем Ева. Словно я сам приносил ребенка в мир. Запоздало я понял, что это корчились в агонии мои родовые признаки, истребляемые искаженной, неправильной математикой Старого Мира.

Малышка завизжала на пределе легких, после чего нашла в себе силы ответить:

— Твой бордель — самое безопасное место в городе, даже ведьмы сюда не суются. Шершавая и соленая дрянь во рту пару раз в неделю — не самая большая плата за спокойствие, пока зреет священное дитя.

— А ты? Ты, старая мразь, тебе все это зачем? Ты понимаешь, что без богов от тебя останется лишь лужа дерьма? — вскричал я в гневе.

— О, нет! — раздались голоса Вспухшей Дамы из перекошенных ртов. — Я буду жить! Я приму в себя человеческую плоть и останусь свободной от воли богов!

— Нахав бы так никогда не поступил! — мотнул я головой от досады.

— Твоя бабка — глупая фанатичка! Она никогда не умела жить для себя! — гневно плевались слюной рты слуг. — Никогда не думала о будущем. Что ты думаешь, будет с нами, когда этот мир доедят? А я тебе скажу — от нас не останется ничего. Мы все станем частью Жующего Хаоса. Это не входит в мои планы. И это дитя поможет нам восстановить Старый Мир!

— Но от кого ...— мне не удалось договорить — новый приступ боли скрутил внутренности.

— Это все наши далекие предки. Они предвидели катастрофу и заморозили генетический материал. Дама помогла мне...Она весьма умелая во всем, что касается плоти.

Ребенок зачат непорочно. — Ева неожиданно рассмеялась, попеременно охая от боли. — Я практически новая Мария!

Божество в небе грохотало. Я проваливался в беспамятство от бесконечной боли, разрывавшей теперь не только мой живот, но и все тело, словно сам окружающий мир становился враждебным.

Вскоре раздался крик. И он принадлежал не Еве. С трудом разлепив глаза, я смог увидеть, как той на руки передают что-то лиловое.

— Скажи, ты любила меня? Хотя немного? — спросил я, в отчаянии теряя остатки рассудка.

— Тебя я ненавидела больше всех! — отвечала Ева, затыкая младенцу рот темным соском.

Мир рушился на глазах. Высоко в небесах сжималось, усыхало и слабело такое бесконечное раньше и такое жалкое теперь тело нашего бога. Посередине его прожигал адски яркий, горящий оранжевый глаз, разгоняя тени по комнате, обдавая лицо странно теплыми лучами. Я чувствовал, как мои родовые признаки растекаются под животом склизкой лужей, выпуская наружу кишки, но не мог оторвать взгляд от омерзительно прекрасной картины - как Ева торжествующе смотрит на меня, прижимая к груди ребенка.

Неожиданно перед глазами возникло темно-багровое пятно. Оно растеклось мрачной кляксой на испачканном слизью белом пеньюаре девушки. Кровь потекла по рукам Малышки Евы, скатываясь по округлому животу на бедра и застывая рубиновыми капельками на волосах между ног. Ева опустила голову и завизжала в ужасе, словно взглянула в глаза своим самым чудовищным кошмарам. Из-под ее локтя вынырнул комочек бурой шерсти. Не в силах произнести ни слова, девушка горестно воздела младенца, и мне удалось различить окровавленную дыру с рваными краями в шее маленького человечка.

Где-то на периферии зрения, прямо на полу возникло маленькое лицо в обрамлении темной гривы; острые крысиные зубки и крошечное личико перепачкано кровью.

— Не за что! — бросил, убегая прочь, Бурый Дженкин.

Кирилл Токарев
Надежда на невозможное

*Я так не могу жить!
Тени дарить.
Понять не успеваю.
Я — жизнь. Я — смерть.
Там-то все уже знают.*

Кукрыниксы, «Никто»

Песчаный скат издыхал. Тяжелый хвост, усаженный острыми шипами, лоснящимися от яда, бессильно бил по земле, вздымая тучи мелкой пыли. Подергивались мощные крылья-плавники, сухо и страшно щелкали хитиновые отростки, заменяющие скату зубы, но все это уже ничего не значило. С разрубленным вдоль брюхом, с вываленными на землю мотками кишок не живут. И правило это непреложно и для человекоподобных, и для самой разной нечисти, коей в избытке расплодилось за последние три столетия.

Поразивший тварь сидел, привалившись спиной к теплой поверхности одинокого валуна. Острые черты лица и иссиня-черные волосы выдавали в нем уроженца северных равнин Йоно-Шу — места, где никогда не стихают войны. Он тоже был мертв и прекрасно знал об этом: ядовитый шип песчаного ската рассек кольчужный чулок чуть выше колена, и теперь отравя медленно, но верно делала свое дело.

— Глупо, правда? — победитель песчаного ската виновато усмехнулся. — Если б я не бросился наперерез гадине, а ударил сбоку...

— То скат бы снес голову Беатрикс. Или достал бы Козмо. Или убил бы их обоих, — воин в тяжелом пластинчатом доспехе тяжело вздохнул. — Выбора не было. И ты все сделал правильно, Рикард.

— Я рад, что ты одобряешь, Роланд, — в голосе Рикарда звучал сарказм. — Что ж. Приятно знать, что я подох не напрасно. Хотя...

— Что — «хотя»?

— Роланд, не надо, — рыжая девушка в пестром наряде Вольных Рот положила было руку на плечо воителя, но тот дернулся, словно вырываясь из смертельной хватки.

— Так что ты там говорил насчет «хотя», а, Рикард?

— Ты прекрасно все знаешь и сам. Наш поход. Глупость ведь, а, Роланд? Ну, признай это хоть сейчас. Хоть для меня. — Победитель песчаного ската натужно закашлялся, и по его подбородку потекла тоненькая струя черной, как смола, крови. Яд уже действовал.

— Значит, глупость? — лицо воина потемнело от гнева. — Глупость, да? Почему же ты не сказал этого раньше? Тогда, в той грязной кантине на рынке Тултубаша? Почему ты молчал, когда я разрушал свою жизнь? Когда рвал старые связи? Когда создавал себе новых врагов? Почему ты молчал тогда, а, кусок смердящего дерьма?

— Роланд! — рыжая Беатрикс попыталась в очередной раз ухватить своего спутника за плечо, но ее саму оттащили в сторону. Козмо, молчаливый и угрюмый, слишком хорошо знал лидера их маленькой группы и не хотел рисковать.

— Так почему ты молчал, а? — в голосе Роланда уже не оставалось ничего человеческого. Это был рык разъяренного зверя. Хуже того: и Беатрикс, и Козмо прекрасно видели, как сквозь человеческую сущность проступают обычно невидимые *изменения*. — Давай, скажи мне. Ты же все равно мертвец.

Рикард попытался рассмеяться, но поперхнулся кровью.

— Я молчал, потому что хотел верить. Посмотри вокруг, Роланд. Кругом война, дерьмо и демоны. Мы служим им. Принимаем их *метки*. И вдруг — надежда! Слабая, призрачная, но — надежда! Ангел, Роланд! Ангел, который прошел горнило Бесконечной Войны и спустился на твердь Брунре! Я убедил себя... Но сейчас я вижу, что все это просто бредни обреченных. Нет никакого ангела, Роланд. А мы все — говнюки, вполне заслужившие вечные муки.

Тяжелый копеш огненным росчерком мелькнул в лучах заходящего солнца. Хруст разрушаемых ребер, фонтан отравленной крови, запоздалый крик Беатрикс и... все закончилось.

Роланд повернулся к своим спутникам. *Изменения* исчезали на глазах, к воителю возвращался человеческий облик.

— Вы можете меня осуждать. Но я подарил ему быструю смерть. Только и всего. Быстрая смерть. Хорошая смерть. Лучше, чем мучительное угасание здесь, на краю пустыни. И еще одно, — воин слегка помедлил, подбирая слова, — если кто-то считает, что наш поход — это глупость... В общем, я никого не держу.

Затянувшуюся паузу нарушила Беатрикс.

— Я с тобой. Как бы то ни было, я верю.

— Пожалуй, я тоже иду с тобой, Роланд, — на костлявом лице Козмо как всегда не отражалось ни одной эмоции. — Не знаю, к чему мы в итоге придем, но, как мне кажется, жребий брошен давно. И пути назад уже нет.

...трое уходили на запад, навстречу алым лучам заходящего солнца. А тот, кого при жизни звали Рикардом, смотрел им вслед невидящими глазами и улыбался. Так, как может улыбаться только мертвец.

Каменные глыбы торчали из песчаной почвы, словно кости давным-давно поверженного исполинского зверя.

— Хорошее место. Крепкое, — Роланд скинул поклажу на землю. — Все окрестности — как на ладони, зато нас так просто не разглядишь. И даже огонь можно развести. Там, внизу. В распадке. Козмо, займешься?

Худошавый наемник сухо кивнул. А Роланд слегка расслабился: как бы то ни было, случившееся несколькими часами ранее не поколебало его авторитета. Он все еще лидер, и это главное. Он — лидер, и цель все еще достижима. Остается, конечно, еще очень много «если». Если они сумеют добраться до Санкто Ди Песте. Если сумеют найти человека, которого Роланд мог с некоторой натяжкой считать своим другом. Если воины Франческо ди Сангвинары потеряли след после того, как маленький отряд Роланда свернул на нехоженую тропу, ведущую через пески. Если... Во имя всех владык Ледяного Ада и Лимба, сколько же их, этих «если»... Об одном из них Роланд запрещал себе думать. О том, что весь их поход — несусветная глупость, а все его жертвы принесены зря. Если, конечно, оставшийся в песках Рикард был прав.

Воитель до хруста сжал зубы, запрещая себе даже тень такой мысли. Нет. Ошибки быть не может. Огненный болид, расчертивший небеса несколько месяцев назад. Странные знамения. Беспокойство Князей — Демонов, причем далеко не последних в адской «табели о рангах». Пророки... Скольких он, Роланд, своими руками принес в жертву покровителю рода — Багрянорукому Дальциану? Пятерых? Шестерых? А набегу Лишенных Покровительства? Совпадения? Не слишком ли много совпадений?

«Я прав. А Рикард дель Ферро ошибался. Он... Он хотел, чтобы его слова оказались правдой».

Вспышка ярости накрыла воителя, словно осенняя буря. В глазах потемнело, а тело, повинувшись памяти крови, стало *изменяться*. Роговые пластины выступили на месте бровей, скулы сдвинулись, превратившись в подобие костяного забрала, кости черепа пришли в движение, формируя рога и острый продольный гребень.

«Нет... Нет... О, Дальциан, не сейчас... Не дай мне повторить судьбу отца... Н-н-нет...»

Безумие не желало отступить. Теперь уже *изменяться* стали ребра и остистые отростки позвоночника. Боль от текущей плоти усиливала ярость, а ярость усиливала боль. И вдруг — теплая ладонь на лбу, звуки странной, запретной уже три столетия мелодии... церковный хорал, исполняемый высоким женским голосом. Прикосновение... Сочувствие... Сопереживание? С глухим хрипом Роланд упал на колени. Кровавая пелена рассеивалась, а каждый дюйм тела пронизывала нечеловеческая боль — плата за несостоявшееся *изменение*.

«Кто?» — Ответ был как на ладони: Беатрикс! Козмо бы не смог. Не смог и не захотел бы. Риск был слишком велик.

— Спасибо тебе.

Девушка пожала плечами.

— Не за что. Я сделала то, что должна была сделать. Как и ты. Тогда. В пустыне.

Роланд скрежетнул зубами. Багрянорукий! Теперь он не сможет обманывать себя.

— Тогда я... Впрочем, не важно. Рикард был хорошим бойцом. И мне его будет не хватать. Остановимся на этом.

Откинув со лба непослушную рыжую прядь, девушка кивнула.

— Как скажешь. Ты — командир.

Роланд промолчал.

— Если тебе будет интересно знать, то слова дель Ферро меня тоже задели. У всех должен быть шанс. У всех. Даже у конченных говнюков. Так что ангел существует, и мы отыщем его. Слышишь, командир? Обязательно отыщем. Чего бы нам это ни стоило.

Повернувшись спиной к воителю, Беатрикс зашагала вниз, в распадок, где Козмо продолжал возиться с едва занявшимся огнем. А Роланд задумчиво смотрел ей вслед, тщетно пытаясь понять, что же такого неправильного в его спутнице. И что именно в ней вызывает неясную оторопь и страх.

К середине следующего дня они добрались до предгорий Сьерра – блу – Ланси. Как-то незаметно песчаные дюны и каменные осыпи сменились сначала поросшими колючим кустарником холмами, затем кустарник стал гуще, а холмы — выше. И, наконец, на горизонте замаячили серые пики, а вокруг вдруг взметнулись старые, как сам мир, леса.

— Успеем пройти перевал — считай, ускользнули от Сангвинары и его головорезов, — Роланд довольно шурился, вдыхая пахнувший хвоей воздух. — Хоть они большей частью и верхом, но времени потеряли куда больше нашего. Да и переход через пески дал нам добрую фору.

— Не считай Сангвинару дураком. Ты ведь сражался с ним плечом к плечу. И не раз. — Бесцветный и невыносимо спокойный голос Козмо разрушил временное спокойствие, охватившее воителя. — Уверен, на перевале нас будут ждать. Так что... Лучше подготовиться к проблемам заранее.

Лесная тропа и окружающее буйство жизни тут же утратили для Роланда всякую привлекательность. Теперь за каждым кустом мог таиться враг, с каждого дерева, того и гляди, могла прилететь смертельная стрела. Но хуже всего было то, что им так или иначе придется сбавить темп. А значит — кто-то, за кем не охотятся слуги князей-демонов, вполне может добраться до ангела раньше... Или ангел может вознестись сквозь тонкую плоть мира. В конце-то концов, Брунре теперь всего лишь аванпост сил Пандемониума в вечной войне с Небесами, так что ангелам тут не место. И что тогда?

«Рикард был прав... Прав... Твоя цель – призрак, дым, морок...»

Знакомая пелена перед глазами, дрожь и озноб. Усилием воли Роланд подавил первые признаки надвигающегося *изменения*.

— Козмо! Помнится, где-то тут была деревня? Можно было бы остановиться там.

— А заодно и прикупить у местных какой-никакой снеди. Сушеное мясо и уксус, по недоразумению называемый вином, мне несколько надоели, — на сей раз в голосе Козмо улавливались одобрительные нотки. — Если направляемся к деревне — то нам на север. Прямо по тропе, потом направо на первой же развилке.

Путь оказался правильным. Свернув на упомянутой Козмо развилке, они шли по лесной чаще еще около часа, а затем лес стал заметно редеть. Вскоре в просветах между деревьями замелькали поля, а тропа превратилась в добротную проселочную дорогу.

Когда впереди уже виднелись приземистые крестьянские дома, крытые грубой глиняной черепицей, отряд вошел в странную рощу, неуловимо отличающуюся от всего, что путники доселе видели. Кроны деревьев были гуще, кора — темнее, а ветер, который шелестел в ветвях, словно пытался что-то рассказать, о чем-то напомнить. В следующее мгновение Роланд вдруг понял, что он различает голоса и обрывки фраз: спорили между собой глубокие старики, болтала друг с другом подвыпившая молодежь, пели что-то протяжное и заунывное деревенские молодки... Шаг — и все стихло. Еще шаг — голоса вернулись. Бурчание, бормотание, пение, ругань... Вдруг ни с того ни с сего испуганно вскрикнула Беатрикс.

— Т-там... — Рукой в кожаной перчатке девушка указывала на ближайшее к дороге дерево.

Присмотревшись, Роланд тоже невольно вздрогнул: с древесного ствола на него смотрело сморщенное лицо пожилого крестьянина. И лицо это было живое: трещина в коре, заменявшая старику рот изгибалась и кривилась, сучки-глаза шевелились, стараясь повнимательнее «рассмотреть» незваных гостей.

Смех Козмо был похож на перестук сухих костей.

— Крестьяне, мессир. Обычные крестьяне. Не все в нашем несчастном мире носят гордые фамилии, навроде Спатаров или Сангвинаро. Не все мечтают переродиться в демонов-воителей и отправиться на Бесконечную Войну с Обетованным.

— Иштарта. Они поклоняются Князю Плодородия, — Беатрикс невольно усмехнулась. — А эта роцца...

— Всего лишь кладбище, — закончил за нее Козмо. — Это — их посмертие. Живешь на земле. Уйдешь в землю. Прорастешь из нее. В целом, не самый плохой финал. Во всяком случае, куда лучше того, что возможно ожидает меня. Или Роланда. И я не знаю, чью *метку* носишь ты, лучница.

— Это неважно, — оборвала наемника девушка. На взгляд Роланда — излишне резко. — Важно иное. Местные. Они должны были видеть вооруженных людей. Полукровки и твари, которые служат Франческо, публика весьма заметная. Так что...

Деревенский староста был весь какой-то искореженный и скрученный. Ни дать ни взять — согнутый бурей вяз или ясень, который так и не сумел распрямиться. На вопросы он отвечал вроде бы и с охоткой, но что-то в его манере держаться откровенно не нравилось Роланду. Были ли в деревне чужие? Нет, уже давно никого. Разве что полтора месяца назад приходила дружина герцога за оброком. Зерно для «говорящего мяса» забирать. Да-да, именно. Демоны-то все больше человечинкой пробавляются. А человечинка хлебушка просит. Без подробностей? Воля ваша. В общем, не было тут никого. Снеди купить? Почему бы и нет. И переночевать — всегда пожалуйста. На северной окраине как раз домишко ничейный имеется. И стоит обособленно — никто благородным не помешает, сон не потревожит. Показать? Покажу, чего б и нет.

Отведенный для ночлега дом стоял не просто на окраине, а откровенно на отшибе.

— Лет триста назад тут, очевидно, жил священник. Вон тот пустырь — старое деревенское кладбище. Еще тех времен. А вот тут была церквушка. Фундамент да часть стены еще до сих пор сохранились, — в голосе Беатрикс звучала потаенная тоска.

— А потом оказалось, что Откровения Конца Времен правдивы, в Брунре пришли демоны, а церкви вместе со священниками вдруг оказались не нужны, — Козмо бросил дорожную сумку на кровать и с громким хрустом потянулся, — Но это все дела дней минувших. А если говорить о делах нынешних... Скажи-ка, герцог Спатар, не показался ли тебе подозрительным этот простолюдин? Не кричит ли твоя благородная кровь о возможном предательстве?

— В деревне было подозрительно мало народа, — сказал Роланд, зевнув, — а ведь сейчас вечер, все должны были уже вернуться с полей. Дом, который нам отвели для ночлега... Может и совпадение, но к нему очень удобно подобраться незамеченным. Заросли, руины церкви, лес недалеко.

— А еще, мессир, его кости буквально вопили о лжи и о страхе. А я-то уж в таких вещах не ошибаюсь, о нет, — Козмо сухо хохотнул.

Роланд невольно вздрогнул. Козмо Пиетра редко упоминал о своей *метке*. И еще реже пускал в ход свои пугающие способности, предпочитая до последнего носить маску обыкновенного рубаки. Сабанак, владыка костей и разложения, щедро давал своим миньонам толику истинной силы. Однако потом, когда наступал момент расплаты... Собственно, для Козмо расплата была совсем не за горами.

«Потому-то он и будет со мной до конца! — думал Роланд. — Терять ему уже нечего».

— Значит, нас уже ждут, — бывший герцог присел на трехногую табуретку. — Что ж. Нельзя сказать, что я удивлен. У ди Сангвинаро достаточно людей, чтобы послать часть из них вокруг пустыни, часть отправить следом за нами, а еще один отряд посадить на корабли и оказаться в этих краях раньше нашего.

— Вряд ли они будут нападать сразу и без оглядки, мессир, — Беатрикс постучала ногтем по пузатой винной бутылке, купленной у местных. — Пошлют пару-тройку псов на разведку. Разузнать что тут и к чему. А вот уже потом...

— В любом случае, у нас есть пара часов покоя. Так что проведем их с пользой. Козмо! Ты будешь дежурить первым.

Они пришли ближе к полуночи. Двое проникли через окна, виртуозно подняв оконные рамы с помощью узких клинков. Еще один с едва слышным скрипом зашел через дверь.

Беатрикс кивнула в сторону глухой стены и показала три пальца. Ага. Значит, еще трое снаружи. Прикрывают. Что ж. Придется действовать по возможности тихо.

Первый из вошедших в дом удивленно присвистнул, обнаружив пустую постель. В следующее мгновение он уже сползал по стене, тщетно пытаясь остановить хлещущую из горла кровь. Второй обернулся на шорох. Как раз вовремя,

чтобы поймать глазницей арбалетный болт. Третий лазутчик оказался куда проворнее и сообразительнее. А может, он просто успел заметить едва заметный блеск стали. Как бы там ни было, человек ди Сангвинаро метнулся в сторону ближайшего окна.

— Проклятье! — Роланд бросился следом. Весь план летел псу под хвост. — Стой, ублюдок!

Как ни странно, «ублюдок» остановился. И даже попытался выхватить из ножен разбойничий клинок, похожий на осиное жало. А вот времени осознать свою ошибку у него уже не хватало: копеш ударил, словно молния, легко отделив голову от тела.

— За остальными! Скорее! Они не должны уйти!

Слова были лишними. Спутники Спатара знали, что от них требуется. Короткий взвизг — и из-за ограды вывалилось дергающееся в агонии тело. В следующее мгновение Козмо Пиетра прыгнул в темные заросли. Помочь? Нет времени. Где-то тут еще третий... Но где? Заполошно захрипела верховая тварь. Ну конечно! За дом, быстрее! Всадник направляет зверя прямо на Роланда. Замах — и темный от крови копеш перерубает все четыре передних конечности твари, а беглец летит на землю. Все кончено. Они сумели победить. По крайней мере, на этот раз.

Роскошные черные волосы. Тонкие черты лица, чувственные губы и чуть вздернутый нос. Высокая грудь и широкие бедра. Пленник (или, скорее, пленница?) был больше похож на наложницу, чем на предводителя разведчиков. Впрочем, как помнилось Роланду, ди Сангвинаро весьма ценил тех, кто был хорош и в бою, и в постели.

— Поговорим начистоту, красotka? — копеш Спатара воткнулся в землю. — Или желаешь поюлить?

Ответом Роланду послужил глубокий грудной смех.

— С каких это пор Франческо стал отправлять женщин командовать своими головорезами? — Беатрикс удивленно покачала головой.

— Женщин? — бывший герцог усмехнулся. — Знакомься. Это — Трисс. Герольд и правая рука ди Сангвинаро. Да, оно греет нашему общему другу постель. Но оно не является женщиной. Разве что только наполовину. Блюдо на любителя. Тут тебе и курочка, тут и петушок.

— А ведь ты завидуешь, Спатар, — подало голос плененное существо. — Завидуешь и боишься. Завидуешь — потому что никогда не мог позволить себе то, что позволяли себе представители рода Сангвинаро. А боишься того, что с тобой сделает мой Франческо, когда ты наконец-то попадешь ему в руки.

— Твой господин далеко, — Роланд делано зевнул. — А я рядом. И, видишь ли, Трисс, я не в настроении шутить. Посему перейдем к делу. Где остальные из тех, кто пришли с тобой?

— Считаешь, что я с тобой поделюсь? — пленник облизнул полные губы. — А что взамен? Только не обещаю жизнь и свободу. Я слишком хорошо тебя знаю.

Воитель пожал плечами.

— Смерть бывает разной. Но выбор в этот раз за тобой. Так и быть.

— Что ж, это, пожалуй, справедливо, — в глазах у Трисс впервые мелькнул призрак страха. — Выбор между быстрой и медленной смертью? О, я даже не знаю. Иногда боль бывает сродни наслаждению, а смертную муку можно сравнить с мигмом наивысшей страсти на любовном ложе... Как же сложно... Впрочем, я бы предпочла старую добрую оргию. Примешь мое предложение?

Тело Трисс призывно изогнулось. Взмах ресниц, поворот головы, капельки пота на тонкой шее. Часто вздымающаяся от прерывистого дыхания грудь и восставший в предвкушении фаллос. Роланда передернуло. О придворном гермафродите ди Сангвинаро ходило много слухов. Часть из них определенно соответствовали истине.

— *Метка* Астариотты тебе сегодня не поможет. Смирись и сделай свой выбор. Говоришь где остальные по-хорошему — подарю тебе чистую смерть от стали. Упорствуешь? Тогда с тобой пообщается Козмо. И можешь мне поверить, боль, которую ты испытываешь, будет весьма далека от наслаждения. Ну, так что?

— Свой выбор я сделала уже давно, — голос Трисс слегка дрожал. — Хочешь что-то узнать? Отсоси у меня, Спатар!

Махнув рукой Козмо, бывший герцог отошел от пленника. И очень скоро глумливый смех гермафродита сменился протяжным визгом. Дар Владыки Костей не знал пощады.

Хлипкая дверь в доме деревенского старосты вылетела от первого же пинка. Испуганно заголосила женщина, где-то в глубине дома разрыдался ребенок. Кто-то рослый, но неуклюжий попытался пырнуть Роланда дрянным кухонным ножом — лезвие с гадким скрипом скользнуло по стальным пластинам доспеха. В ответ Спатар ударил тяжелым наверхушкой копеша и удовлетворенно хмыкнул, услышав протяжный стон. Убивать бывшему герцогу не хотелось. По крайней мере, сверх необходимого. Кровь уже и без того кипела в предвкушении *изменений*.

— Ты знаешь, почему я пришел.

Староста обреченно кивнул. Как бы там ни было, выдержка у крестьянина была железная.

— Убивать тебя здесь я не буду. Это не принесет никакой пользы... А за свое предательство ты должен расплатиться. Так или иначе. Вижу, что ты прекрасно осознаешь свое положение. Надеюсь, его осознают и твои домочадцы?

Старик нервно дернулся.

— Осознают, господин. Ну а кто нет... Уже осознал.

— Тем лучше для них. Мы ждем тебя во дворе, — бывший герцог демонстративно повернулся спиной к неудачливому предателю.

«И тем лучше для меня. Больше шансов на то, что я останусь человеком до самого конца. До того, как мы отыщем ангела».

До лагеря людей Сангвинаро они добрались меньше чем за час — спасибо скакунам, оставшимся от разведчиков Трисс. Твари, похожие на помесь блохи и ухвертки неслись по лесистым холмам и заболоченным оврагам с сумасшедшей скоростью.

С каменистого, поросшего чахлыми соснами холма стоянка головорезов ди Сангвинаро была как на ладони. Роланд прекрасно видел дремавшего возле костра часового, при этом два его напарника, вместо того, чтобы обходить окрестности лагеря по периметру, резались в карты, распивая вино. Невольно герцогу вспомнилось, сколько раз он пытался заставить Франческо навести порядок среди его людей. Что ж.

Иногда постоянство идет на пользу. Хоть порою и несколько необычным образом.

— Двадцать четыре, — Беатрикс кивнула в сторону лагеря. — Это создание по имени Трисс не обмануло. Нападения они не ждут, но...

— Всех сразу мы врасплох не застанем, — закончил за разведчицу Роланд. — Впрочем, нам это и не понадобится. Козмо и наш... хм... временный «друг» несколько подсократят число тех, кто сможет хоть как-то сопротивляться.

Деревенский староста тяжело вздохнул. Козмо Пиетро только пожал плечами; сейчас он сильнее, чем когда-либо, напоминал ожившего покойника: казалось, его кости светятся и сквозь плоть, и сквозь неказистую одежду. Плохо. Значит, скоро Сабанак позовет его. Сила чужой жизни, конечно, поддержит Пиетро, но старик есть старик. По уму следовало бы взять вместо него ребенка, который еще не получил Покровительство, но что-то удержало Спатара от этого. Что-то или кто-то? Беатрикс и сейчас смотрела на происходящее без особого одобрения, но вмешиваться не спешила.

«Я до сих пор не знаю, кому из Владык она посвящена. Какой силой владеет. Зачем идет с нами. И... Как она сумела справиться с моим безумием?» — думал Роланд.

Отогнать ненужные сейчас мысли оказалось непросто.

— Козмо, Беатрикс? Готовы?

Короткий кивок и едва слышное «да». Старый крестьянин понял, что его час настал, дернулся, попытался метнуться в сторону, но рука Роланда не знала промаха. Верный копеш рассек ребра, а рука в кольчужной перчатке вырвала еще бьющееся сердце.

— Сабанак! Прими жизнь за силу! Прими дар за свободу!

В ушах Роланда Спатара взорвались адским гулом тысячи тысяч барабанов, завизжали миллионы костяных дудок. В глазах у герцога потемнело. А Козмо рассмеялся как пятилетний ребенок, которому подарили новую игрушку. Кости наемника налились недобрый алым светом, воздух вокруг него подернулся пугающей дымкой, заметной даже в неверном звездном свете.

— Сабанак! — Козмо подхватил клич. — Сабанак-владыка! Жизнь за силу! Жизнь за жизнь!

Дуновение бездны. Стон умирающих. Касание тлена и шелест крыльев мириад давным-давно умерших насекомых. Боковым зрением Роланд успел заметить, как тело жертвы рассыпается тяжелыми хлопьями пепла.

А в следующий миг Козмо ударил. Всей силой: и своей, и заемной. Спящего у костра стража буквально разорвало на куски его же собственными костями: острые охвостья позвонков и неимоверно разросшиеся ребра с алеющими на них кусками кровоточащей плоти напомнили Роланду о гигантских лилиях, растущих в джунглях далекого юга. Стражам-картежникам повезло не больше: первый сторел в яркой вспышке, а второй рухнул на землю бесформенной массой дымящейся плоти. Кто-то из людей Сангвинаро, почувяв неладное, выскочил из шатра, чтобы в следующее мгновение упасть на землю бесформенным костяным шаром: на этот раз сила Сабанака попросту сплющила ту материю, над которой имела власть.

Роланд ди Спатар вскочил на своего «скакуна». Жажда боя вынуждала его действовать, даже в том случае, если особой нужды лично участвовать в бою не было. *Метка* Багрянорукого всегда сильнее того, кому дарована.

— Беатрик! Бей отсюда тех, до кого не доберется мой меч или это... чародейство. И присматривай за Козмо.

«Не дай ему соскользнуть за грань».

Схватка. Лицом к лицу. Роланду показалось, что внизу, в лагере дружины ди Сангвинаро, он оказался мгновенно. Чья-то перекошенная рожа мелькала впереди, но бывший герцог даже не успел замахнуться: уховертко-блеха на ходу перекусила человека пополам. Натянув поводья, Роланду удалось остановить зверя и спрыгнуть с его жесткой спины на землю. Как раз вовремя: копеш зло зазвенел от столкновения с укороченной гизармой. Финт! Клинок врага устремился к земле, а смертоносный серп в руках ди Спатара собрал свою жатву. Кто еще? Ого! Сразу двое! Низкий и вертлявый, с крохотными рожками на подбородке. Второй — с лицом, словно разделенным надвое. Этот даже доспех успел надеть. Но вот затянуть ремни не догадался. А зря. Хруст! «Двуликий» прижал руку к боку и повалялся назад. Мелкий и рогатый наступал! И сзади, сзади подбирались... Низкий гул, звук рвущейся плоти и горячая кровь во все стороны. Ну вот, сзади уже никого.

Спасибо тебе, Козмо. А мелкий-то испугался! Впрочем, в руках себя держит. Ударить сверху! Отразил, хоть и поморщился. Сбоку! Снова сверху! И еще! Вертлявый попятился, тяжелый палаш в его руках все больше и больше клонился к земле. Тогда... Взмах, удар – и дикий, полный боли вопль. Человек ди Сангвинаро в ужасе смотрел на два кровавых фонтана, хлещущих из обрубков рук. Кто еще? Кто еще?! Кровь кипела в жилах, кожа на спине трещала и рвалась, деформировались и изменялись пальцы рук, длинные когти мешают держать копеш...В сторону его! Дальциан Багрянорукий! Во имя твое! Во славу твою!

«Я не смогу удержаться. Безумие. *Изменения*. Это конец. Я не смог. Я не дошел. Я такой же, как мой отец».

Из последних сил Роланда попытался удержать то, что являлось его сутью, но тщетно. В следующий миг все вокруг затопила багровая мгла.

От гор далеко на юге до голубеющего вдали горизонта раскинулась мертвая, враждебная всему живому долина. Поле Последней Битвы. На всем Брунре таких «полей» было несчетное количество: королевства и ханства, царства и княжества, люди и Старшие расы слишком погрязли в своих распрях, а когда настал час выступить единым фронтом против рвущегося из бездны зла, вдруг оказалось, что каждый мало-мальски значимый правитель сражается исключительно за себя. Только за тот кусок земли, который он называет своей. И, как всегда бывает в таких случаях, единая сила сломала все и всех. Гибли под ударами адских когорт гордые рыцарские ордена, погибали наемные роты ландскнехтов, втаптывались в жидкую грязь знамена, увенчанные гордыми и бессмысленными ныне девизами. Твари, пришедшие из Пандемониума, легко ломали прутики, что не успели стать единой вязанкой. А ангелы, на которых призывали уповать святые отцы, так и не явились на помощь. Была ли тому причиной их собственная война? Или же Творец просто отвернулся от своих любимых детей, что погрязли в пучине греха и мерзости? Кто знает... Да и важно ли это теперь, спустя три сотни лет? Легче ли будет ныне живущим от полученного ответа на давний вопрос? В конце-то концов, жизнь худо-бедно, но продолжалась, а старые поля кровавых сражений зарастали травой. Кроме, пожалуй, вот этого самого поля.

Гигантского алтаря, что раскинулся от гор Сьерра-блу-Ланси на юге до самых предместий Санкто ди Песте.

— Ксафан. Раздувающий пламя Чумы. Здесь наступали его легионы, — Роланд изобразил неопределенный жест рукой, словно стараясь охватить все окружающее пространство. — Говорят, что чума и мириады других болезней до сих пор спят здесь... ждут своего часа.

Ехавшая рядом с ди Спатаром Беатрикс указала рукой вперед. Там, на расстоянии двух полетов стрелы, из земли торчали ржавые остовы древних боевых механизмов. Творения тех, кто жил до прихода демонов впечатляли: несмотря на вывороченные из своих гнезд поршни, расколотые цилиндры и треснувшие шестерни, которые торчали из-под сместившихся броневых плит, эти боевые машины до сих пор внушали трепет перед своей былой мощью. Впрочем, триста лет назад противник им достался не менее грозный: по крайней мере, черные ребра, устремившиеся в небеса острыми концами, возвышались над стальными гигантами на добрых три десятка футов. Однако наемница указывала далеко не на следы драмы, что разыгралась здесь сотни лет назад: там, среди древних остовов, мелькали едва заметные на таком расстоянии горбленные фигуры.

— Не стоит беспокоиться, — бывший герцог презрительно скривился. — Стервятники. Неудачники. Те, кому некуда идти и не на что надеяться. Они живут и умирают на этих равнинах. Боятся даже собственной тени. Так что, стоит нам подъехать поближе, они сразу и разбегутся.

— Значит, тебе не придется сражаться и убивать, — удовлетворенно сказала наемница. — Ночью я едва удержала тебя от окончательного *изменения*.

Роланд задумчиво сжал в кулак левую ладонь: как бы то ни было, но тот бой не прошел для него бесследно. Плоть отозвалась на призыв Дальциана и теперь не желала принимать прежний, человеческий вид: черная бугристая кожа и суставчатые пальцы с когтями, острыми как бритвы, навсегда останутся с последним из ди Спатаров. Впрочем... Роланд посмотрел в сторону Козмо, который молча ехал чуть впереди, закутавшись с головой в старый плащ. Кое-кому пришлось куда хуже. И без того не отличавшийся внешней красотой наемник сейчас больше всего напоминал мертвеца не самой первой

свежести, который зачем-то выбрался из своего склепа на прогулку.

«Удержала от окончательного *изменения*». В тот момент, когда он, Роланд ди Спатар, уже перешел грань. Отца, когда его душу пожрала ярость Дальциана, остановить и удержать не смог никто. И ничто. Старый герцог Корнелий, а точнее, та сущность, в которую он обратился... Погибла челядь, слуги, часть наемников и постоянной дружины. А еще жертвой демонического буйства пала герцогиня Люция — мать Роланда. Только слышный каждому из *переродившихся* зов избавил удел Спатаров от дальнейшего разрушения. А ведь отец готовился к чему-то подобному. Надеялся сохранить часть своей самости после перерождения. Роланд помнил, как часто старый герцог повторял, что ныне Бесконечная Война и *перерождение* — единственный выход. «Бессмертие, сын. Бессмертие. Вот, что несет в себе служба Даровавшим Покровительство, — любил повторять Корнелий. — Откажись от служения — и ты станешь или безмозглой тварью, или едой для воинов Пандемониума».

«Я удержался. Потому что я не такой, каким был отец. Я никогда не упивался служением Багрянорукому. Я просто не видел иного выхода. Поэтому Беатрикс смогла удержать меня. Или же...»

— Ты не служишь никому, верно? — Тихо, чтобы его могла услышать только наемница, произнес Роланд. — У тебя нет *метки*.

— Это что-то меняет? — Девушка со значением подняла брови.

— Нет. Ничего. В конце-то концов, в том, что среди Вольных рот встречаются Лишенные Покровительства, нет ничего нового. К тому же... Если уж говорить начистоту, то Багрянорукого сейчас вряд ли можно назвать моим... покровителем. Скорее, эта сущность старается как можно скорее сожрать меня. Сделать кровожадной тварью. Нерассуждающей машиной для войны.

— Ты... — Беатрикс на мгновение замялась. — Ты поэтому ищешь ангела? Веришь в то, что он может даровать Прощение?

Роланд усмехнулся.

— А есть варианты? Я уже фактически отвернулся от Дальциана, когда бросил на произвол судьбы свои владения.

Принести ангела в жертву во имя Багрянорукого? А что это мне даст?

— Бессмертие. Статус малого демонического князя. Не так уж мало.

Бывший герцог хмыкнул.

— Не так уж мало, верно... Но... Буду ли это я? Будет ли во мне после *перерождения* хоть толика меня нынешнего? Нет уж, спасибо. Пускай при любом раскладе единственный наш путь — это Бесконечная война, но отныне сторону я выберу самостоятельно. Козмо... Он тоже согласен с моим решением. Тебя я как-то позабыл спросить. Сомневался насчет того, чью *метку* ты носишь. Но теперь... Пожалуй, настал момент узнать твои планы.

Беатрикс пожала плечами.

— Тогда, в Тулгубаше... Когда я только подслушала твой разговор со своими доверенными головорезами... Ангел, настоящий ангел — это шанс для таких, как я. Не лично для меня, о нет, а для всех, кто лишен покровительства. Врать не буду: я собиралась перебить вас всех, едва только цель перестанет быть призрачным маревом на горизонте. В конце-то концов, я была уверена, что ты и твои товарищи готовы принести посланца Небес в жертву. Ради статуса демона-князя. Но теперь... — На мгновение девушка замаялась, но затем все же закончила: — Теперь я понимаю, что один ангел в мире, где властвуют демоны, это ничтожно мало. Это даже не тень надежды. А еще я знаю твою цель, Роланд ди Спатар. Бесконечная война? Все лучше, чем ничего. В конце-то концов, те, кто сражаются за Небеса, тоже бессмертны.

Тулгубаш. Городишко на далеком юге, последний аванпост перед землями фанатиков, так и не покоровившихся демонам. Правда, волей-неволей они сотворили иную сущность, мало отличающуюся от князей Пандемониума, но это уже детали. В Тулгубаш Роланд привел без малого четыре тысячи воинов. А затем... Он выбрал пятерых. Тех, кто с одной стороны был готов пойти за ним невзирая на безумие предложенной идеи, а с другой... С другой — каждый из этой пятерки сомневался в том варианте бессмертия, что могла даровать *метка*. Как же он ошибался тогда. Двое из пятерых, Джакомо и Клавдий, давным-давно ели с рук Сангвинаро. Еще один, Мишель, так и не поверил ди Спатару до конца. Зато волей

случая Роланду поверила Беатрикс. Наемница, которая просто оказалась не в том месте и не в то время.

«Если бы Создатель не отвернулся от Брунре, я был бы уверен, что именно Он свел нас тогда».

Однако вслух бывший герцог ди Спатар сказал совершенно иное:

— Бессмертие. Или небытие. Две стороны одной монеты. Посмотрим, какая из них нам выпадет. Посмотрим.

Предместий города Святой Чумы маленький отряд достиг к полудню следующего дня. Дорога запетляла между гигантскими котлованами, стены которых были изрыты норами, грязными щелями и открытыми галереями. Каждый из котлованов источал чудовищное зловоние: дно использовалось в качестве свалки отходов.

— Нижний город, — произнес Роланд в ответ на невысказанный вопрос. — Тут живут те, кто слишком болен или уродлив для того, чтобы обитать за стенами. Калеки. Неизлечимо больные, или, как их тут называют «младшие дети Ксафана». Сюда же попадают те, кто нарушил местные законы.

— Живущие внизу еще и регулярно плодятся. И мало-помалу расширяют свои ямы, — голос Козмо напоминал щелканье сухих позвонков. — Кое-кто говорит, что очень скоро и Верхний город провалится в эту яму.

Над крепостной стеной Санкто ди Песто высились громады древних храмов. И пускай купола давным-давно были лишены символов власти Единого Творца, сам факт того, что храмы тут сохранились, вызвал у Беатрикс немалое удивление.

— Я думала, что за три сотни лет князья-демоны разрушили все, что напоминало о Небесах?

— Как правило, так оно и есть. Но не тут. Ксафан, повелитель чумы, вообще не похож на остальных князей Пандемониума. Видишь ли, ему приглянулись горгульи, которые украшали церкви и соборы. Так что он сохранил храмы. Правда, теперь там живут его крылатые болезнетворцы. Но кого волнуют такие мелочи? Храмы же стоят.

Козмо ослабился лишенным губ ртом.

— Кстати, вон они, — над городом действительно мельтешили какие-то крупные крылатые существа. — Так что

гулять по ночам, а тем паче приближаться к этим храмам, настоятельно не рекомендуется. Если, конечно, нет желания поселиться в Нижнем городе.

Внутри Санкто ди Песто ничем не отличался от других городов: все те же узкие и грязные улочки, все те же торговые ряды и спешащие по своим делам горожане. Разве что наряды тут были ярче, крысы толще, а в небо все смотрели куда чаще, чем принято где-либо.

— Что теперь, мессир? — спросил Козмо.

— Теперь мне надо найти одного моего друга.

— Друга? — Беатрикс и не думала скрывать свое недоверие.

— Хорошо. Не совсем друга, но этот человек мне кое-чем обязан. Его зовут Мантред. Мантред Книжник. Носит *метку* Морольфана.

— Слуга Дающего Знания? — наемница скривилась. — Его господина еще называют Отцом Предательства. Не стоит забывать об этом.

— Я и не забываю, — Роланд вздохнул. — Но как ни крути, без его помощи мы будем тыкаться по всем северным землям, словно слепые котята. Ничем не отличаясь от прочих охотников, желающих найти ангела.

— А он помогает только своим... «друзьям»? — в голосе Беатрикс скепсис мешался с удивлением.

— Он помогает тем, кто хорошо платит. Или тем, перед кем у него есть должок. Что же касается остального... Скажем так: его помощь стоит немало, но... Впрочем, увидишь все сама. Как только мы его отыщем.

Одно из пугающих Роланда ди Спатара «если» развеялось легко, словно утренний туман. Найти Мантреда Книжника оказалось не просто, а очень просто. Отмеченный Морольфаном избрал местом своего проживания старый городской архив, что, собственно, было не особенно удивительным. Удивительным было то количество людей, которым вдруг понадобились услуги Книжника.

— Тебя это удивляет, Роланд-Старина? Ангел, мой друг. Все ищут ангела. Только и всего. А кто может указать им путь лучше, чем я? — с некоторым самодовольством произнес

Мантрэд после дежурного обмена приветствиями. — Кстати, а чем ты, собственно, отличаешься от них? Кое-какие слухи до меня уже доходили. Опровергнешь? Или подтвердишь?

Цокая суставчатыми «ногами» из закаленной стали, Книжник спустился с возвышения, с которого он приветствовал посетителей. «Ног» было то ли десять, то ли двенадцать: из-за их постоянного мельтешения Роланд никак не мог сосчитать точное количество. Собственные ноги Мантрэда (равно как и большая часть его человеческого тела) остались в безмянной пещере, в которую Книжник забрался, чтобы проверить правдивость одной старой легенды.

— Все так же собираешь слухи? Времена идут. Все меняется. Но что-то остается неизменным.

— Когда-то я уже поменялся. На мой взгляд, чересчур сильно, — Книжник зашелся булькающим смехом, и бывшего герцога передернуло от вида вздрагивающих и болтающихся органов в прозрачных колбах. — Если же говорить серьезно, то... Информация — единственное, для чего я живу. Мой досуг. Мой хлеб. Моя любовь.

— Тогда не буду тебя мучить. Да, все правда. Род ди Спатаров отныне в числе отступников. Франческо ди Сангвинаро вот-вот получит все права на мой родовой удел, а Дальциан Багрянурукый обратит меня в безмозглую тварь. Это мои спутники, — Роланд указал на стоявших у входа в зал Беатрикс и Козмо. — Все, что осталось от моего воинства.

— Точнее, это те, кто пошел за тобой, — Мантрэд еще раз громко булькнул. — Ты поставил на карту все, ди Спатар. Это не может не вызывать восхищения.

— Восхищение восхищением, но мне все еще нужна твоя помощь. За тобой должок, не забыл?

Отмеченный Морольфаном изобразил скорбную гримасу на своем одутловатом лице.

— О, я помню о том, чем тебе обязан каждый день. Да что там: каждую минуту. Вспоминаю всякий раз, когда приходит время откачать дерьмо из питающих трубок. Или залить питательного бульона в емкости, где худо-бедно, но сохраняются мои кишки и прочий ливер.

— Альтернатива была бы лучше? — Роланд вопросительно поднял брови, и Мантрэд, смутившись, помотал головой.

— Нет. Конечно же нет. Даже такое... существование лучше небытия. Что ж, Роланд ди Спатар. Долги надо отдавать. А значит, я помогу тебе.

Механические пауучьи ноги снова зацокали по каменным плитам. Добравшись до дальнего конца зала, Мантред Книжник завозился с массивной резной панелью. Мгновение спустя раздался громкий щелчок, а затем зазвенели давным-давно не смазываемые шестерни. Центральное возвышение раздалось в стороны, а на его место поднялась странная конструкция. Издали она больше всего напоминала обеденный стол, к поверхности которого тянулись трубки и провода, а под ней лязгали и крутились цепные передачи вместе со сложными системами противовесов.

— Прошу вас подойти, мои...друзья, — в последнем слове слышалась едва заметная ирония. — Это надо видеть.

Вблизи «обеденный стол» оказался механической картой Брунре. Роланд отыскал владения Спатаров и сумел бегло отследить свой собственный путь от далекого Тултубаша до стен Санкто ди Песто.

— Принцип прост. Это — уменьшенная модель нашего мира. Если точнее, то уменьшенная модель Старого Света, ну да суть не в этом. Любое возмущение в существующей системе можно отразить здесь. Думается, приход крылатого гостя из Обетованного достаточно серьезное нарушение существующего миропорядка, верно? — Мантред в очередной раз весело забулькал. — А раз так... Накладываем векторы сил, учитываем основные узлы противодействия, не забыть учесть допустимые отклонения и....

Книжник неожиданно замолчал, а затем дернул несколько рычагов, расположенных на боковой стороне конструкции. Снова что-то зазвенело, грохнуло, а потом ... по поверхности карты побежали ярко-голубые молнии и резко запахло какой-то алхимической дрянью. Миг — и металлическая пластина, изображавшая территорию Вольных Кантонов и Святую Область, замерцала дрожащим багровым светом.

— Вот, собственно, и все. Ангел находится где-то там.

— Территория в несколько сотен миль вдоль и поперек? Да ты издеваешься! — Беатрикс не сумела удержать эмоции. — Чем ты нам помог? Все и без того знают, что ангел упал где-то на севере!

— Я сузил область поисков. Точно так же я помогал и буду помогать остальным охотникам, — Мантред обиженно поджал тонкие губы. — Это — наука. А наука далеко не всегда может дать исчерпывающий ответ. В установке используется принцип возмущения тонких потоков, а это довольно-таки грубый способ. Есть еще вариант с использованием принципа сродства, но... У меня нет ничего, что могло бы иметь сродство с ангелом.

— Зато это есть у меня, — с этими словами Роланд надавила на потайную пластину, расположенную на рукояти копеша. Щелчок — и рукоять раскрылась, явив миру...

— Невероятно! — сдержанно эмоции Книжник не сумел. — Перо ангела! Но... Откуда?

Роланд пожал плечами.

— Кое-кто из ангелов все-таки отозвался на призыв смертных. А ди Спатары когда-то сражались с посланцами Небес лицом к лицу. Так что там с принципом сродства, а, Мантред?

Роланд стоял, прижавшись к холодному камню глухой стеной, как никогда остро ощущая свою беспомощность. Копеш, верный копеш, который столько раз проливал кровь во славу Владыки Дальциана, казался ныне бесполезной и глупой игрушкой. Ибо сейчас воителю противостоял тот, кто прошел весь путь служения Багрянорукому.

Отец.

Демоническое обличье старого герцога внушало трепет: треугольная морда с саблевидными клыками была увенчана тяжелой короной из острых рогов, тело - черная чешуя природной брони, когтистые лапы перевиты канатами мускулов. И плащ из сложенных крыльев за спиной.

Шансов не было. Никто из смертных не мог даже надеяться одолеть перерожденного.

— На что ты рассчитывал, сын? — голос Корнелия звучал как погребальный колокол. — Ты втоптал в прах величие нашего дома. Сбежал, как побитый пес. Погнался за тенью, за мороком! Стоило ли оно того, сын?

Старый герцог шагнул вперед, и Роланд неуклюже взмахнул копешем.

— Не подходи!

В горящих багряным пламенем глазах отразилось нечто, отдаленно похожее на удивление.

— Ты хочешь сражаться? Со мной? Даже после того, как ты отказался от своей сути?

— Моя суть — это то, чем я являюсь сейчас. То, от чего я отказался... Твой путь — путь в бездну. Путь к тому, чтобы обратиться в чудовище, в монстра!

Князь-демон расхохотался.

— О, да! Я — чудовище. А ты, очевидно, святой подвижник? Раскрой глаза, сын! Этот мир изменился. Изменился три сотни лет назад. В нем давным-давно действуют новые законы. А все потому, что один Большой Ханжа, который тысячами веками вдалбливал в наши головы свои дурацкие заповеди, в решающий момент решил, что наш мир не достоин помощи.

— Разве это имеет отношение ко мне? Или к тебе? Ты убил мою мать и еще добрую сотню людей, которые служили тебе. Это и есть твоя суть?

— А твоя, сын? Или ты жил по тем самым заповедям? «Не убий». «Не возжелай». «Не что-то там еще». Вспомни. Прочувствуй. И задай себе вопрос: превращаешься ли ты в чудовище или чудовище всегда с тобой? Задай себе этот вопрос, Роланд ди Спатар. Спроси себя, от чего ты бежишь? И надо ли тебе бежать от самого себя?

Демон склонил голову набок.

— Так от чего ты бежишь, сын мой?

Битвы. Кровь. Насилие. Казни. Он, Роланд ди Спатар, снова переживал каждый миг своей жизни. Первая взятая жизнь. Первый пир прямо на поле сражения, среди трупов с развороченными животами, среди отрубленных конечностей и вываленных на землю кишок. Горящие деревни. Города, взятые на меч. Сколько их было? Скольких ты убил и изнасиловал? Как ты служил Дальциану до того, как увидел иной путь?

— Ты глупец, сын! Ты предал наш род не потому, что боишься стать чудовищем, а только потому, что отыскал более легкий и быстрый путь к бессмертию. По крайней мере, тебе так кажется.

«Нет...»

— Что такое Прощение? Ангел возьмет на себя твои грехи? Вместе с памятью? Тогда в чем разница, а, сын? Или ты хочешь стать чистеньким? Не поздно ли? Ведь на тебе не только твоя ноша. На тебе весь груз рода ди Спатаров. За последние три сотни лет.

«Нет... Это не так...»

— Весь наш мир поражен скверной. Весь мир. Исключений нет. Глупцы — те, кто считают иначе. Лишенные Покровительства думают, что они лучше прочих? Но это не так. Великий Ханжа обрек всех. А теперь задай себе вопрос: откуда тебе знать, что Небеса лучше Бездны? Или ты слепо веришь красивым словам из замшелых книг?

«Нет!»

— В конце концов, даже если все, что написано в книгах, которые якобы были «святыми» — правда, спроси себя: твой новый путь ведет к тому, что мир станет лучше? Или лучше станет только тебе? Может быть, ты вернешь жизни тем, кого возложил на алтарь Дальциана? Давай, удиви меня. Скажи, что это будет именно так.

Перед глазами Роланда шагали тени. Мужчины. В доспехах и без, с безжизненными лицами и безвольно висящими вдоль тела руками. Женщины в окровавленных платьях. Дети самого разного возраста. Старики.

«Это не я. Я всегда был воином. Воином, а не убийцей. Это сон, морок, горячечный бред. Я — не мой отец!»

— Ты — это я, мой мальчик. Ты — это я. Как бы ты далеко не убежал, чудовище всегда будет с тобой. Внутри тебя.

Не отдавая себе отчета в том, что он делает, Роланд метнулся вперед, занеся копеи для безнадёжного удара. Князь-демон вскинул когтистую лапу, и сталь столкнулась с черной плотью, рассыпавшись на тысячи тысяч осколков. Расхотавшись, тварь приготовилась к ответному удару и...

... задыхаясь от пережитого во сне, Роланд слепо шарил руками по смятым простыням, сиюсь отыскать хоть какое-то оружие.

— Тсс... Это всего лишь сон.
Беатрикс.

Практически не отдавая себе отчета в своих действиях, ди Спатар притянул девушку к себе. Рванул завязки корсажа, обнажая острые соски груди.

Поцелуй.

Еще. И еще.

Прикосновение. Объятия. Тихий вздох. Стон. Слабое сопротивление. Движения, вечные, как солнце над миром. Демоны? Ангелы? Боги? Дано ли им ощутить то, что ощущают простые смертные? Дано ли им снова и снова переживать миг Творения и миг Разрушения? Боль, горечь, страх — все это осталось где-то далеко, в другой вселенной.

Вскрик. Вспышка. Смерть. И — возрождение.

— Зачем? — Спросил Роланд после того, как все закончилось.

Сидя на краю грубой лежанки, Беатрикс пожала плечами.

— Ты нуждался во мне. Больше, чем когда-либо. Я пришла.

— Дело только в этом?

Вместо ответа, наемница повалила его на спину и, впившись в губы долгим поцелуем, оседдала сверху.

«Все-таки я не чудовище», — мелькнула у Роланда мысль где-то на границе сознания.

Небосвод едва-едва заалел на востоке, когда маленький отряд покинул стены Санкто ди Песто.

— Честно говоря, не думал, что от этого булькающего плута на паучьих лапках будет какая-то польза, — проскрежетал Козмо. — Значит, наш путь лежит в Салвеззо ди Этерна? Город Вечного Спасения?

— Значит, туда, — кивнул Роланд. — Если, разумеется, во всей машинерии Мантреда есть хоть какой-то толк. А как окажемся там, то эта штука, — воитель подбросил в руке напичканную шестеренками глобулу, с заключенным внутри ангельским пером, — эта штука укажет нам путь напрямиком к посланцу Небес.

— И этот книжный червь не продаст эти сведения другим охотникам?

— Продаст, разумеется. Более того, вероятно, что еще и наведет на наш след очередную партию наемников Франческо ди Сангвинаро. Так что двигаться придется быстро.

Неодобрительно покачав головой, последователь Сабанака прищипорил своего многоногого «скакуна» и вырвался вперед, оставив Роланда наедине с Беатрикс.

— Тоже считаешь, что я зря не убил Книжника? Козмо в чем-то прав: его смерть избавила бы нас от толики будущих проблем.

Девушка с сомнением посмотрела на воителя.

— В кантонах и в окрестностях Салвеззо ди Этерна и без того десятки отрядов охотников. А ди Сангвинаро так или иначе нашел бы способ отыскать тебя. С помощью Мантрета или без — неважно. Так что ты просто не сделал очередной шаг... — поняв, что сказала лишнее, Беатрикс замолчала.

«Не сделал шаг к сущности монстра. Или — не сделал шаг к своему бессмертию? Пусть не бессмертию души (а есть ли она хоть у кого-то в этом мире?), но к бессмертию тела? Если в моем сне была хоть крупица правды, то...»

Роланд мотнул головой, отгоняя непрошенные мысли. Сейчас это никак не поможет делу. Даже если ди Сангвинаро отступится, удовольствовавшись герцогским титулом (что вряд ли, ибо Багрянорукому угодна кровь Небес, а значит — если Франческо упустит ангела, то вместо милости, скорее всего, заработает только кару), то впереди лежит город, о котором с первых дней Конца Времен ходят пугающие легенды. И им, так или иначе, придется войти туда.

— Что ты знаешь о Городе Вечного Спасения?

Беатрикс смешно наморщила лоб.

— Слухи ходят разные. Но в моей семье верили, что большая их часть — живые сказки. Верили в то, что в Салвеззо ди Этерна ад был остановлен искренней верой и чудодейственной молитвой. Верили, что там, в соборе на главной площади открылись Небесные Врата и чистые душой смогли спастись от ужасов Пандемониума.

— Красивая легенда. В это можно было бы поверить, если бы не одно но, — крикнул через плечо Козмо. — Я бы сказал, одно огромное «но» по имени Рауль Лоренцо ди Сфорджа. Или, как его стали звать после того, как он сел на престол Иерофанта — Формоз I. Если старые хроники не врут, то

большого святотатца и богохульника в те годы попросту не существовало. А кое-где и прямо написано, что Формоз и его курия стали прямыми виновниками вторжения демонов.

— Как думаешь, смог бы такой иерофант призвать силы Небес?

Странно, но, как показалось Роланду, Беатрикс смутилась. Видимо, вера в старые семейные легенды в какой-то мере спасала наемницу от ужасов настоящего. Тем не менее, сдаваться девушка не собиралась.

— Я не говорю, что спасителем мог быть Формоз. Хоть один по-настоящему святой человек тогда мог найтись.

— В тогдашнем Вечном Городе? — Козмо подавил злобный смешок. — Сомневаюсь. Зато некроманты, чернокнижники и заклинатели демонов — таких там было сколько угодно.

— Но куда исчезли все жители? Почему демоны так и не утвердили там свое господство? — не желая уступать, Беатрикс продолжала гнуть свою линию. — Десятки тысяч просто исчезли? А цветущие сады вокруг города? А до сих пор сияющие на солнце купола соборов и белые стены? То, что именно туда мы идем в поисках ангела?

Роланд вздохнул. То, что он видел за свою жизнь, говорило о том, что ничего хорошего в стенах Салвеззо ди Этерна их не ждет. Но... То ли из-за близости их цели, то ли из-за того, что произошло прошлой ночью, ему не хотелось разбивать хрупкую надежду на уцелевшее в Брунре добро.

— Лгут все. Но очень скоро мы сами увидим, чего стоят все эти легенды. Неделя пути. Может, чуть дольше.

На шестой день пути они угодили в засаду. Сквозь зеленые кроны уже проглядывали ослепительно-белые башни и мозаичные купола Салвеззо ди Этерна, когда из придорожных кустов слаженно ударили десять или одиннадцать арбалетов. Роланд, ожидавший чего-то подобного уже несколько дней подряд, успел поднять ездовое насекомое на дыбы. Уховерткоблоха громко заверещала, поймав брюхом пять болтов, предназначенных для наездника. Краем глаза ди Спатар отметил, что Беатрикс также успела среагировать, прыгнув со спины твари на землю. Хуже всего пришлось

Козмо, который по обыкновению ехал чуть впереди: охнув, старый вояка схватился за раздробленное тяжелым наконечником плечо. В следующее мгновение на дорогу высыпало без малого четыре десятка солдат. На черных коттах, надетых поверх доспехов, выделялся золотой скорпион, сжимающий песочные часы. Родовой герб ди Сангвинаро.

— Бросай свою железяку на землю. И посоветуй то же самое сделать шлюхе и гнилой развалине, — несмотря на глухое забрало, закрывавшее лицо говорившего, Роланд узнал его. Септим Борха. Один из старших офицеров на службе у ди Сангвинаро. Значит, и сам Франческо где-то неподалеку.

— Не хочешь забрать мой меч самостоятельно? Яйца совсем жидкими стали, а, Септ?

На поддевку Борха не отреагировал.

— Забрать несложно. Мне достаточно пошевелить пальцем — и ты превратишься в ежа. Беда лишь в том, что господин будет недоволен.

— Точнее сказать, Франческо снимет с тебя башку, если ты лишишь его радости лично содрать с меня кожу, — Роланд криво усмехнулся. — Ну, так что, может, все-таки потанцуем? Я не буду возражать, если пара-тройка твоих криворуких ублюдков выступят вместе с тобой.

Септим Борха явно заколебался, и бывший герцог понял, что попал в цель. Что ж. Пускай все потеряно, но хорошая драка напоследок — куда лучше, чем арбалетный болт в животе. «А если ты не будешь сдерживать свою кровь, то *метка* дарует тебе бессмертие», — предательская мысль была как нельзя некстати. Роланду стоило огромных усилий отогнать ее прочь.

— Нет уж. Если я не достигну своей цели, я, по крайней мере, умру человеком.

Борха сделал шаг вперед и обнажил полуторный меч.

— Что ты там бормочешь, Спатар? Проговариваешь собственное завещание? Зря. Так что заканчивай это и...

Что именно хотел сказать Септим, так и осталось загадкой, ибо в это самое мгновение его голова чудовищно сморщилась, словно горошина из сырой глины. В это же мгновение несколько солдат ди Сангвинаро превратились в багряные цветы из плоти и костей.

«Козмо!»

Раненый последователь Сабанака менялся на глазах. Кожа и мясо почерневшими ошметками отваливались от его тела, а костная ткань, напротив, росла и вверх, и вниз. Вот одно раздувшееся ребро превращается в деформированную конечность со множеством суставов, миг — и то же самое происходит с другим ребром.

«Бегите, мессир...». — Наверное, Роланд прочитал это в глазах отдающего свою собственную суть товарища, так как говорить Пиетро уже точно не мог — угадать очертания человеческого черепа в обретших подвижность лицевых костях можно было бы только при очень богатом воображении.

Промедление было фатально. Схватив Беатрикс за руку, воитель ломанулся вперед, туда, где белели башни Вечного Города. Кто-то попытался заступить им дорогу, но тут же взорвался изнутри, уступив напору жуткого дара Сабанака. Еще одного солдата Роланд оглушил, изо всех сил ударив его по шлему плоской стороной клинка. Путь был свободен. А за их спинами продолжалась кошмарная метаморфоза, и снова и снова расцветали кровавые цветы.

Им безумно повезло. В первый раз — когда Собиратель Костей, в которого обратился Козмо, направился прочь от Вечного города: попытка убежать от посвященной Сабанаку твари была заранее обречена на неудачу. Второй раз — когда оказалось, что они каким-то чудом вышли аккурат к распахнутым настежь воротам Салвеззо ди Этерна. И в третий — когда они успели затеряться в лабиринтах заброшенных улиц до того момента, как к стенам города подоспели уцелевшие головорезы ди Сангвинаро.

— Козмо... — всхлипнула вдруг наемница. — Он...

— Его больше нет. Он отдал все, чтобы мы смогли пойти. Смогли сделать выбор. И... он тоже его сделал.

— Я понимаю, — Беатрикс сморгнула, прогоняя непрошеную слезу. — Но вот так, в самом конце... Когда мы уже почти достигли цели... Это неправильно.

«Весь наш мир неправильный. Был неправильный до прихода демонов и уж тем более не стал правильнее сейчас. Зло, боль, кровь, жестокость. Право сильного. Право наглого. Право облеченного властью».

— До нашей цели надо еще дойти, — произнес вслух Роланд. — Судя по всему, сам Франческо уже здесь, возможно, на соседней улице. А ангела мы еще не нашли. И не знаем к тому же, что же именно скрывается в сердце Салвеззо ди Этерна.

Солнце уже клонилось к закату, когда воитель и наемница, следуя указаниям механической глобулы, вышли на главную площадь Вечного Города.

В алых лучах уходящего за горизонт светила ряды мраморных колонн и снежно-белый камень брусчатки казались залитыми кровью.

— Это невероятно... — выдохнула Беатрикс. И на этот раз Роланд не видел причин, чтобы с ней не согласиться.

Собор всех Святых. Древнее сооружение, увенчанное символами Всевластия, словно бы пришло из других, куда более добрых и куда менее омерзительных времен. Статуи мучеников и апостолов, расставленные в портиках Собора, казалось, смотрели в самую душу, прозревая любую, даже едва-едва заметную гнильцу. Наверное, последователю Багрянорукое должно было бы стать не по себе в таком месте. Да что там «не по себе» — по-хорошему Роланда должно было испепелить, обратить в прах, низвергнуть в бездну, но... Ничего подобного не происходило. И ди Спатару это страшно не нравилось.

— Нам нужно пересечь эту площадь. Глобула указывает куда-то восточнее этого храма. Что там, Беатрикс?

— Базилики. Часовни. Хранилища нетленных мощей. Святые места. Самое место для ангела.

Если они еще не осквернены, в чем Роланд сильно сомневался. Затаив дыхание, он шагнул на окрашенный алым камень и... ничего не произошло. Шаг. И еще один. И еще. Ни ангелов, ни демонов, ни древних проклятий.

— Пойдем. Похоже, тут безопасно. Я почти готов поверить, что в этом городе действительно кто-то сумел открыть врата на Небеса.

— Я же говорила, — девушка торжествуя улыбнулась. — Иногда легенды правдивы. И... — Беатрикс сосредоточенно нахмурилась, — кажется, я слышу пение. Псалмы! Кто-то поет псалмы в Соборе!

Почему-то от этих слов сердце Роланда кольнуло ледяной иглой. Сгинувшие было подозрения вернулись, наполнившись новой силой.

— Глобула показывает не на Собор, а в городе рыщут враги. Отыщем ангела, а потом разберемся, кто и что там поет.

Через двадцать шагов пение услышал и бывший герцог. Псалмы? Возможно. Хотя, если разобраться, заунывное и протяжное песнопение было больше похоже на какое-то заклинание, призывающее... кого?

«Некроманты, чернокнижники и заклинатели демонов — таких там было сколько угодно».

Внезапная догадка заставила Роланда замереть. Не было никаких «небесных врат». И никаких святых, которые сумели их открыть. А была чудовищная гекатомба. Десятки тысяч жизней, чтобы спасти тех, кто был менее чем кто-либо достоин спасения. И когорты Пандемониума неслучайно все эти годы обходили стороной «святой» город...

— Беатрикс! Стой! Ни шагу дальше.

— Но... — Девушка с непониманием посмотрела на своего спутника. — Если дойти до главных врат, то вдоль стен собора куда быстрее...

— Не будем рисковать. Пойдем по улицам. Если надо — то и по крышам. И сквозь стены. Но к этому храму — ни ногой.

— Но псалмы... — память о старой легенде никак не отпускала, и наемница всеми силами старалась ее сохранить, — и ангел... Он же тут, рядом...

— Никакие это не псалмы! Там — Формоз I, нечестивец и богохульник. Точнее — то, во что переродился он и его слуги. И никого они не спасали, кроме самих себя. Так что хватит разговоров. Сейчас мы вернемся назад и...

Прежде чем Роланд ди Спатар успел договорить, их накрыла черная тень.

— Отец? — удивленно выдохнул бывший герцог, но в ту же мгновение осознал свою ошибку. — Франческо. Франческо ди Сангвинаро...

Демон тяжело приземлился в десяти шагах от Роланда и Беатрикс.

— Да. Когда-то меня звали так. Когда я был слаб. Но Багрянорукий Дальциан добр. Он убил то, что было слабым. И

дал мне силу. Если бы ты не был гаупцом, Роланд ди Спатар, то ты мог бы пойти моим путем. Путем своего отца, наконец.

— Я следовал этим путем. Пока не понял, что становлюсь чудовищем.

Роланд старался встать так, чтобы прикрыть собой свою спутницу.

— Открой глаза, дурак! — прогрохотало то, что еще недавно носило имя ди Сангвинаро. — Этот мир принадлежит чудовищам! Ты чудовище! И если ты думаешь, что...

— Я не собираюсь думать! Я собираюсь убить тебя! — с диким криком Роланд метнулся вперед и изо всех сил ударил не озаботившегося о своей защите демона. На черной шкуре прислужника Бездны появился едва заметный черный шрам, а древний клинок ди Спатаров с жалобным звоном отскочил прочь, чудом не вырвавшись из рук воителя.

Роланд расхохотался, словно последний безумец. Сон повторялся наяву.

...Вот только во сне не нашлось места для Беатрикс, а здесь она была рядом. Резко дернув Роланда за плащ, она вытащила воителя из-под ответного удара старшего Сангвинаро. Когтистая лапа высекла тучу искр из мостовой.

— К Собору! Что бы там ни было, вряд ли оно обрадуется вторжению!

Плохое решение — тоже решение. Особенно, когда позади обезумевшая от жажды крови тварь.

Поток воздуха едва не сбил с ног. Роланд и Беатрикс едва успели пригнуться, ускользнув от острых как бритвы когтей. Не сумев затормозить, князь-демон с грохотом врезался в колоннаду храма. Псалмы (или заклинания?) зазвучали громче. Или это только показалось?

— В сторону! — бросившись в разные стороны, воитель и наемница избежали очередной атаки переродившегося Сангвинаро. Теперь демон оказался куда ближе к главным вратам Собора Всех Святых.

«Если что-то тут и обитает, ему самое время явить себя», — успел подумать Роланд прежде, чем тварь атаковала снова. Едва заметный взмах и...

Беатрикс вскрикнула и, словно марионетка с подрезанными нитями, упала на ступени Собора.

— Нет! — Роланд не верил, не хотел верить своим глазам. Тварь была слишком далеко, она не могла ее достать... Да и сама Беатрикс... Она ловкая, быстрая, она — та нить, что удерживала его в человеческом облике, она...

—... мертва, червь! А теперь ты последуешь за ней, — демон глумливо расхохотался.

И в это самое мгновение то, что спало три столетия, явило себя миру. Пение превратилось в колеблющийся на одной ноте вой, тяжелые двери, окованные бронзой, оказались отброшены прочь, словно невесомые деревяшки, а из черноты портала показалось... Наверное, больше всего это было похоже на щупальца спрута. Или на множество извивающихся древесных змей, обитающих в теплых болотах на юге. Если, конечно, бывают щупальца и змеи, толщиной в добрые двадцать футов. Плоть этих змей-щупалец пульсировала и видоизменялась, на долю мгновения выпуская на поверхность искаженные гримасами страданий лица. А где-то в глубинах храма в неверных отсветах колдовского пламени промелькнул раздувшийся донельзя труп в истлевших одеяниях Иерофанта.

Все это Роланд успел разглядеть за те несколько мгновений, прежде чем то, что обитало в Соборе Всех Святых, обрушилось на князя-демона. А потом, не давая себе передумать, он метнулся к безжизненному телу Беатрикс, подхватил ее на руки и, не оборачиваясь, бросился прочь. Туда, куда указывала пульсирующая глобула. К упавшему с Небес ангелу.

Ангел. Последняя надежда. Беатрикс еще дышала и розовая кровь пузырилась на ее губах. На рану Роланд старался не смотреть: цветастые одежды Вольных Рот — не та защита, которая способна остановить обсидианово-черный коготь демона.

— Вот увидишь, все будет хорошо. Все будет хорошо, обещаю, — Роланд шептал эти слова как заклинания, прогоняя от себя давний призрак прошлого, когда он шептал точно такие же слова своей матери, а в замке бесновалась сущность, в которую переродился старый герцог Корнелий.

Крипты. Базилики. Часовни. Глобула вела Роланда вперед, и он шел, оставляя за собой кровавые следы. Вот —

взломанная дверь. Спуск в катакомбы. Странное место для ангела... Впрочем, весь Брунре — странное место для того, кто живет в вечном свете.

Ангел оказался женщиной. Она сидела, привалившись к резному камню гробницы кого-то из многочисленных святых. Черные волосы, чуть смуглая кожа и едва заметное сияние, которое окружало все ее тело. Рядом валялись наполненные серым прахом ковчезцы, ковчег и ладанки: очевидно, чтобы хоть как-то поддержать себя в этом месте, посланница Небес забирала те крохи святости, что еще сохранялись в этом месте. То, что ей пришлось несладко, было видно с первого взгляда: иссеченные в бою доспехи, покрытый зазубринами клинок, ворох осыпавшихся с крыльев перьев.

— Мы дошли, — прошептал Роланд. — Рикард ошибался. А я верил. Я был прав. Мы дошли.

Глаза ангела широко распахнулись, и Роланд невольно вздрогнул: на него смотрело усыпанное звездами небо.

— Я... Мы не враги. Это сложно объяснить, но... — слова терялись, смысл ускользал. — Я и моя спутница. Мы искали тебя. Хотели вырваться из этого мира. Биться за Небеса в Бесконечной Войне. Ад и его владыки не могли дать нам выбора, и мы сделали его сами. И теперь... Мне... нам... Нам нужна твоя помощь. Беатрикс... Она умирает.

— Мне нужна твоя помощь, — эхом повторила ангел. — Нет сил. Нужна кровь.

— Кровь? Возьми мою. Только спаси...

Крылатая женщина покачала головой.

— Скверна. Грязь. Твоя кровь не годится. Печать.

— Ты сможешь ее спасти? Сможешь?

— Нужна кровь, — тихо повторила посланница Небес.

У ангела оказались неожиданно острые, больше похожие на стилеты клыки. Аккуратно прокусив кожу, создание припало к шее умирающей наемницы.

— Пей. Пей сколько тебе нужно. Только спаси ее!

... А потом Роланд услышал тихий вздох. И понял, что для рыжеволосой наемницы, по имени Беатрикс он был последний. Чуда не случилось.

— Она все равно бы умерла. Рана слишком тяжелая. Чтобы исцелить ее мне пришлось бы пожертвовать большей частью собственной силы. Неприемлемо. Нерационально.

Голос ангела был одновременно и мелодичным, и безжизненным. Полностью лишенным всяких эмоций.

— Я не из Великих. Так или иначе, не могу взять с собой двоих. Ты — воин. Ты отмечен демоном. Если приложить усилия — ты будешь великим воителем Небес. Бессмертным воителем. Тем, кто переломит ход войны. Это правильно. Это — верный выбор.

В наполненных звездами глазах не отражалось никаких эмоций. И Роланд вдруг понял, что нет никакой разницы между Адом и Небесами. Нет добра и зла там, за гранью. Есть только выгода. Расчет. Стратегия. Вот только вместо игровой доски — целый мир. А вместо безымянных фигур — думающие и живущие своей жизнью люди. Люди, которых подчиняют, чтобы использовать в своих интересах. Одни подчиняют силой. Другие — красивыми словами и надеждой...Что хуже? Что лучше?

«Как бы далеко ты не убежал, твое чудовище будет всегда с тобой».

Роланд горько рассмеялся. Да, его чудовище всегда с ним. И от него никуда не скрыться. Какой бы выбор он сейчас ни сделал.

— Ты огорчен, человек. Чувствуешь горечь утраты. Это нормально с точки зрения смертных. После того, как ты шагнешь со мной в Обетованное, места для чувств и эмоций не останется. Так что отбрось все, что было с тобой здесь. Дай мне руку. Дай мне руку, и я покажу тебе...

«Твое чудовище будет всегда с тобой».

Рот ангела искривился, рука метнулась к мечу, но копеш оказался быстрее. Брызги бесцветной крови, стук покатавшийся по полу головы и гаснущее звездное небо в глазах.

...и следом — знакомая боль грядущего *изменения*. Роланд отчетливо понимал, что все это время он был прав и сохранить свою сущность, получив дар демонического бессмертия, он не сможет. Но сейчас бывший герцог был только рад этому.

— Да, отец. Ты был прав. Мое чудовище всегда со мной.

Копеш со звоном упал на землю. И Роланд ди Спатар, преодолевая боль в изменяющемся теле, зашагал к выходу из катакомб. Его ждала Бесконечная Война. И, так или иначе, но он сделал свой выбор.

Алексей Жарков
В шаге от веры

Тесная яма пахла глиной. Тонкие белесые корешки, обрезанные кое-где острой лопатой, извивались в неровных блестящих стенах. От земли тянуло сыростью и холодом.

Федор не знал, почему он здесь, почему у него винтовка за спиной и пистолет на поясе. Не знал, куда и зачем идет. И не мог вспомнить, когда все это началось и чем должно закончиться. Возможно, его приложило осколком или ударило по голове во время одной из атак. А может, ему просто нельзя

было знать то, чего он не должен. Единственное, в чем Федор был уверен наверняка — он выживет. Просунув руку вниз, он нащупал пистолет и положил перед собой. Так спокойнее.

Всю ночь Федор провел в яме и проснулся только под утро, когда за холмом уже светлело небо. Еще немного и поднимется солнце — теплое, яркое. Там, на холме вокруг небольшой церкви, стояли деревенские домики. Из труб тянулся смуглый дым.

Выбравшись из ночного укрытия, Федор заправил в кобуру пистолет, отряхнулся, поправил пояс, проверил винтовку и направился в деревню.

* * *

Его всегда удивляло, как по-разному воспринимается война. Взять, например, эту деревню. На улицах все мирно и спокойно: девчонки бегали за собакой, мальчишки пускали кораблики в весенних ручьях, бабы хлопотали с бельем, мужики дымили папиросками и точили косы. Из общего жизнерадостного быта выбивались только пара-тройка домов. Обычно они торчали на улице, как гнилые зубы. Некрашенные стены, серые залатанные крыши и пьяные, шатающиеся заборы. Их двери исцарапаны дикими тварями, блуждающими по ночам, а живущие в них люди всегда ходили с оружием.

Но остальные этого не замечали (или делали вид, что не замечали). Будто и не было вокруг иного дома самодельной колючей проволоки с засохшими лоскутами плоти, не торчали под окнами заточенные, почерневшие от крови колья, и не обсыпан битыми стеклами смоляной конек на крыше. Будто они не готовились (в отличие от других, удивлявших Федора своей безрассудной открытостью), самым тщательным образом, чтобы дать отпор яростному, беспощадному врагу.

Тем не менее, заходя в деревню, он никогда не останавливался в таких «цитаделях», предпочитая им светлые и ухоженные неукрепленные жилища. Там он забывал про войну, успокаивался и мог отдохнуть.

Федор подошел к мужику, кутившему у разобранной телеги, и спросил, у кого можно поесть. Тот недоверчиво

осмотрел незнакомца и, почесавшись, показал на дом с синей крышей на другой стороне улицы. Там жила вдова. Федор разулся, вошел в дом и, перешагнув через высокий порог, едва не ударился головой о косяк. Сев за стол, он попросил поесть и сказал, что заплатит. Вдова от денег отказалась, пообещала принести кашу и ушла. Федор осмотрелся: дети играли во дворе, а в доме стояла теплая спокойная тишина, пахло сеном и гречкой. Пыльными лучами освещая стены, в комнату пробивалось утреннее солнце. На одной стене был вбит гвоздик и висел черный мужской пиджак. Судя по всему, висел он давно и успел покрыться слоем белесой пыли. Рядом стоял добротный комод с золотыми ручками в виде загнутых лепестков, на котором теснились рамки с фотографиями. Черные фигуры, старые и молодые лица — дорогие воспоминания. Высоко в углу была сделана полочка, на которой застыла одна большая икона и много маленьких, а перед ними свисала с крючка в потолке лампадка. Горела недавно зажженная свечка. Федор ухмыльнулся. Всю эту возню с иконами, молениями, свечами, кадилами, причастиями и заодно веру в бога он считал проявлением слабого ума, недостаточной образованности, да и просто нелепицей. При виде верующего человека его так и подмывало сказать что-нибудь едкое в адрес бога, но каждый раз попадались хорошие люди и обижать их было не за что.

Худая женщина в светлом домашнем платье принесла кастрюлю с кашей и кувшин молока:

— Каша горячая, молоко холодное.

— Понял, — ответил Федор и взял со стола ложку.

Вдова наложила дымящейся каши, залила поверх молоком и пододвинула сахарницу.

— Не, спасибо, этого не надо.

— Дети любят, чтобы с сахаром.

— На то и дети.

Вдова хмыкнула и села рядом, а гость принялся отпирать ложки с кашей одну за другой в рот.

— Куда идешь?

Федор не ответил — рот был занят — и только посмотрел на женщину. Заметил родинку на носу, разросшуюся как гриб до некрасивых размеров. Он смотрел так долго, что она отвела глаза в сторону и смущенно улыбнулась.

— Остаться тебе надо, — сказала вдова.
— Это зачем?
— Нельзя так жить. Не к добру это.
— А что к добру? — ответил Федор и кивнул в сторону иконы. — Это?

Вдова посмотрела на образ и перекрестилась.
— Господь — он все видит, все знает. Всех принимает.
Федор отправил в рот гречку и снова посмотрел на женщину.
— Что-то я в этом не уверен.
— Всех заблудших добротой своей согреть может.
Простить.

Федор вздохнул и продолжил есть молча.
— Как зовут тебя?
— Федор.
— Помолюсь за тебя, Федор.
— Это необязательно. Уж извини, мать, не верю я в это.
Вдова укоризненно посмотрела на гостя, перекрестилась и вышла.

Гость доел кашу и только взялся за кастрюлю, чтобы навалить себе добавки, как вздрогнул от скрипнувшего откуда-то из заднего угла голоса:

— Ты так и не ответил на вопрос.
Федор резко развернулся и увидел седого старика в светлых мешочных одеждах. Старик сидел, прислонившись к стене, держал в руках чашку и имел такой бледный выцветший вид, что на фоне светлых обоев был почти незаметен.
— На какой вопрос?
— Куда идешь?

Федор вздохнул. В самом деле, куда он идет? Вопрос этот преследовал его уже много лет, но ответа так и не нашлось.

Старик встал и подошел к столу, поставил чашку, покрытую паутиной черных трещин, подвинул ее костявыми пальцами дальше от края и повторил настойчивым голосом:

— Куда идешь?
— На войну, старик, на войну, — устало ответил Федор и нагреб в тарелку новую порцию каши.

— На войну... — повторил старик. — Так давно уж нет... никакой войны.

Он внимательно посмотрел на Федора, который поставил кастрюлю и с подозрением заглянул в выцветшие, маслянистые глаза старика.

— Есть, — ответил он и взял кувшин с молоком, — есть война. Кругом война.

— Вишь как, кругом война, — повторил старик, как будто усваивая. — Так может, только ты на ней и воюешь?

— Ну уж нет, старик, я не слепой.

— Не слепой, хех, не слепой. Все видят только то, что хотят видеть. Иногда не замечают обычных вещей. Или придумывают всякое. Поэтому и живут по-разному. Вроде бы и рядом, а далеко.

Федор покачал головой. «Еще один чокнутый дед», — подумал он и размешал горячую гречку в холодном молоке. Старик застыл на мгновение, а потом закричал, отчаливая в свой угол:

— И я не старик, и пуль у тебя нет.

— Что? Пуль? — возмутился Федор и обернулся на деда. — Пуль у меня нет?

— Пуль! — выпучив глаза, повторил бледный старец.

— А-а, — махнул на него Федор. — Иди уже, дедушка.

Дед вернулся в свой угол и затих. Федор доел кашу и вышел во двор. Дети подняли песочную пыль, которая легла рыжим налетом на его ботинки. Он постучал одним о порог, но не смог стряхнуть. Вторым стучать не стал, вышел на улицу и лениво осмотрелся. Все вокруг были заняты делами: курицы паслись в прорастающей траве, мальчишки нашли где-то мокрый, тающий снег и бегали с ним за визжащими девчонками, мужики по-прежнему таскали какие-то мешки, а бабы кудахтали у колодца.

Он прошел дальше и увидел церковь. Несмотря на свое насмешливое отношение к религии, в церкви он заходил почти всегда. Ему там нравилось — убранство, запах ладана, смешные, немного детские рисунки святых на стенах, отливавшие золотом кадила и мерцавшие перед иконами свечи.

Это была совсем небольшая церковь, Федор остановился и поднял голову на огромного человека, изображенного на рисунке в красном плаще. Посмотрел на его животик подушкой и ухмыльнулся:

— Храм Иисуса на сносях.

Федор постоял еще немного и вышел. Снятая перед входом кепка заняла привычное место, а деревня закончилась, обрываясь неровной дорогой в лысое поле, пока небритую щеку продолжала сминать застывшая ухмылка. С ней он вышел в поле, за которым начинался лес. Федор сделал глубокий вдох и улыбнулся. Деревенская жизнь не для него. Вот он — простор, свобода! Нет никаких скучных мешков с картошкой, толстых баб с уродливыми родинками, галдящих детей, бытовых забот и ненужных проблем. Куда он идет? Может быть, дедушка, лучше спросить «откуда»?

* * *

К вечеру он дошел до заброшенного завода, который уродовал поле гигантским бетонным скелетом. Будто от съеденного великаном кита, на поле остались только вросшие в землю ребра. Остальные строения по сравнению с ними выглядели детскими домиками. В одном из них возникла синяя вспышка и что-то хлопнуло. Рядом с Федором начала неторопливо наклоняться молодая подкошенная березка.

— А вот и вечеринка, — улыбнулся Федор и как подрубленный шлепнулся на землю. — Нет войны, значит?

Враги высыпали из нор старого завода, как ошпаренные тараканы. Он едва успевал прицеливаться, отправляя их биться в агонии на землю. Дикие стоны заполнили округу. Глаза начали слезиться от пыли и песка, но враги, невзирая на потери, окружали его. Оглянувшись, он увидел, как с тыла подбирается целый отряд в страшных, спрятанных под ветками масках, с рогами на головах, изогнутыми мечами и окровавленными копьями. Тогда он перекинул через плечо винтовку, снял с пояса гранату и, вскочив на ноги, бросил в нападавших. Враги разлетелись, как тряпочные куклы, но Федор этого уже не видел — с огромным ножом и дьявольской улыбкой он обрушился на тех, кто шел со стороны завода. Он резал мягкие шеи, протыкал панцири, оставляя в сизых нечеловеческих телах глубокие раны, раскидывая их, как

загнанный в ловушку зверь, рыча и скалясь при виде каждой еще не задранной мишени.

Незаметно он оказался внутри заводского склада. О том, что это был именно склад, свидетельствовало огромное количество острых разбитых ящиков со ржавыми остатками каких-то деталей и механизмов. В глубине помещения горел свет и слышались женские всхлипы. Федор вытер об рукав нож, вогнал его за пояс и взялся за винтовку. Осторожно перешагивая пыльные доски, стараясь не шуметь, он пошел на свет.

За проржавевшим остовом трактора оказалась девушка. Она лежала на полу, прикованная цепями за руки к стене. Увидев спасителя, девушка улыбнулась и закрыла глаза. Снаружи послышался вой. Федор обернулся — в проходе стоял сутулый небритый человек с бутылочной «розочкой» в руке. Синие губы задрожали в ехидной гримасе:

— За подстилкой нашей пришел? Так мы ее уже неделю приходуем ...

Федор выстрелил, и негодяй согнулся пополам, выронил зеленое стекло и, издав страшный стон, упал замертво. Снаружи послышались крики. Федор одним прыжком забрался в старый трактор и вдавил приклад в плечо.

Он отстреливал их по одному: входивших в дверь, влезавших в разбитые окна, выползавших из-под мусора. Добил одного упавшего с дырявой крыши, корчившегося и извивающегося от боли. Прижигал ублодков оружием, как йодом бородавки. Наконец, шум стих. Исчезли скрипы и стоны, движения в темноте и металлический скрежет трактора. Убедившись, что враги перебиты, Федор подошел к девушке.

Она лежала на полу — сухом и на удивление чистом. Он приблизился. Человек на привязи, даже если это молодая, хрупкая девушка, за неделю приобретает другой вид и запах. Но от девушки пахло мытьями волосами, чистой одеждой, какими-то цветами и что самое неожиданное — от нее пахло самкой. В том самом смысле, который заставляет сердце мужчины биться чаще, забирает кровь из головы и отправляет ее всю вниз.

Он отступил назад и почувствовал, как тяжелеет его член, как неудержимо пробивается вверх, сминая нижнее белье в складки, подпирая ширинку изнутри. Девушка лежала на

спине, слегка накиннув коленку одной ноги на другую. Подол задрался почти до пояса, и белая чистая кожа приглашала заглянуть глубже под складки красного платья. Федор застыл в оцепенении, сердце готово было вырваться из груди, пальцы похолодели. Он сжал винтовку так, что скрипнул приклад. Девушка очнулась. Она открыла глаза, немного прищурившись, взглянула Федора, посмотрела на оружие, опустила взгляд и задержала его на бугорке, возникшем под поясом. Затем девчонка улыбнулась и, глядя в глаза, произнесла:

— Я тоже этого хочу. Прямо сейчас.

Цепи дернулись, звякнув звеньями и замками. Вспомнив, что не может ничего сделать руками, девушка согнула в коленях ноги. Платье сползло на пояс. Она выпрямила одну ногу, подняла вверх и опустила. Федор стал дышать чаще и тяжелее. Не отрываясь, он смотрел на темный треугольник между платьем и ногами. Смотрел до тех пор, пока там не появилась ткань трусиков.

Затем он увидел изгибы бедер в складках платья, талию и грудь, где медленно и ровно поднимались и опускались окрепшие под тонкой блузкой соски.

— Я хочу тебя! Что же ты ждешь? — сказала девушка почти шепотом.

Она выгнула спину, показывая, что не может встать, сжала зубы и зарычала в бесполезной ненависти к своим оковам. Ноги выпрямились и напряглись. Федор сильнее сжал винтовку. Платье девчонки задралось на животе, и он увидел крохотный аккуратный пупок, окруженный едва заметными контурами мышц.

Боец положил на пол винтовку и снова приблизился к девушке. Теперь до ее ног оставалось не больше шага. Ему сделалось жарко, он сбросил куртку и перчатки. Казалось, что все просто, но ему мешали странные мысли, колючими сомнениями жала мозг. «Это неправильно. Она не знает, что делает. Ты не можешь использовать ее, попавшую в беду, ради удовлетворения собственной похоти».

— Я уже готова. Подойди ближе!

Девушка потянулась, пытаясь достать до мужчины ногой. Ее тело упруго выпрямилось, сделалось еще стройнее, непреодолимой силой увлекая Федора нежными изгибами открытых ног, холмиками грудей, тонкими руками,

закованными в черные цепи и раскиданными вокруг головы волосами.

«Но она хочет меня, хочет, чтобы я сделал это! Она сама меня просит, — Федор улыбнулся. — Но подумай, сколько отморозков уже использовало ее тело до тебя? Девушку, закованную в цепи — беззащитную и слабую, неспособную защититься и дать отпор насилию. Ты хочешь встать с ними в один ряд? Хочешь быть одним из них?»

— Нет, я не могу, — отозвался охрипшим голосом Федор.

— Не можешь?! — удивилась девушка. — А я уверена, что можешь.

Она уставилась на его набухшую пульсирующую ширинку. От этого взгляда Федору сделалось крайне неловко, и он подумал, что нет нужды скрывать очевидное. В следующее мгновение он, неожиданно для самого себя, разрядился в трусы.

— Охо-хо! — Девушка заметила едва уловимые спазмы и раздвинула ноги. — А сюда сможешь?

Мужчина увидел белые женские трусики с проступившей влажной полоской. Кровь продолжала оставаться в окаменевшем члене, будто ничего не произошло. Лишь теплая тяжелая капля стекала по нему вниз, усиливая желание.

— А я без тебя не смогу кончить, — немного жалобно произнесла девушка.

Федора охватило иступление. Ему показалось, что он уже сделал это и самый неловкий момент уже позади. Да, он не устоял, он овладел ею! Овладел на расстоянии. Он сделал это. Сделал! И теперь уже нечего объясняться с совестью. Надо признаться в свершившемся. Он самец и хочет эту самку. Лучше умереть, но овладеть ею еще раз.

Камень сомнений и условностей был сброшен. Все было правильно. Кто скажет, что он сделал плохо? Нет никого и ничего, что бы могло помешать! Он свободен!

Федор подошел и встал рядом с девушкой на колени. Аккуратно дотронулся руками до сосков. В ответ она задрожала и забилась в цепях. Он дотронулся до ее груди смелее и сжал так, что она даже вскрикнула. Следом он разорвал платье, увидел ровные темные пятнышки и припал к ним губами, удерживая бившуюся под собой девушку за талию и содрогаясь вместе с ней.

— Один — один, — выдохнула она, когда оргазм иссяк. Федор посмотрел на нее, как голодный зверь, и улыбнулся.

— Но я хочу еще! — сказала девушка, показав глазами на пояс. Федор расстегнул тяжелую пряжку, вытянул ремень из брюк, взялся за ширинку...

— Давай я, — девушка рыкнула как волчица и оскалилась. — Зубами!

* * *

Ночь тянулась в предчувствии рассвета. С каждой минутой света становилось больше. Он проникал в заброшенный склад сквозь дырявые двери, разбитые окна, обвалившуюся крышу. Отбирал у темноты последние метры заваленного ненужным хламом пространства. То, что вечером было скрыто во мраке, нехотя появлялось на свет, не в силах более скрывать свою уродливость под покрывалом теней.

Федор проснулся, когда солнце ударило ему прямо в глаза. Зажмурился, сел и стянул вниз куртку, под которой спал. Посмотрел на лежавшую рядом девушку и сморщился. Ночью она казалась ему симпатичней. Неожиданно она тоже открыла глаза и, обнаружив себя прикованной цепями, начала вертеться и всхлипывать. Федор выскочил из-под куртки и зашарил в поисках одежды. Неожиданно, девушка произнесла:

— Извини меня.

— За что? — удивился Федор.

— Я была во власти демонов.

— Что? Каких еще демонов?

— Вселившихся в меня.

— Что? Что за бред?

— Это не бред. Они замутили мне разум, овладели телом и заставили совратить тебя.

Федор в недоумении уставился на девушку. Она лежала на полу, замотанная в какие-то тряпки, а он покачивался рядом и, застегивая ремень, одевался. Сейчас она выглядела непривлекательно: иссиня белая кожа, опухшее лицо, мерзкий голос и душный запах прелого тела. Ночная радость и свобода

растаяли, их место заняла бессильная жалость к девушке и липкая брезгливость к самому себе. Он не помог ей — наоборот — надругался, как многие до него. И что теперь? Теперь он сможет ей помочь? Нет. Он сможет порвать эти цепи? Нет. Он позовет людей? Нет. Он уйдет, оставив ее лежать здесь, в пыльном и холодном складе, заброшенного уже лет десять завода?

— Но ты же сама хотела. — Федор не знал, что еще сказать.

— Не я. Демоны.

— Нет никаких демонов!

— Есть! И Ангелы есть! Они пытались проникнуть сюда, чтобы спасти...

— Я пришел, чтобы тебя спасти!

— ... ты их убивал!

— Тебя никто не хотел спасать! — взревел Федор.

— Меня?! — Девушка вдруг замолчала, широко раскрыв глаза. — Так ты ничего не понял?

— Что я не понял? Что еще, я мать твою, не понял?! Что вы все тут двинулись с вашим богом, демонами, ангелами и прочей брехней?

Девушка пристально посмотрела в глаза Федору. Так, словно пыталась рассмотреть что-то, найти подвох или зацепку.

— Ты правда ничего не понял?

— Что — не понял?

— Они не меня пытались спасти, а тебя.

— Меня?

Она промолчала в ответ.

— От чего меня спасать? Что за бред?! Что за глупости?!

— От демонов.

— Ну, понеслась...

— Тебе следует покаяться...

Федор поднял в изумлении брови.

— Покаяться, потому что ты грешен. И теперь ты уже не можешь этого отрицать.

Он приложил руку ко лбу и шумно выдохнул.

— Только так ты сможешь обрести покой! Покайся, прими наказание смиренно, и ты очистишься от грехов своих, начнешь новую жизнь, освободишься от грязи и смуты. Отдайся на милость божию. Прими владычество его!

Федор начал шарить взглядом по потолку, обшарпанным стенам, разбитому трактору, который стал его укреплением во вчерашнем бою. Достал и спрятал пистолет, переставил с места на место винтовку. Вдруг у него вырвалось:

— Ты такая молодая и красивая, откуда в тебе столько религиозной мутни?

— Чего?! – изумилась девушка. — Молодая и красивая? Мне уже сорок семь лет, у меня двое детей и дурной старик на шее. Неужели настолько все плохо? Ты слепец, открой глаза!

Федор посмотрел на женщину и, отшатнувшись, задел ногой старый ящик, едва не упав на ржавые железки. Перед ним лежала уже не стройная и молодая девушка, а вдова с грибом-родинкой на носу. Пульс ударил в виски, в глазах потемнело.

— Как? Как это может быть?!

— А! Увидел! — обрадовалась вдова. — Да-да, внутри меня ты елозил писькой всю ночь. Во мне, старой и вонючей калоше, посреди густой лужи дерьма и мочи.

В нос ударил резкий запах. Федора начало мутить, но спазмы сотрясали его организм совершенно безрезультатно.

— Ты будешь страдать вечно, — продолжила вдова, — если не примешь господа нашего. Поверь, только Он знает и верит в тебя. Только Он способен простить и подарить покой.

Спазмы прошли, но в ушах звенело, голова кружилась, а перед глазами плавали образы убитых бродяг с отбитыми горлышками в руках, кривые вилы врагов, вспышки света, обнаженная грудь, липкая коричневая лужа. Ему сделалось невероятно плохо. Так плохо, как не было еще ни разу. Вдруг возникла церковь «Иисуса на сносях». Образ был такой светлый и добрый, что Федор потянулся к нему и представил себя в этой простой деревенской церкви с деревянной скрипучей дверью и кривыми свечками, мерцающими в полумраке. В нем возникла зависть. Зависть верующим, для которых выстроены эти стены, написаны иконы и которых согревает добрым взглядом Иисус. У них есть такой всепрощающий покровитель, все замечающий и все понимающий друг. К нему можно прийти с бедой, пожаловаться, поплакать, как ребенок на мамином плече. А где его, Федора, покровитель? Где невидимый, но всесильный помощник, способный помочь в любой ситуации?

И Федору захотелось поверить, отдаться во власть вымышленного существа, забыть в безропотной вере, развалиться на широком плоту, плывущему по мягким волнам счастья и умиротворения.

— Только в любви к Нему ты обрешь покой, — проговорила вдова, заметив терзания мужчины. — Надо поверить, покаяться и смириться. Ты живешь неправильно, греховно живешь, но с приходом веры твоя война закончится.

За стенами склада послышались человеческие голоса. За женщиной пришли люди.

— Слышишь, это пришли за мной. Если ты не примешь владычество его и не покаешься, они разорвут тебя на части. Меня ищут уже неделю, и я расскажу им, кто меня похитил и изнасиловал.

— Как могла пройти неделя, если я обедал у тебя вчера? Что ты несешь?

— Слепец, Слепец, слепец! Ты видишь только то, что хочешь видеть! — закричала женщина.

За стеной отозвались радостным криком. Люди стали обходить склад, заглядывать в дырки и окна в поисках двери.

— Прими Бога,пусти его в свое сердце, поверь в него, поверь в него! Он ждет и любит тебя!

Федор достал пистолет, коснулся холодным металлом лба женщины и нажал на спусковой крючок. Лицо тряпкой отлетело в сторону, дернулось на привязи тело и опустилось на пол. В тусклом свете заблестела багровыми каплями облезлая стена склада, звоном застрял в голове отразившийся выстрел.

— Нет, — произнес Федор. — Я один. Один. И никто меня не любит.

Он опустил пистолет. В поднятой пыли белесой дымкой возникло лицо старика. «И пуль у тебя нет!» — беззвучно прошептали сухие губы. Федор повернул пистолет, сдвинул предохранитель, вынул магазин и похолодел. Пусто. Вставил обратно, больно сглотнул высохшим горлом, недоверчиво посмотрел на оружие, направил на женщину и согнул указательный палец. Выстрел! Еще! Снова выстрел! Глаза его заблестели, губы растянулись злой улыбкой. Выстрел! Выстрел! Труп послушно и безучастно принимал пули одну за другой, теплая кровь брызнула на лицо Федора. Стены наполнились грохотом и взбесившимся рычащим смехом.

Он выскочил на улицу и увидел людей. Каменными истуканами они стояли у входа, застыв в немом изумлении. Мужики, старики, женщины, дети. Федор пробежался взглядом по лицам. Увидел бледного выцветшего старика в мешочной одежде, а рядом с ним вдову. Ту самую, с родинкой. Ту, которую он только что расстрелял. Руки перестали слушаться, голос сорвался на крик.

— Я не хочу ни во что верить! Я не обязан каяться! Я не грешил! Вы все выдумали! Я хочу быть свободным! Оставьте меня в покое!

Он поднял пистолет и выстрелил во вдову. Промах. Еще! Снова промах! Тогда он выстрелил в деда, в ребенка, стал стрелять по всем без разбора, но ни в кого не мог попасть. Люди стояли, не шевелясь, как призраки, глядя на него с грустью и состраданием. Тогда он взялся за нож и бросился на ближайшего к нему мужика, но тоже промахнулся, упал в лужу, встал, бросился еще, но, шатаясь как пьяный, опять промахнулся. Отбросив с отчаянным ревом нож, Федор встал и бросился в поле. Он бежал — падал и вставал, не обращая внимания на ободранные руки и боль в ушибленных коленках. Грязь липла к ботинкам, лицо драли ветки, ноги скользили и проваливались в ямы, но Федор вытаскивал их и заставлял тело двигаться дальше.

К вечеру он добрался до деревни и не узнал ее. Теперь она стояла пустой и брошенной. Черные доски стен гнили под провалившимися крышами, а на улице не было ни души. Едва сдерживая отчаянный крик, Федор осмотрелся. Прошел немного вперед и увидел остатки синей крыши на одном из полуразрушенных домов. Знакомой дорогой он побежал к церкви, но на ее месте оказалась яма. Тесная, с белесыми корешками, обрезанными кое-где острой лопатой, извивавшимися в неровных блестящих стенах.

* * *

Закат вспыхнул красным солнцем, спустившимся под покрывало облаков. Длинные тени исполосовали разбитые строения мертвой деревни. Черными глазницами выбитых окон

его провожали старые печальные стены. В сбитую косую дверь осторожно выглянул черный кот, зеленые глаза наполнились красным светом заката, в который тяжелыми шагами уходила сутулая фигура. Ее шаги напоминали стоны, а хриплое дыхание сопровождало каждое движение. «Я один, — оскалив клыки в ухмылке, повторял Федор. — Один. Только я. Я».

Кот встал на задние лапы и превратился в ангела. Расправив роскошные белые крылья, проводил человека взглядом и затем долго всматривался в закат. По его лицу скатилась слеза. Из черного окна, из-за гнилого сарая, из выгребной ямы, отовсюду, где были тень и смрад, скалились кривые рожи демонов. Тех, невидимых Федору, тех, которых он скоро увидит, тех, которые останутся с ним навсегда.

Ангел поднял голову, расправил упругие крылья и, заставив демонов зажмуриться в пыли, взмахнул над руинами деревни. Он поднимался выше и выше, пока не растворился в небе, блеснув на прощанье последней искоркой уставшего солнца.